ИСТОРІЯ ВЛАДИМІРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

(Съ 1750 года, по 1840 годъ).

СОЧИНЕНІЕ
КСЕНОФОНТА НАДЕЖДИНА.

„*Ея Императорское Величество, милосердствуя о своихъ подданныхъ, и матерински сожалѣя и соболѣзнуя о крайней человѣческой погибели, и отвращая зло, Всемилостивѣйше повелѣла, дабы Сѵнодъ съ Епархіальными Архіереями имѣли крайнее попеченіе о поправленіи ученіемъ духовнаго чина чрезъ учрежденіе Семинарій*". (Указъ Анны Іоановны 1738 г.).

ВЛАДИМІРЪ НА КЛЯЗЬМѢ.
ПЕЧАТНЯ А. А. АЛЕКСАНДРОВСКАГО.
1875.

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. 27-го Февраля 1875 года. Цензоръ Архимандритъ Сергій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

«Указы Петра Великаго о заведеніи духовныхъ школъ. Несочувствіе духовенства. Средства содержанія духовныхъ училищъ. Указъ Анны Іоановны».

Духовныя училища учреждены въ Россіи вскорѣ послѣ введенія въ ней христіанства, для образованія просвѣщенныхъ пастырей и учителей божественнаго закона. Они, болѣе или менѣе, всегда достигали своей цѣли. Въ нихъ получило воспитаніе множество духовныхъ особъ, отличившихся способностями и познаніями въ высшихъ и низшихъ званіяхъ церковной іерархіи. По времени учрежденія, духовныя училища старше всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи; но духовныхъ училищъ въ Россіи въ продолженіе очень долгаго времени было не много. Первая мысль общаго повсемѣстнаго образованія и просвѣщенія нашего духовенства принадлежитъ Петру Великому. Онъ издалъ нѣсколько указовъ въ 1714, 1716 и 1720 годахъ, вмѣняя каждому епархіальному архіерею въ непремѣнную обязанность учредить при своемъ домѣ школу для образованія дѣтей священно-церковно-служительскихъ (*). Но теперь естественно

(*) Какъ велика и неоцѣненна эта мысль Петра 1-го, можетъ понимать каждый знающій крайнее невѣжество большей части духовенства до открытія духовныхъ Семинарій. Геннадій Новгородскій архипастырь, представляетъ намъ слишкомъ печальную картину необразованности духовенства своего времени (1485—1505 г.). «Вотъ, пишетъ онъ, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ;

является вопросъ: какимъ образомъ Петръ 1-й не могъ осуществить въ продолженіе своего царствованія этаго добраго и великаго предпріятія? Онъ посылаетъ указъ за указомъ по всей Россіи, а между тѣмъ на его приказанія съ усердіемъ отзываются очень не многіе архипастыри (*). Указы нашихъ Императоровъ о заведеніи во всѣхъ епархіяхъ Семинарій и духовныхъ училищъ стали появляться съ 1714 года, а между тѣмъ открытіе послѣдовало большею частію въ 1749 и 1750 годахъ! Это, по видимому очень странное явленіе, объясняется частію и тѣмъ общимъ положеніемъ, что, какъ всякій въ частности необразованный человѣкъ почти всегда недовѣрчиво и дурными глазами смотритъ на образованіе, стараясь, посредствомъ самыхъ странныхъ умозаключеній, найти его невыгоды: такъ не видѣла выгодъ образованія и вся масса малообразованнаго духовенства того времени. И въ настоящее время еще встрѣчаются такіе люди, которые, получивъ достаточное образованіе, готовы искренно увѣрять, что постоянное и серьозное занятіе науками охлаждаетъ наши религіозныя чувствованія. Такое

приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по тому едва бредетъ. Я отказываю ему, а на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто-бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ кого-бы ставить во священство. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку,—а они не много поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа не достаетъ ставить неучей во священники. Мужики—невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ, а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утренію тоже, или и больше, за часы особо... А то отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ,—едва, едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ!» См. Исторію Русской Церкви, Филарета архіепископа Харьковскаго, стр. 93.

(*) При Петрѣ Великомъ учреждены были духовныя училища въ Новгородѣ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, въ Суздалѣ епископомъ Варлаамомъ Леницкимъ, въ Рязани митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, куда безъ сомнѣнія представляемы были дѣти священно-церковно-служительскіе изъ Муромскаго и Меленковскаго уѣздовъ, которые въ то время принадлежали къ Рязанской епархіи.

странное и ложное понятіе объ отношеніи знанія къ вѣрѣ было въ то время господствущимъ во многихъ умахъ. Не много находилось Өеофановъ Прокоповичей, которые со всѣмъ усердіемъ принялись за просвѣщеніе духовенства, за учрежденіе духовныхъ училищъ. Притомъ извѣстно, какъ большинство русскихъ людей относилось ко всѣмъ преобразованіямъ Петра Великаго, съ какой нелѣпой недовѣрчивостію смотрѣли русскіе люди, даже на самыя великія и полезныя его предпріятія. Петръ заводитъ школы, ученыя общества, собираетъ молодыхъ людей и, для полнѣйшаго ихъ развитія, посылаетъ за границу, а за это его порицаютъ и проклинаютъ говоря, что онъ хочетъ онѣмечить русскую землю, унизить вѣру православную, заимствуя просвѣщеніе отъ „Католиковъ, Лютеровъ и Кальвиновъ“.

Отъ такого предубѣжденія къ дѣйствіямъ Петра Великаго, отъ крайняго недовѣрія къ его самымъ добрымъ намѣреніямъ—каково распространеніе просвѣщенія—было нечуждо и наше духовенство. Мы увѣрены, что оно долеко съ нерадостнымъ чувствомъ прочитало первые указы о заведеніи духовныхъ школъ. Очень многіе,—если не большинство,—изъ духовныхъ лицъ опасались за чистоту вѣры въ томъ случаѣ, если вездѣ устроятся школы и Семинаріи по плану Петра 1-го. Въ указахъ Петра Великаго 1723 года сказано, что „хотя прежними указами 1714, 1716 и 1720 годовъ опредѣлено священническихъ, діаконскихъ и причетническихъ дѣтей учить цифири и геометріи, но потомъ духовнымъ регламентомъ, по докладу Св. Сvнода, Его Императорское Величество совмѣстно съ Сенатомъ, опредѣлилъ: освободить отъ сихъ наукъ духовныя училища.“—И эта перемѣна постановленія опубликована была Св. Сvнодомъ и Сенатомъ по всей Россіи. Такіе факты заставляютъ съ достовѣрностію предполагать, что первые указы о заведеніи духовныхъ школъ 1714, 1716 и 1720 годовъ были не по сердцу духовенству. Значитъ вездѣ повторялась одна и таже мысль: „вотъ и нашихъ (духовенства) дѣтей хотятъ онѣмечить и учить нѣмецкимъ

наукамъ“ (геометріи); не даромъ-же Св. Сѵнодъ поставленъ былъ въ необходимость ходатайствовать предъ Петромъ Великимъ объ отмѣнѣ прежнихъ его указовъ. Причина ясна: указами недовольно духовенство, и Петръ Великій, уступивъ ходатайству Св. Сѵнода, отмѣняетъ прежнія свои повелѣнія, публикуетъ объ этомъ по всей Россіи, какъ-бы успокоивая духовенство, что духовныя училища свободны отъ ученія цифири и геометріи.

Каковы-же были дальнѣйшіе планы Петра Великаго при устройствѣ всеобщаго образованія духовенства? Какъ далеко онъ и его преемники простирали свои требованія отъ духовныхъ училищъ и Семинарій?

„Весьма къ исправленію церкви полезно есть сіе, говорится въ регламентѣ Петра Великаго, чтобы всякій епископъ имѣлъ въ домѣ, или при домѣ своемъ школу для дѣтей и прочихъ“. Издавая подобные указы, Петръ Великій желалъ поставить духовенство на такую степень образованія, чтобы, кромѣ необходимыхъ познаній священнику, дѣти священно-церковно-служителей по возможности знакомились въ духовныхъ школахъ и съ свѣтскими науками: знали цифирь и начальныя основанія геометріи, на столько-же, на сколько требуется это отъ свѣтскихъ командировъ“.

Такимъ образомъ, по мысли Петра 1-го, духовныя училища, образуя дѣятельныхъ и достойныхъ уваженія служителей Св. церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли-бы государству въ лицѣ ихъ полезныхъ, образованныхъ гражданъ. По этому то онъ не могъ окончательно отказаться отъ своего желанія, чтобы въ духовныхъ училищахъ занимались свѣтскими науками — геометріей и цифирью и, освободивъ ихъ въ 1723 году отъ этихъ наукъ, онъ впослѣдствіи снова высказываетъ свое желаніе, чтобы покрайней мѣрѣ духовные воспитанники, пройдя положенные предметы, *въ свободное время*, занимались геометріей; такимъ образомъ хотя геометрія была необязательною въ духовныхъ школахъ, но она все-таки не потеряла въ нихъ мѣста. Впрочемъ Петръ Великій ясно сознавалъ, что на пер-

выхъ порахъ нельзя много потребовать отъ духовныхъ училищъ. „А понеже (говорится въ его указахъ 1723 года) совершеннѣйшаго ученія философскаго, богословскаго, также нужнѣйшихъ еще за скудостію къ сему учителей преподавать невозможно“, — то и курсъ наукъ былъ значительно ограниченъ. Въ архіерейскихъ школахъ опредѣлено было учить „славянскаго чтенія и писанія по книжицамъ, букварями именуемыхъ, которыя въ Невской типографіи печатаны, и въ томъ ученіи поступать, какъ въ предисловіи тѣхъ книжицъ изображено“ (*). Отъ учителя духовныхъ училищъ требовалось, чтобы онъ былъ человѣкъ честный и умный, „который-бы дѣтей училъ не токмо чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужное, обаче еще не довольное дѣло); но учить честь и разумѣть и, если можно, и наизусть читать двѣ книжицы: одну о догматахъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя книжицы изданы будутъ.

Въ позднѣйшихъ Императорскихъ указахъ мы встрѣчаемъ уже нѣсколько болѣе обширныя требованія отъ учителей и учениковъ: „Архіереи пусть опредѣлятъ умныхъ и честныхъ учителей, кото-которые въ книжномъ чтеніи были остры и разумичны къ правоглаголанію, добре произносить удареніе, просодіи и препинаніе строчное безъ погрѣшенія соблюдать знали и другихъ научать были довольны, и могли-бы оныхъ учить нетокмо чисто, ясно и точно по книгамъ читать, но и разумѣть оныя. Паче тщалися-бы оные буквари въ твердую память положить, дабы изустно читать могли. И какъ изъ тѣхъ букварей совершенно они изучатся и писать понавыкнутъ, тогда начинать имъ въ ученіе славянскую граматику. А

(*) Въ послѣдствіи въ 1742 г., эти буквари вмѣстѣ съ славянскими граматиками разосланы были по всѣмъ епархіямъ, на счетъ архіереевъ, «ради неоскуднаго всѣхъ епархій удовольствованія». Изъ Московской Духовной дикастеріи (консисторіи) разослано было букварей 700, граматикъ 600, за которые надлежало въ Св. Сѵнодъ прислать немедленно деньги: за буквари по восьми алтынъ по двѣ деньги, за граматику по 13 алтынъ по двѣ деньги; изъ этихъ книгъ во Владимірѣ получено было 40 букварей и 25 граматикъ.

понеже по семъ неизбѣжно будетъ обучать и ариѳметикѣ, того ради онаго не оставляетъ (учитель), и какъ ариѳметики, такъ и нужнѣйшей части геометріи оныхъ обучаетъ, дабы они обоихъ — и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искустны".

Въ эти духовныя школы, по указу Его Императорскаго Величества 1723 года, должны были поступать всѣ дѣти священно-церковно-служительскія, уволенныя отъ подушнаго оклада и имѣющія отъ 8 до 17 лѣтъ. Изъ школъ могли быть исключаемы только крайне тупые, или дурнаго поведенія, и то только въ такомъ случаѣ, если будутъ напередъ предприняты всѣ мѣры къ исправленію ученика: „который-же ученикъ былъ-бы крайне тупъ, или хотя остроуменъ, да развратенъ и упрямъ, и непобѣдимой лѣности, таковыхъ по довольномъ искушеніи отпускать отъ школы, отнявъ имъ всю надежду чина священническаго". Чтобы отцы охотнѣе отдавали своихъ дѣтей въ школы, и дѣти прилежнѣе занимались, — со стороны правительства были приняты особенныя мѣры. Какъ скоро въ извѣстной епархіи открывается Семинарія, то священническія мѣста должны занимать только воспитанники Семинаріи, а прочіе уже не имѣли на это права, даже и въ такомъ случаѣ, если-бы за сыномъ укрѣплено было священническое мѣсто. 1721 г. Государь, вмѣстѣ съ Сенатомъ, постановилъ: „чтобы только обучающихся въ школахъ, постановлять на убылыя священническія мѣста, а прочихъ проставлять епископамъ жестоко воспрещено". Въ другомъ указѣ Петра Великаго даже сказано болѣе: которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ, ни въ попы на отцовскія мѣста, ни куда не посвящать, и въ подьячіе и ни въ какіе чины, опричь солдатскаго чина не принимать". Съ другой стороны воспитанникамъ архіерейскихъ школъ предоставлялись значительныя выгоды: каждый изъ нихъ имѣлъ неотъемлемое право на священническое мѣсто, въ случаѣ же принятія монашества могъ поступить прямо въ архимандрита или игумена," развѣ на которомъ-бы явилась важная нѣкая вина это ему недопускающая.

По плану Петра Великаго содержаніе духовныхъ училищъ обезпечивалось епархіею. Отцы обязывались доставлять своимъ дѣтямъ только одежду, а все прочее, неисключая и книгъ, имъ выдавалось изъ суммъ епархіальныхъ. Каждый учитель архіерейскихъ школъ кромѣ жалованья долженъ былъ получать готовую квартиру, столъ, освѣщеніе и отопленіе. „Дабы, говоритъ регламентъ Петра Великаго, не было роптанія отъ родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя и на покупленіе книгъ, такожъ и на пропитаніе своихъ сыновей подобаетъ, чтобы ученики и обучаемы и кормлены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ. А чтобъ сіе могло статься о семъ разсужденіе есть такое: отъ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей брать всякаго хлѣба 20-ю долю (*), да отъ земель церковныхъ 30-ю долю и на сколько-бъ человѣкъ стало онаго хлѣба къ пропитанію и инымъ нуждамъ (одѣяніе не въ числѣ), толикое-бъ число учениковъ съ потребными служителями было". Эти сборы съ монастырей и церквей по расчетамъ правительства могли быть не обременительны, „только-бъ было, говоритъ регламентъ, доброе и вѣрное у оныхъ домостроеніе: и во вся годы давали-бъ епископу вѣдѣніе, кое число всякаго хлѣба собралось, а епископъ-бы надсматривалъ гдѣ оный хлѣбъ подѣвается, который всякія нужды довольствомъ своимъ превосходитъ". И вотъ съ этихъ поръ во всѣхъ знатнѣйшихъ монастыряхъ заведены были приходо-расходныя книги, и для сбереженія лишнихъ монастырскихъ доходовъ въ пользу училищъ ограничено было право монастырей отно-

(*) Въ прежнее время монастыри доставляли обществу очень значительную матеріальную пользу. Кромѣ того, что они удѣляли 20-ю часть своихъ доходовъ на содержаніе Семинарій, каждый богатый монастырь содержалъ на свой счетъ нѣсколько отставныхъ военныхъ чиновъ. Такъ напримѣръ при Рождественскомъ монастырѣ въ 1741 году проживали на прокормленіи и кромѣ того даже получали каждогодно жалованье: капитанъ 33 р. 33 к., подпоручикъ 16 р. 66 к., 4 гвардейскихъ солдата 45 р. 32 к., а прочихъ полковъ два солдата 16 р. Судя по тому времени эти пожертвованія были очень значительны, составляли большую сумму.

(Смотр. Архив. Влад. Консистор. дѣло 1741 г. № 4-й).

сительно „чрезвычайныхъ“ расходовъ: „въ случаѣ важныхъ монастырскихъ построекъ и поправокъ“ уже необходимо было чинить въ коллегіумъ разсмотрительныя догадки (смѣта) противу нуждъ всякаго монастыря и противу прихода“. Очевидно, что эти способы къ содержанію духовныхъ училищъ, сами по себѣ не опредѣленные и весьма различные по количеству доходовъ епархій были ненадежны, въ чемъ правительство и убѣдилось въ 1737 году, намѣриваясь назначить духовнымъ училищамъ постоянный окладъ содержанія.

Таковы были планы Петра Великаго по устроенію духовныхъ училищъ во всей Россіи. Задача, которую онъ предпринялъ для образованія духовенства, была не слишкомъ требовательна, а между тѣмъ оно чрезъ это могло значительно стать выше въ глазахъ общества. Средства къ содержанію Семинарій были указаны и при правильномъ приложеніи ихъ къ дѣлу могли быть до извѣстной степени удовлетворительны.

Но многіе изъ главныхъ своихъ намѣреній не успѣлъ привести въ исполненіе Петръ Великій. Его пріемники старались осуществить его мысли и докончить его начинанія. Въ 1738 году Анна Іоановна со всѣмъ усердіемъ рѣшилась распространить просвѣщеніе между духовенствомъ, и дать средства къ его образованію, чрезъ учрежденіе во всѣхъ епархіяхъ Семинарій. Изъ ея указа, даннаго Святѣйшему Сѵноду, видно, что она вполнѣ поняла какъ для благосостоянія и просвѣщенія государства небходимо образованное духовенство, какъ оно значительно можетъ способствовать къ искорененію пороковъ, къ смягченію нравовъ, какъ однимъ словомъ, при улучшеніи быта духовенства можетъ скоро возвыситься во всѣхъ отношешеніяхъ Россія. По этому-то Анна Іоановна перечисляя „всѣ могущія произойти отъ просвѣщенія духовенства плоды государства“, говоритъ: „что материнская любовь ея къ Россіи и соболѣзнованіе о своихъ подданныхъ побудила ее заботиться объ открытіи духовныхъ Семинарій“. Въ указѣ Анны Іоановны Сентября 22-го дня 1738 года писано: „понеже

Е. И. В. всегда особливое высоко-матерінское тщаніе и стараніе имѣть благоизволитъ, наипаче всего, чтобъ святыя церкви снабжены были учительными священниками для лучшаго подтвержденія христіанскаго закона и благочестія, поученіями, проповѣдію слова Божія и надлежащаго наставленія къ добрымъ дѣламъ, сіе Е. И. В. имѣя въ разсужденіи, милосердствуя о своихъ подданныхъ и матерински сожалѣя и болѣзнуя о таковой крейней человѣческой погибели, отвращая сіе зло Всемилостивѣйше повелѣла, дабы Сѵнодъ съ епархіальными архіереями имѣли крайнее попеченіе о поправленіи ученіемъ духовнаго чина чрезъ учрежденіе Семинарій. Понеже ученіе есть дѣло въ государствѣ полезное и нужное, во первыхъ къ просвѣщенію разума человѣческаго, и наипаче къ совершенному познанію истиннаго почитанія Всемогущаго Творца и къ утвержденію православнаго исповѣданія и православнаго христіанскаго житія, единымъ словомъ сказать: ученіе есть имя премудрости и благости Божіей всѣваемое Духомъ Святымъ въ сердца человѣческія. Сего ради необходимо потребно, чтобы въ государствѣ священническій чинъ божественнаго ученія просвѣщенъ былъ. А при томъ нужда требуетъ для обращенія къ крещенію невѣрныхъ, обрѣтающихся внутрь государства Россійскаго, т. е. мордвы, чуваши, черемисъ и прочихъ подобныхъ тѣмъ родовъ, которыхъ легко можно ученіемъ святымъ привести въ вѣру Христову“.

Вотъ какое высокое значеніе давала Императрица духовному сословію! Вотъ почему она заботилась о распространеніи просвѣщенія въ духовенствѣ и посылала указъ за указомъ объ открытіи Семинарій. Прежде всего приступлено было къ устройству Семинаріи при Сергіеской Лаврѣ, которая-бы служила образцомъ для другихъ Семинарій. При этомъ Императрица выскала желаніе, чтобы при Семинаріяхъ курсъ наукъ преподаваемъ былъ довольно обширный. Е. И. В. повелѣла Сѵноду попеченіе возъимѣть объ устроеніи Семинарій, особливо-же при Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, немедленно выбравъ пристойное мѣсто, завесть Семинарію для обученія ла-

тинскаго, греческаго и если возможно и еврейскаго языковъ, „начавъ отъ граматики даже до реторики, философіи и богословіи. И для того, собравъ искуснѣйшихъ учителей изъ монаховъ и свѣтскихъ сколько потребно и наградя ихъ довольнымъ жалованьемъ, опредѣлить и набрать учениковъ, до 200 человѣкъ, выбирая способнѣйшихъ“. Въ другихъ епархіяхъ архіереи обязывались завести славяно-латинскія школы, заботиться о порядочномъ содержаніи учениковъ — „инапаче чтобы Семинаріи библіотеками довольны были“.

Указы Анны Іоановны объ открытіи Семинарій стали являться чаще и чаще и въ 1749 и 1750 годахъ открыты были многія Семинаріи, въ томъ числѣ и наша Владимірская.

ГЛАВА II.

«Епископъ Платонъ намѣревается открыть Семинарію. Мѣсто для устроенія Семинаріи. Бѣдность Богородицкаго дѣвичьяго монастыря. Тяжба между духовной Консисторіей и провинціальнымъ Магистратомъ. Указы о высылкѣ дѣтей въ Семинарію. Вѣдомости духовныхъ правленій, сколько дѣтей должно быть отправлено въ Семинарію. Отцы съ неохотой отдаютъ дѣтей въ Семинарію».

Въ 1749 году епископъ Владимірскій Платонъ Петрункевичъ рѣшилъ открыть къ новому 1750 году во Владимірѣ духовную Семинарію (*). Епископъ Платонъ былъ человѣкъ весьма дѣятельный, съ твердою волею, съ рѣшительнымъ и можно сказать крутымъ характеромъ. Въ 1749 г. у него было много дѣла; онъ отправлялся обоз-

(*) Въ Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1854 г. помѣщена статья: Столѣтіе духовной Семинаріи во Владимірской епархіи. Въ этой статьѣ сказано: съ наступленіемъ 1855 года совершится ровно сто лѣтъ существованія духовной Семинаріи во Владимірской епархіи, принявшей начало свое въ гор. Суздалѣ. Но мы хотимъ прослѣдить исторію Семинаріи не Суздальско-Владимірской, а собственно Владимірской, которая какъ увидятъ наши читатели, открылась не въ 1755 году, а въ 1750 году. Суздальская Семинарія, какъ мы выше указали, имѣетъ начало свое еще въ 1723 г.

рѣвать свою епархію и вмѣстѣ приготовлялся къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ. И то и другое, потому времени, при крайне неудобномъ сообщеніи, составляло значительный трудъ,(*) но преосвященный Платонъ рѣшилъ свою трудную задачу менѣе чѣмъ въ годъ, и къ 1750 году приготовлено было открытіе во Владимірѣ Семинаріи.

Конечно, прежде всего, нужно было найти удобное мѣсто для устройства Семинаріи. Съ этою цѣлью, въ Августѣ мѣсяцѣ 1749 г., епископъ Платонъ „самоперсонально" отправился обозрѣвать г. Владиміръ и усмотрѣлъ, что „при Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ» безъ всякаго порядка, живутъ четыре монахини, которыя неимѣютъ надъ собой никакой монастырской регулы, кромѣ пространнѣйшаго повсюду входа, и никакихъ доходовъ кромѣ доброхотнодателей неимѣютъ, и потому безправильно скитаются". Далѣе открылось, что къ Богородицкому монастырю, въ противность монашеской жизни, страннымъ нѣкимъ образомъ числятся приходскія дворы на едино токмо чудное разорѣніе; а между тѣмъ при Богородицкой церкви и при этихъ приходскихъ дворахъ не было священниковъ въ продолженіи 10 лѣтъ. „Видя таковое крайнее нестроеніе, епископъ Платонъ немедленно рѣшилъ четырехъ монахинь, проживающихъ въ Богородицкомъ монастырѣ, перевести въ большой Успенскій дѣвичій монастырь; приходскіе же дворы приписать къ Георгіевской

(*) Довольно того, что епископъ Платонъ прежде, нежели рѣшился отправиться обозрѣвать свою епархію, приказалъ напередъ послать трехъ разсыльщиковъ во всѣ духовныя Правленія, которымъ «велено взять у тѣхъ Правленій вѣдомости, сколько у каждаго Правленія находится монастырей и пустошь и въ коликомъ разстояніи находятся отъ городовъ, и ѣхавъ изъ Владиміра, которые по тракту слѣдуетъ посѣщать прежде и тѣми трактами не имѣется-ли каковыхъ трудностей, а ежели имѣются, то объявить каковые имянно». Далѣе духовныя Правленія обязывались, чтобы когда его преосвященство изъ Владиміра въ который городъ отправится, «тобъ для указыванія тракту поставлены были люди». Въ отвѣтахъ духовныхъ Правленій и разсыльщиковъ часто встрѣчаются подобныя выраженія: «а проѣхать здѣсь (въ извѣстномъ мѣстѣ) по причинѣ болотъ и великихъ грязей невозможно» смотри. арх. Влад. Консисторіи дѣло 1749 г. № 245.

церкви,(*) какъ самой малоприходной; „а оный Богородицкій дѣвичій монастырь отнынѣ отстроить для бытія въ немъ съ елико-возможнымъ надлежащаго къ тому порядка учрежденіемъ Семинаріи“.

Въ то время этотъ монастырь имѣлъ слѣдующій видъ. Онъ окруженъ былъ стѣною. Съ лицевой стороны были: „Святыя врата каменныя съ калиткою; на нихъ два шатра и главы, обитыя черепицею“. „Надъ вратами, внѣ монастыря, образъ Успенія, по сторонамъ образа Зосима и Савватія, да два херувима. Внутри монастыря надъ вратами образъ страстотерпца Георгія. Противъ настоящей церкви другія врата каменныя, а затворовъ неимѣется. Посреди монастыря близь теплой церкви(**) кладезь съ колесомъ и веревкою безъ ведра“. „Послѣ упраздненнаго Богородицкаго монастыря остались кельи и различныя постройки, которыя обращены были въ пользу Семинаріи, и на первыхъ порахъ служили для помѣщенія семинаристовъ и ихъ учителей. Монастырь былъ въ крайнемъ запущеніи; оставшіяся кельи были ветхи, и не многія изъ нихъ могли быть годны для жилья. На заподной сторонѣ была палата каменная съ дворомъ, въ длину 3 саж. и 2 арш., поперегъ 2 саж. и 2 арш., въ ней три окна. По правую сторону четыре

(*) Георгіевская церковь самая древнѣйшая во Владимірѣ, древнѣе даже Успенскаго Собора. Епископъ Платонъ, переводя приходскіе дворы Богородицкаго монастыря, приказалъ навести справки, когда и какимъ образомъ Георгіевскій монастырь преобразованъ въ приходскую церковь. Священникъ Георгіевской церкви отвѣчалъ, что онъ при ней служитъ съ 1736 года, а когда сіе произошло ему сіе неизвѣстно. Домовой же приказъ его преосвященства извѣстилъ, что вочиныя владѣнія Георгіевскаго и Ѳедоровскаго монастырей по приказанію Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, приписаны къ Рождественскому монастырю, потому, что о семъ билъ имъ челомъ Рождественскаго монастыря архимандритъ съ братіею, натомъ основаніи, что они тѣ монастыри книгами и ризами и всякою церковною утварью снабжали и кельи и огороды построили вновь. А были вотчины за Георгіевскимъ монастыремъ сіи: деревня Роганово, пустошь Ганконо на Соймѣ, Богдановское на Соймѣ же, Мокруша на Суходолѣ, Игнатьевская и Якимовская на рѣчькѣ Каполѣ и Боярково на Клязьмѣ, да лѣсу 42 десят.

(**) При Богородицкой церкви до 1719 года былъ придѣлъ во имя Зосима и Савватія, но въ этомъ году онъ сгорѣлъ и съ тѣхъ поръ онъ не возобновлялся.

кельи каменныя; оныя кельи 16 саж. вдоль, а поперегъ 3 саж. Въ одной изъ нихъ потолокъ бревенчатый, крыта она драньемъ и въ ней печь кирпичная, а въ трехъ кельяхъ половъ, печей и потолковъ неимѣется. Отъ вратъ, по правую сторону, деревянныя кельи: въ одной изъ нихъ печь кирпичная, чуланъ, три двери съ петлями, въ другой печь простая, крылечко дощатое, да у одного окна затворки съ петлями. По лѣвую сторону еще двѣ кельи: келья не большая о двухъ окнахъ и келья ветхая съ сенцами". Вотъ все богатство оставшееся послѣ женскаго Богородицкаго монастыря въ пользу Семинаріи. Вотъ краткое описаніе тѣхъ зданій, въ которыхъ на первыхъ порахъ должна была помѣститься Семинарія.

Впрочемъ преосвященный Платонъ немедленно приказалъ сдѣлать поправки оставшихся зданій, возобновить разрушившуюся ограду и построить „елико возможно древяныхъ покоевъ для жительства учителямъ и для ученія учениковъ". „А чтобы остановки быть немогло, *покамѣсть* оную Семинарію отстроить на счетъ домоваго его преосвященства приказа съ возвратомъ по расчету всего издержаннаго отъ казеннаго приказу". Вслѣдъ затѣмъ епископъ Платонъ потребовалъ опись: сколько за Богородицкимъ монастыремъ имѣется земли. Ему отвѣчали, что земли за симъ монастыремъ 80 саж. въ длину и 70 саж. въ ширину. Но значительною частію этой земли, которая теперь должна принадлежать Семинаріи, завладѣли сосѣдніе домовладѣльцы—Владимірскіе купцы. По этому случаю произошла тяжба между Консисторіей и Магистратомъ и потребовалось много трудовъ, чтобы выиграть ее (*).

Завладѣвшіе церковною землею посадскіе купцы были Зюзинъ и Мартыновъ,—люди очень богатые. Съ давняго времени, они застроили эту землю многими постройками, а огороды и сады разкинуты были даже по самой горѣ Богородицкаго монастыря. Между

(*) Мы постараемся подробнѣе описать эту тяжбу, потому что, какъ увидятъ дальше читатели, она была причиною послѣдующихъ ссоръ между семинаристами и купцами,—ссоръ довольно характеризующихъ нравственное состояніе Семинаріи того времени.

тѣмъ по писцовой книгѣ этого монастыря, составленной неизвѣстно кѣмъ въ 7133 (1625) г. значится подъ онымъ монастыремъ длиннику 77 саж., а поперечнику 80 саж. Основываясь на этой писцовой книгѣ, домовая Консисторія епископа Платона, препроводила во Владимірскій Провинціальный Магистратъ промеморію, предлагая очистить землю Богородицкаго монастыря, свести съ нее незаконныхъ владѣльцевъ, „понеже на оной монастырской землѣ мужескій монастырь имѣетъ быть отстроенъ и въ немъ для народной, душеспасительной пользы Семинарія заведена быть имѣетъ“.

Естественное дѣло, что посадскимъ людямъ Зюзину и Мартынову нехотѣлось уступить землю, которою они владѣли нѣсколько лѣтъ и даже имѣли на это владѣніе купчія крѣпости. Провинціальный Магистратъ, отвѣчая на промеморію Консисторіи, изъясняетъ ей, что онъ не имѣетъ никакого права исполнить предложеніе Консисторіи натомъ основаніи, что посадскіе люди Мартыновъ и Зюзинъ имѣютъ купчія крѣпости на владѣніе землею, составленныя совершенно законнымъ образомъ, а писцовая книга Богородицкой церкви, неизвѣстно кѣмъ составлена и ни кѣмъ не скрѣплена, притомъ въ ней даже не показано, сплошъ или по разнымъ мѣстамъ за сей церковію имѣется означенное число саженъ—длиннику 77, и поперечнику 80 саж., „безъ котораго подлиннаго о томъ извѣстія, заключаетъ свою отвѣтную промеморію Провинціальный Магистратъ, онъ требуемаго учинить никакъ не можетъ“.

Получивъ такой отвѣтъ, Консисторія ясно поняла, что юридическихъ доказательствъ на незаконное владѣніе купцами монастырской землею она представить не можетъ. Вслѣдствіе этаго Консисторія рѣшилась дѣло вести инымъ путемъ, и въ своихъ послѣдующихъ промеморіяхъ къ Провинціальному Магистрату старается подѣйствовать на него собственно нравственнымъ образомъ: или укорами, или угрозами, или преимущественно разсужденіями о той великой пользѣ, которую должно доставить устроеніе Симинаріи. „А понеже, говоритъ слѣдующая промеморія Консисторіи, показанное отъ

Магистрата въ промеморіи объясненіе оказалось только къ единому напрасному продолженію времени, а потому вѣдаетъ Магистратъ, что монастырская земля не партикулярная какая житейская, но церковная и не простой церкви, а монастырской, которая очищена быть имѣетъ для душеспасительной всѣхъ пользы — устроенія Семинаріи; то Провинціальному Магистрату долженствовало бы къ прославленію имени Божія, къ благополучному заведенію Семинаріи вспоможеніе учинить." Въ концѣ же своей промеморіи Консисторія съ наивностію говоритъ: „а Консисторіи было неизвѣстно, что монастырскою землею владѣли и нынѣ владѣютъ посадскіе люди, а посему ежели, поче чаянія, оный Магистратъ учинитъ остановку къ очищенію земли, то по необходимости жительствующіе на той землѣ отъ духовной Консисторіи сосланы будутъ безвременно, и въ томъ оная Консисторія обязана не будетъ, а долженъ о томъ отвѣтъ дать Мигистратъ". Магистратъ съ свой стороны отписалъ Консисторіи, что она не имѣетъ права самовольно сослать съ Богородицкаго монастыря земли посадскихъ людей, и что въ противномъ случаѣ на нее будетъ подана жалоба въ высшую Команду. Такой отвѣтъ Магистрата показался Консисторіи *весьма продерзостнымъ* и она, усиливъ свои угрозы, препроводила Магистрату промеморію такого содержанія, что онъ волею—неволею долженъ былъ уступить требованіямъ Консисторіи. Изъ того положенія, что Магистратъ и посадскіе люди медлятъ и нехотятъ очистить землю Богородицкаго монастыря, Консисторія дѣлаетъ такое заключеніе: такъ какъ посадскіе люди незаконно завладѣли этою землею, то слѣдовательно они придерживаются какого нибудь раскола, и во всякомъ случаѣ должны быть люди опасные и вредные какъ Государству, такъ и Св. Церкви. Эти подозрѣнія Консисторія доказываетъ слѣдующимъ образомъ: прихожане монастыря — люди богатыя и первостатейные, а между тѣмъ въ ихъ приходѣ въ продолженіи десяти лѣтъ не имѣется священника. Далѣе, эти первостатейные люди „неточію окрестъ монастыря, но и въ самомъ монастырѣ по-

строили самовольно кельи и напустили жить въ оныя своихъ вдовъ и дѣвокъ, подъ образомъ, якобы, нищихъ, и населя тѣми бѣлицами оный монастырь, въ противность правиламъ Св. Церкви, попустили въ томъ монастырѣ имѣть жительство и мужескаго полу; купецъ Зюзинъ съ отцемъ, сыновьями и братьями живутъ рядомъ съ кельями. Но такого закона чтобы мужескаго полу людямъ съ монастырками, яко лицами Богу посвященными, общее жительство имѣть въ православной Церкви, кромѣ самыхъ отступниковъ и раскольниковъ, обыкновенія не было". И вотъ вслѣдствіи такой обстановки дѣла, Консисторія заключила, что и Магистратъ, защищающій таковыхъ позорныхъ и къ раскому склонныхъ людей, подозрѣвается въ томъ же.

Такія угрозы такъ сильно подѣйствовали на первостатейныхъ купцовъ, что въ скоромъ же времени дѣло приняло самый счастливый исходъ для Семинаріи. Магистратъ совершенно перемѣнилъ образъ своего дѣйствія, и слѣдующей же промеморіей прямо отвѣтилъ Консисторіи, что уважая память Петра Великаго, купцы согласны уступить землю для построенія Семинаріи и снести немедля дворовое и хоромное строеніе „и сіе духовная-домовая его преосвященства Консисторія да благоволитъ вѣдать"(*).

Такимъ образомъ, дѣло о владѣніи Богородицкаго монастыря землею было кончено, и преосвященный Платонъ, сдѣлавъ распоряженіе о поправкахъ и перестройкахъ зданій для жительства учителей и учениковъ, въ 1749 году 17 Августа приказалъ „всей епархіи, во всѣ духовныя правленія послать указы, а именно: въ Ярополь, Вязники, Балахну и Арзамасъ, велѣть вѣдомствамъ тѣхъ правленій протопоповскихъ, священническихъ, діаконскихъ, причетниковскихъ и просвирническихъ дѣтей отъ 10 до 17 лѣтъ— всѣхъ безъ изъятія выслать во Владиміръ въ будущемъ Январѣ 1750 г." А такъ какъ преосвященный Платонъ по перво-зимнему

(*) См. архивъ духовной Консистор. дѣло за № 258, 1749 г. Объ учиненіи описи Влад. Богородицкаго дѣвичьяго монастыря.

пути намѣренъ былъ отправиться обозрѣвать свою епархію и быть въ городахъ: Лухѣ, Кинешмѣ, Юрьевцѣ-Поволжскомъ, Починкахъ и Красной слободѣ, то изъ этихъ городовъ повелѣвалось „собрать вышеозначенныхъ чиновъ дѣтей къ прибытію его преосвященства въ Лухѣ, Кинешмѣ и Юрьевцѣ-Поволжскомъ, сего 1749 г. Ноября въ первыхъ числахъ, а въ Красной слободѣ и въ Починкахъ того-же Ноября въ послѣднихъ числахъ неотмѣнно. Но преосвященный Платонъ ясно предвидѣлъ, что при отправленіи во Владиміръ дѣтей священно-церковно-служителей со всей почти епархіи и въ одно почти время могутъ произойти безпорядки; а потому онъ, въ предупрежденіе ихъ, сдѣлалъ съ своей стороны необходимыя распоряженія. Естественное дѣло, что каждый отецъ пожелалъ бы самъ лично отвезти своего сына въ новоустрояемую Семинарію, тѣмъ болѣе, что это дѣло было новое, дѣти еще въ первый разъ должны были съ горькими слѣзами оставить свои родительскіе домы, ѣхать въ дальній путь, въ холодное зимнее время, ѣхать въ Семинарію, о которой ни они, ни ихъ даже отцы не имѣли никакого понятія, въ которой Богъ знаетъ что ихъ ожидало. Но, при всемъ томъ, нельзя же было дать права всѣмъ отцамъ самимъ позаботиться о своихъ дѣтяхъ при отправленіи ихъ въ Семинарію; иначе бы большинство прихожанъ осталось безъ священно-церковно-служителей на долгое время. По этому епископъ Платонъ приказалъ: „дабы при отвозѣ священно-церковно-служителями своихъ дѣтей церкви не были праздно оставлены, того ради, гдѣ находится по одному священнику, чтобы изъ нихъ каждый, кому откуда по близости свободнѣе, тѣхъ своихъ дѣтей ко обретающимся при церквахъ двухъ, трехъ и болѣе священниковъ съ однимъ священникомъ или діакономъ къ той высылкѣ посылали; и сами, кто гдѣ при церкви находится священникъ одинъ отнюдь отъ церквей были неотлучны и безъ священнослуженія церквей и приходовъ не оставляли подъ опасеніемъ за то неизбѣжнаго осужденія, тожъ чинить и причетникамъ. И дабы въ томъ церковно-

2

служители извиняться не могли, того ради оные присланные указы отъ всѣхъ духовныхъ правленій благопристойнымъ образомъ, чрезъ благочинныхъ, записчиковъ и десятниковъ, всѣмъ священно-церковно-служителямъ объявить съ подписками". Въ тоже время было приказано духовнымъ правленіямъ въ одну недѣлю составить и прислать въ Консисторію списки дѣтей священно-церковно-служителей, безъ прибавленія, уменьшенія лѣтъ, а за неисправную и не скорую доставку правителямъ и подьячимъ предстояло „неослабное на тѣлѣ истязаніе".

Тяжелы были угрозы за неисправность по этому дѣлу управителямъ и подьячимъ, но гораздо сильнѣйшему наказанію подвергались тѣ отцы, которые осмѣлились по какимъ-бы то ни было причинамъ недоставить своихъ дѣтей въ Семинарію. Со всѣхъ священно-церковно-служителей отобраны были слѣдующія росписки; „мы даемъ въ обрѣтающуюся при его преосвященствѣ контору подписку въ томъ, что выборные дѣти къ слѣдующему 1750 году Января мѣсяца имѣютъ быть представлены во Владиміръ для обученія неотмѣнно. А ежели зачѣмъ явиться къ таковому числу не можемъ, то подвергаемъ себя тому истязанію, какое отъ его преосвященства назначено будетъ".

Наказанія за неисправность въ этомъ случаѣ предстояли весьма чувствительныя. Въ одномъ указѣ Консисторіи было сказано: „ежели кто дѣтей своихъ въ школу для наукъ не объявитъ, или по отдачѣ въ оныя школы, не окончивъ науки отлучитъ, или изъ оныхъ дѣтей кто убѣжитъ, а отцы ихъ будутъ у себя держать и оные отцы не точію каждый отъ своей церкви отлученъ будетъ, но ни гдѣ служить не будетъ". Въ другомъ указѣ св. Синода повелѣвалось: „понеже отъ различныхъ епархій отъ священно-церковно-служителей укрывательство дѣтямъ чинится", того ради приказали: „вездѣ таковыхъ укрывателей штрафовать и брать на Семинарію, со дня объявленія указа, за каждый мѣсяцъ просрочки, съ протопоповъ по два рубля, съ поповъ по рублю съ полтиной, съ діако-

новъ по рублю, а съ дьячковъ и пономарей по пятидесяти копѣекъ, а деньги употреблять на Семинарскія нужды". Такимъ образомъ за непослушаніе страдали отцы, лишаясь приходовъ, страдали и дѣти, лишаясь права получить какое-либо мѣсто въ духовномъ званіи. Духовныя Правленія незамедлили выслать вѣдомости подъ названіемъ: „реэстръ школьниковъ, сколько въ каждомъ уѣздѣ находится священно-церковно-служительскихъ дѣтей, которыхъ надлежало отправить въ Семинарію". Будущихъ Семинаристовъ оказалось слишкомъ значительное число. За исключеніемъ Владимірскаго уѣзда, мы знаемъ вѣдомости слѣдующихъ духовныхъ Правленій: Ярополькаго—112 учениковъ; Кинешемскаго — 40; Юрьевскаго-Поволжскаго—113; Гороховскаго—36; Балахновскаго — 41; Луховскаго—55; Арзамазскаго—204; Залѣсныхъ Становъ—184; Краснослободскаго — 67. Итого: 862 человѣка! Но вы не пугайтесь читатель, вспомнивъ тѣ бѣдные домики Богородицкаго монастыря, которыя назначали для помѣщенія Семинаристовъ и ихъ учителей, потому что далеко не всѣ эти 852 человѣка поступили въ Семинарію. На пріемномъ экзаменѣ епископа Платона очень многіе явились не годны грамотѣ, которыхъ приказано было въ полгода обучить и снова предоставить въ Семинарію. Въ Кинешемскомъ напримѣръ уѣздѣ изъ 40 дѣтей оказалось 26 неграмотныхъ. Кромѣ того, не смотря на всѣ угрозы, многіе, отцы недоставили въ Семинарію своихъ дѣтей; да еще не малое число ихъ разбѣжалось во время переѣзда во Владиміръ. Съ какой, слѣдовательно, неохотой отдавали отцы дѣтей своихъ въ Семинарію! Сколько, значитъ было пролито горькихъ слезъ и передумано самыхъ отчаянныхъ предпріятій прежде, нежели несчастный отецъ рѣшался ослушаться архіерейскаго указа! Намъ кажется, что многіе отцы и матери строго наказывали своимъ дѣтямъ неотвѣчать на пріемномъ архіерейскомъ экзаменѣ; потому что мудреное дѣло, чтобы изъ 40 дѣтей 26 неумѣли вовсе читать. Но какъ ни странны эти плачущіе отцы и матери, которые, по видимому, не могутъ понять, что

для ихъ дѣтей хотятъ сдѣлать не оцѣненное благо, — просвѣтить ихъ ученіемъ; а всё-таки, представляя картину этого горя цѣлой епархіи, невольно становится грустно, — всё-таки бѣдные родители искренно плакали, всё-таки имъ было больно! Нѣтъ крупнѣе и горячѣе слезъ отца и матери и невыносимо тяжело видѣть ихъ оплакивающими судьбу исключеннаго сына. А между тѣмъ, какъ увидимъ дальше, въ то время едвали не на столько же было тяжело отдать сына въ Семинарію, сколько нынѣ видѣть исключеннаго. Вѣдь не по однимъ пустымъ капризамъ отцы становились ослушниками указовъ, не отдавали дѣтей въ Семинарію; этому были дѣйствительныя, серьезныя причины.

ГЛАВА III.

«Почему отцы съ неохотою отдавали дѣтей своихъ въ Семинарію. Сборы съ духовенства на содержаніе Семинаріи. Указы епископа Платона. Разсыльщики. Примѣръ ихъ дѣйствій въ епархіи».

Мы уже скизали, что всѣмъ священно-церковно-служителямъ строго было предписано высылать своихъ дѣтей въ Семинарію. Кромѣ новости дѣла, однѣ уже эти угрозы начальства естественно наводили отцевъ на раздумье. Не даромъ само начальство, думали они, предполагаетъ, что мы не согласимся добровольно отдавать въ школу дѣтей, и нужно ли дѣйствительно обучать дѣтей. Вѣдь обходились же столько времени и безъ Семинарій, а выучиться пѣть, читать и писать можно и дома и т. д.

Нищему нѣкогда думать о наукѣ; за сохой и бороной едвали можно философствовать. Влеченіе къ наукѣ, человѣкъ всегда чувствуетъ только благодаря или счастливой и доброй обстановкѣ, или своимъ геніальнымъ способностямъ. Но Ломоносовы конечно родятся вѣками. Между тѣмъ духовенство, особенно того времени, находилось въ крайней бѣдности. „О чемъ я извѣстенъ, пишетъ По-

сошковъ, какъ дѣется въ прочихъ земляхъ, чѣмъ питаются сельскіе попы, а о семъ весьма извѣстенъ, что у насъ въ Россіи попы питаются своею работою, и ни чѣмъ они отъ пахотныхъ мужиковъ неотличны: мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая остается въ сторонѣ. Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подаянія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть" (*). По этому, хотя духовенство всегда отличалось и отличается трудолюбіемъ и особеннымъ терпѣніемъ, но въ настоящемъ случаѣ, по причинѣ своей крайней бѣдности, оно почти не имѣло возможности, отдавать дѣтей въ Семинарію. И теперь дѣти бѣдныхъ священно-церковно-служителей въ въ продолженіе всей вакаціи до утомленія работаютъ на поляхъ вмѣстѣ съ своими отцами, такъ что имъ и вакація не въ радость. А въ описываемое нами время, назадъ тому 125 лѣтъ, почти всѣхъ священно-церковно-служителей дѣти всегда были необходимыми, добрыми работниками и подпорой въ старости. Лишась помощника въ хозяйствѣ и полевыхъ работахъ, бѣдный отецъ окончательно терялся въ рѣшеніи вопроса: гдѣ у него средства и есть ли возможность содержать сына въ Семинаріи,—купить ему книгъ, одѣть, обуть и прокормить въ продолженіи семинарскаго курса?

Бѣдственное положеніе духовенства усиливалось еще поборами на семинарію. Со всѣхъ земель священно-церковно-служителей на содержаніе Семинаріи собиралась 30-я часть доходовъ, а съ монастырскихъ 20-я. Такимъ образомъ содержать въ семинаріи дѣтей да еще платить 30-ю долю доходовъ было для духовенства совсѣмъ не подъ силу, тѣмъ болѣе, что только ближайшіе изъ духовенства ко Владиміру могли доставлять 30-ю долю хлѣбовъ и крупъ натурою, а прочіе деньгами, по очень высокой цѣнѣ. За каждую четверть напримѣръ гороху нужно было доставить 1 р. 80 к., что при тогдашней стоимости денегъ составляло большую сумму. Въ доношеніи города Владиміра Вознесенской церкви священника

(*) См. соч. И. Посошкова стр. 24.

Петра Михайлова мы читаемъ: „діаконъ, заскудостію сборныхъ на семинарію денегъ 68 к. не заплатилъ", —и за эту неуплату очень долгое время содержался въ Консисторіи. Каково же было платить бѣднымъ сельскимъ священно-перковно-служителямъ?

Преосвященный Платонъ приказалъ духовнымъ управленіямъ сдѣлать описи земель священно-церковно-служителей, чтобы потомъ сами управители и подьячіе сообразили сколько нужно собрать на семинарію съ извѣстнаго лица денегъ или хлѣба. Описи были составлены большею частію неправильно: бралось во вниманіе количество земли, а не качество: „а при Владимірской Семинарской Конторѣ имѣется сказка, въ коей онъ (священникъ) показалъ что въ его приходѣ, пашинной земли ничего не имѣется; ржи и овса и прочаго хлѣба нѣтъ и дать ему въ семинарію нечего! Сборы назначены были даже и съ такихъ земель, которыя не приносили ни хлѣба, ни дохода. Пишутъ напримѣръ священно-церковно-служители въ Консисторію: „наши земли лежатъ впустѣ и поросли лѣсомъ, а иными землями владѣютъ духовные бобыли (*), которые ничего за сіе не платятъ, а за тѣ земли на семинарію взыскиваютъ." На такія жалобы обыкновенно отвѣчали: „лѣжатъ земли впустѣ и поросли лѣсомъ занераченіемъ священно-церковно-служителей, и оныя земли, какъ для себя, такъ и для будущихъ священно-церковно-служителей надлежалобъ разчистить и воздѣлать", — и вотъ отсюда приказаніе платить деньги и за пусторожнія земли. При описаніи земель управители и подьячіе такъ поступали неправильно и такъ много брали взятокъ, что епископъ Платонъ принужденъ былъ самъ ѣздить по нѣкоторымъ уѣздамъ и повѣрять вѣдомости. По этому со всѣхъ мѣстъ епархіи отъ духовенства прислано было множество жалобъ, гдѣ священно-церковно-служители отказывались платить поземельные сборы или ссылаясь на

(*) Духовными бобылями назывались священно-церковно-служители, оставшіеся по старости пли болѣзни безъ мѣста; имъ для пропитанія удѣлялась часть церковной земли, ими прежде занимаемой.

бѣдность, или на случайныя обстоятельства: „мы пришли, пишутъ Вязниковскаго уѣзда священники, во всеконечное раззорѣніе, что и дневныя пищи себѣ не имѣемъ." Попъ Михаилъ Герасимовъ съ діакономъ, дьячкомъ и пономаремъ показали: на Семинарію денегъ платить они немогутъ; понеже они въ 1749 году по принужденію духовнаго управленія отправлялись для спросовъ въ Консисторію и потому нетолько приплодныя или къ сѣменамъ остаточныя, но и на пропитаніе не имѣютъ (*).

По смѣтѣ и по реэстрамъ духовныхъ управленій, въ пользу Семинаріи за 1749 годъ надлежало собрать 1273 руб. 21 к., а было въ дѣйствительности собрано и то по истеченіи года, когда были приняты строгія мѣры, только 778 р. По этому Семинарія пришла въ бѣдственное состояніе. „Подтверждаемы всѣ были довольно, пишетъ епископъ Платонъ, но вмѣсто толикаго къ христіанской, народной и церковной пользы успѣха (т. е. поддержанію Семинаріи) видятся нынѣ для священно-церковно-служительскихъ дѣтей толикіе недобросовѣстные безпорядки, что сверхъ многаго, многіе ученики, лишаясь должнаго имъ быть по той Семинаріи довольствія, ходятъ и просятъ сущихъ подобіемъ нищихъ прокормленія". Эти безпорядки происходили главнымъ образомъ потому, что духовныя правленія и консисторія составляли вѣдомости съ утайками, такъ что бѣдные, не могшіе подкупить, платили вполнѣ, а богатые далеко не представляли должной суммы. Притомъ надо замѣтить, что монастыри при всемъ своемъ богатствѣ, платили не исправнѣе священно-церковно-служителей. За Кузминымъ монастыремъ за 1749 г. доимочнаго хлѣба оставалось одна четверть и 11 четвериковъ, за Боголюбовскимъ 12 четвертей и 5 четвериковъ.

Вотъ для примѣра вѣдомость епархіальнаго сбора на Семинарію. Съ Владимірскаго уѣзда вообще за 1750 годъ требовалось полу-

---

(*) Каждый сколько нибудь знакомый съ производствомъ того времени небудетъ сомнѣваться въ дѣйствительности этого факта. По маловажнымъ даже обстоятельствамъ подсудимое лицо задерживалось на цѣлые полгода.

чить 282 р. 15 к. (неуплачено 34 р.); въ частности съ Успенскаго собора 22 р. 66 к. Дмитріевскаго 14 р. 55 к. съ Георгіевской церкви 7 р. 12 к. съ Богородицкой 7 руб. 50 к. съ Вознесенской 3 р. и проч.; съ прочихъ уѣздовъ 380 р. 11 к., а не доплачено 147 р. 62 к. (*).

Въ другихъ епархіяхъ эти сборы происходили еще безуспѣшнѣе. Многія Семинаріи по этому на долгое время были даже закрываемы. Напримѣръ: „въ Ростовской епархіи ученикамъ отъ монастырей и церквей не собрано денегъ за не дорогою, да и для того, что хотя остаточный хлѣбъ и былъ, и оный бранъ въ Москву въ камеръ-контору и генералитету, отчего ученикамъ въ обученіи учинилась остановка; чего ради они по даннымъ доношеніямъ распущены въ домы свои со взятіемъ у отцовъ ихъ сказокъ, дабы показаннымъ наукамъ обучали въ домахъ ихъ.“

Но епископъ Платонъ былъ человѣкъ такого характера, что начавши доброе дѣло, не могъ уступить какимъ-бы то ни было обстоятельствомъ. Съ трудностію пріобрѣвши землю для Семинаріи, истративъ свои собственныя деньги для построенія небольшихъ зданій учителямъ и ученикамъ, онъ уже не могъ отказаться отъ мысли довести дѣло до конца—устроить Семинарію и, на сколько возможно, обезпечить учителей и учениковъ. Не исправный сборъ Семинарскихъ денегъ то приводилъ его, какъ бы въ уныніе, то вполное негодованіе. Онъ пишетъ указъ за указомъ то епархіи, уясняя пользу науки и убѣждая платить требуемыя деньги, то консисторіи, побуждая дѣйствовать и честно и усердно, „чтобы Консисторія, чувствительно памятуя страхъ Божій и должность присяги, имѣла о Семинаріи наикрѣпчайшее и неусыпное стараніе.“ Къ духовенству онъ писалъ такого рода увѣщанія: „оные, т. е. священно-церковно-служители и монахи не вполнѣ заплатившіе деньги на Семинарію, паки пренебрегая священства своего должность и святыя богоносныхъ отцевъ и учителей правила, а паче учрежденнаго и собственноручно Его Императорскимъ Величествомъ Петромъ I подписаннаго регламента при-

(*) См. арх. дух. Консисторіи дѣло 1751 г. № 652.

вели Семинарію въ крайнее несостояніе, и дѣтей своихъ и сродниковъ отъ нихъ воспитываемыхъ отъ такого преполезнаго ученія отвлекли и въ тинѣ глубочайшаго неразумія и невѣдѣнія свѣта ученія загрузили, не точію уже о числѣ церковныхъ земель, но и о посѣвѣ на оныхъ земляхъ хлѣбныхъ родахъ ужинѣ и умолотѣ и приплодѣ показывали въ тѣхъ вѣдомостяхъ премногую утайку, нехотя и наималѣйшаго на Семинарію взыскуемаго сбора на самопервѣйшее моея епархіи дѣло по самой сущей истинѣ заплатить.“

Не смотря на постоянно повторяющіяся указы духовенство неимѣло возможности платить исправно деньги и епископъ Платонъ прибѣгъ къ различнымъ крутымъ мѣрамъ.

Онъ приказалъ „съ утайщиковъ послѣдствіямъ взыскивать и доправлять безъ всякаго послабленія и опущенія; и сверхъ того штрафовать, а которые явятся къ платежу и штрафу въ несостояніи — оныхъ нещадно наказывать.“ Священно-церковно-служителямъ запрещено было подавать въ Констсторію оправданія, или высказывать причины и обстоятельства, по которымъ они не могутъ платить денегъ: „надлежитъ взыскивать поземельныя деньги, не пріемля никакихъ отговоровъ безъ всякаго послабленія, неутруждая болѣе дух. Консисторію никаковыми отрицательными отъ взысканія оныхъ денегъ припятствіями. А ежели, паче чаянія, духовныя правленія будутъ послабно взыскивать, то предстоитъ имъ сужденіе и безпощадное истязаніе.“

А между тѣмъ, съ теченіемъ времени, сборы шли все неисправнѣе. Въ 1751 г. духовенство должно было заплатить, кромѣ положенной за этотъ годъ суммы, еще за прошлыя 1749 и 1750 годы большіе деньги. Съ Вязниковскаго напримѣръ уѣзда надлежало донять за 1749 г. Семинарскихъ денегъ 347 р. 62 к. да за 1750 г. дополучить 372 р. 87¾ к., такіе же почти долги были и на другихъ уѣздахъ. Собрать такой большой долгъ съ епархіи было чрезвычайно трудно и епископъ Платонъ нарядилъ особенную коммиссію надъ неисправными плательщиками и утайщиками.

Главными слѣдователями и распорядителями этой комиисіи были: Златовратскаго монастыря (*) игуменъ и кафедральнаго собора ключарь Иванъ Ивановъ. Кромѣ того по всѣмъ уѣздамъ были разосланы и разсыльщики. Въ эти разсыльщики къ сожалѣнію назначались не одни священники, но и пономари, напр. каѳедральнаго собора Егоръ Зябловъ. Власть имъ дана была слишкомъ большая; они дѣйствовали безъ всякаго контроля, и щадя себя должны были сами поступать съ другими грубымъ и жестокимъ образомъ. Въ данной имъ инструкціи между прочимъ было предписано слѣдующее: „ежели семинарскія деньги по твоему (разсыльщика) послабленію собраны не будутъ, то учинено будетъ тебѣ жесточайше на тѣлѣ истязаніе". Далѣе: „будучи тебѣ въ оной посылкѣ взятокъ и посылокъ не брать, а дневную пищу получать отъ духовныхъ управленій". Какія же средства должны были употреблять эти сборщики и разсыльщики? Внушенія архіерейскія и консисторскія оказались недѣйствительны. Священно-церковно-служители, по извѣстнымъ причинамъ, не могли платить требуемыхъ денегъ. Оставалось дѣйствовать внѣшними средствами—насиліемъ. Разсыльщики имѣли право нетолько причетниковъ, діаконовъ и священниковъ но и управителей духовныхъ управленій и даже протоіереевъ и настоятелей монастырей, въ случаѣ нужды, сажать въ кандалы и отправлять въ Консисторію. Для этого даны были имъ въ помощь сторожа и церковники. „А для сборовъ съ ослушниковъ послать въ Яроноль нарочнаго Баглачевскаго попа Ѳедорова, придавъ ему въ помощь изъ церковниковъ и сторожей каѳедральнаго собора до шести человѣкъ, которымъ ѣхать на коштъ тамошнихъ управителей". Какой слѣдовательно страхъ наводили эти разсыльщики на города и села, и чего стоилъ ихъ проѣздъ и прокормленіе духовенству?

Въ Краснослободскомъ уѣздѣ нѣкоторые священно-церковно-служители не могли заплатить денегъ. Ихъ, по обыкновенію, не смотря

(*) Этотъ монастырь находился близь золотыхъ воротъ, гдѣ нынѣ Николо-Златовратская церковь.

на оправданія и жалобы на крайнюю бѣдность, разсыльщики посадили скованными подъ караулъ. Здѣсь держали ихъ очень долгое время. Наконецъ дѣло дошло до того, что содержимые подъ карауломъ, не получая ни какихъ доходовъ и издержавши на прокормленіе себя и сыщиковъ послѣднія деньги, остались рѣшительно безъ куска хлѣба. Разсыльщики въ такомъ стѣснительномъ положеніи обратились въ Консисторію съ доношеніемъ, въ которомъ сказавъ, что взять съ этихъ священниковъ нечего, испрашиваютъ позволенія „описать домы оныхъ священно-церковно-служителей въ заплату семинарскихъ денегъ". Надо замѣтить, что нѣкоторые неисправные плательщики „заслышавъ о пріѣздѣ сборщиковъ и сыщиковъ, приходили въ такой ужасъ и отчаяніе, что зачастую оставляли свои погосты и села и бѣжали куда глаза глядятъ. Поэтому въ настоящемъ случаѣ, Консисторія, приказывая сковать и привести во Владиміръ Краснослободскихъ ослушниковъ сдѣлала такое прибавленіе: „а ежели оные укроются, то взять ихъ женъ и дѣтей". Сборщики получивъ такое предписаніе, немедленно отправились къ нѣкоему священнику Петру Нестерову съ десятниками и церковниками: „а оный попъ ворота заперъ и на дворъ не пускалъ и говоритъ: вы-де напрасно пріѣхали; хоть-бъ-де и цѣлая рота драгунъ прислана была, я-бъ-де и тѣхъ всѣхъ побилъ до смерти". Вотъ до какого отчаянія доведены были бѣдные священно-церковно-служители!

Но конечно такихъ, которые запирали ворота предъ управителями и сыщиками и т. п. находилось не много. Большинство неплательщиковъ было отправлено въ Консисторію, и тамъ, — часто въ оковахъ, они содержались весьма долгое время, обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не были уплачены требуемыя деньги. Приходы оставались безъ священно-цервно-служителей. Консисторія ясно видѣла, что безполезно долгое время задерживать священно-церковно-служителей, и потому, когда они обращались съ просьбою, отпускала ихъ на извѣстное время къ прихожанамъ и давала отсрочку въ долгѣ.

Такъ священникъ Василій Андреевъ села Пустошь доносилъ Консисторіи: требуются съ меня съ двадцати десятинъ на Семинарскій хлѣбъ деньги за прошлый 1749 г. 2 р. 52 к. и за настоящій 1750 г. 3 р. 5 к., и я оныя за скудостію не заплатилъ, за что въ оной Консисторіи содержусь подъ карауломъ. Того ради прошу въ тѣхъ деньгахъ сроку на двѣ недѣли, которыя у кого нибудь занявъ уплачу,—и Консисторія положила на это прошеніе слѣдующую резолюцію: для наступающаго Рождества Христова и торжественныхъ дней дать сроку до 9 Января 1751 года"(*).

Нѣкоторые же священники не имѣя возможности платить на Семинарію денегъ увольнялись на нѣкоторое время изъ-подъ консисторскаго караула благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, большею частію Высокоторжественнымъ днямъ, когда Консисторія не могла задерживать ихъ и должна была увольнять хотя не на долгое время. Между тѣмъ долги на епархіи всё болѣе и болѣе копились. Неисправности въ сборахъ все болѣе и болѣе увеличивались, и причиною этому была не одна бѣдность священно-церковно-служителей.

ГЛАВА IV.

«Положеніе семинариста въ половинѣ XVIII вѣка. Начальствующія лица въ Семинаріи. Первыя наставники Семинаріи».

Не въ одной нашей епархіи шли неисправно сборы съ монастырей и церквей на содержаніе Семинаріи. Поэтому во всѣхъ почти епархіяхъ семинаристы жили до чрезвычайности бѣдно. Изъ описанія школьнической жизни одного протоіерея, жившаго въ половинѣ XVIII вѣка, мы видимъ, что „путь воспитанія былъ путь тернистый". Средства къ воспитанію были бѣдны, ученикъ поступающій въ Семинарію едвали не прежде всего выучивалъ канту того времени: „Радуйся Россійскій орле двуеглавый, ты бо еси во всѣмъ мірѣ славный", выучивалъ, чтобы выпрашивать у горожанъ

(*) См. арх. дух. Консисторіи дѣло 1751 г. № 403.

дневной пищи, нѣсколько полѣнъ дровъ, а въ праздничные дни— вожделеннаго пирога. Въ бурсѣ онъ могъ выучивать урокъ только при свѣтѣ горящей лучины. Таково положеніе учениковъ было напр. въ Харьковской епархіи (см. описаніе Харьковской епарх.). Нелучше было на первыхъ порахъ и у насъ, особенно въ то время, когда преосвященный Платонъ былъ на чредѣ въ Св. Сунодѣ. Не даромъ онъ писалъ изъ С.-Петербурга, укорялъ Консисторію и всю епархію говоря: „ходятъ они (ученики Семинаріи) на подобіе сущихъ нищихъ, выпрашивая себѣ дневной пищи".

На первыхъ годахъ своего существованія наша Владимірская Семинарія много потеряла во всѣхъ отношеніяхъ отъ того, что въ 1750—51 не было во Владимірѣ епископа Платона. Въ то время непосредственно Семинаріями завѣдывали мѣстныя архіеріи. Они сами пріискивали и назначали какъ начальниковъ Семинаріи, такъ и наставниковъ, вообще отъ нихъ единственно зависѣлъ бытъ Семинаріи. Хотя епископу Платону въ С.-Петербургъ ежемѣсячно посылались отчеты о состояніи Семинаріи, но во всякомъ случаѣ, изъ далека ему не такъ удобно было управлять ею, и какъ увидимъ дальше, въ первые два года, во время отсутствія Платона, въ Семинаріи происходили постоянные безпорядки.

Что касается до управленія Семинаріи, то главное попеченіе объ ея благоустройствѣ лежало на Консисторіи. Если напр. учителямъ Семинаріи не исправно платили жалованье, или ученики дурное получали содержаніе, то Платонъ дѣлалъ самые строгіе выговоры всѣмъ вообще членамъ Консисторіи.

Далѣе, для управленія Семинаріи учреждена была Платономъ Семинарская контора. Въ члены ея выбирались какъ монашествующіе, такъ и изъ бѣлаго духовенства.

Съ самаго основанія Семинаріи, въ 1750 году, первыми членами Семинарской конторы были: архимандритъ Цареконстантиновскаго монастыря Павелъ, іеромонахъ Гурій, (оба они были и членами Консисторіи) и каѳедральнаго Успѣнскаго собора священникъ Иванъ

Алексѣевъ. Іеромонахъ Гурій былъ недолго членомъ Семинарской конторы, въ 1752 году, вслѣдствіе ревизіи, его смѣнили. Съ этого времени епископъ Платонъ назначилъ новыхъ членовъ Семинарской конторы: Златовратскаго монастыря игумена Іакова и каѳедральнаго Успѣнскаго собора ключаря Ивана Иванова. Члены Семинарской конторы заботились какъ объ экономической части—о содержаніи учителей и учениковъ, такъ и объ учебной и нравственной. Жалованья члены Семинарской конторы не получали, потому что они были большею частію настоятелями монастырей.

Но собственно главнымъ начальникомъ Семинаріи въ смыслѣ ея ректора, былъ архимандритъ Павелъ. Его попеченію, болѣе чѣмъ другихъ, оставилъ Семинарію епископъ Платонъ.

Архимандритъ Павелъ—этотъ главный начальникъ нашей Семинаріи, былъ отъ природы надѣленъ большими практическими способностями. Относительно же его образованія, по нѣкоторымъ имѣющимся у насъ даннымъ, мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что онъ былъ человѣкъ, даже и потому времени необразованный. Изъ сохранившихся въ духовной Консисторіи собранія его писемъ видно, что онъ едва умѣлъ кое-какъ писать и совершенно незналъ граматики. Во всѣхъ его письмахъ нѣтъ даже знака препинанія. Мало того, онъ даже не самъ сочинялъ свои письма, а выписывалъ ихъ изъ какого то письмовника, потому что поздравляя разныхъ лицъ съ великимъ постомъ, онъ всѣмъ писалъ одно и тоже—слово въ слово (*).

(*) Всѣмъ онъ писалъ такъ: достигше святыя Четыредесятницы великаго поста, яже есть мать цѣломудрія соугодники житія человѣческаго благоугожденіе призичливой моей къ вамъ пріязни съ сею Четыредесятницею поздравляю, желаючи всеусердно, дабы самъ подвигоположникъ Христосъ Господь, подавшій образъ послѣдовать стопамъ его, сподобилъ вашу пречестность душеполезныя дни поста еего благополучно совершити и его же пречистыя страстемъ образу поклониться, тридневное изъ мертвыхъ узрѣти воскресеніе и радостно оное праздновать усердно желаю усугубляя мое къ вамъ благословеніе и пребывая остаюсь и проч. См. архивъ духовной Консисторіи дѣло 1750 г. № 386.

Въ нравственномъ отношіи онъ равнымъ образомъ незаслуживаетъ одобрѣнія....(*) Теперь естественно спросить: почему же епископъ Платонъ, въ особенности какъ учредитель нашей Семинаріи, вполнѣ достойный благоловѣйнаго воспоминанія, выбралъ начальникомъ Семинаріи архимандрита Павла? Преосвященный Платонъ самъ неоднократно высказывалъ въ своихъ указахъ Консисторіи: „не знаю кому вручить управленіе Семинаріи". А между тѣмъ, какъ мы сказали, архимандритъ Павелъ обладалъ практическимъ умомъ, что и было основаніемъ для епископа Платона, за неимѣніемъ образованныхъ людей, назначить его начальникомъ.

Спустя три года по учрежденіи Семинаріи епископъ Платонъ, по примѣру Тверской и Ярославской Семинарій, учредилъ еще новую должность при Семинаріи, такъ называемаго интенданта.

Поводомъ къ учрежденію этой должности послужили постоянныя неисправности по дѣламъ Семинаріи. „Его преосвященство, по многотруднымъ уже опытамъ не имѣя никого способнѣе къ толико нужной исправности поручить (т. е. управленія Семинаріи), а имѣя въ разсужденіи, яко при домѣ его обрѣтается малороссійскій дворянинъ Василій Степановъ сынъ Лазаревичъ и добросостоятельное ведетъ обхожденіе безъ малѣйшаго порока и вѣрнотщательное всегда оказываетъ раченіе даже и въ чаяніи и впредь отъ таковыхъ его добросовѣстныхъ трудовъ добраго прохожденія, онъ Лазаревичъ назначается интендантомъ". Главная его обязанность была: „имѣть самоприлѣжнейшее попеченіе о сборѣ на Семинарію денегъ и смотрѣть и наблюдать, дабы въ оной Семинаріи пристойнымъ образомъ производился трактаментъ на учителей и учениковъ". Жалованья интенданту Лазаревичу епископъ Платонъ назначилъ 300 руб. При этомъ нужно замѣтить, что епископъ Платонъ такъ самоотверженно заботился о благѣ Владимірской Семинаріи, что учреждая новую и необходимую должность интенданта сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Понеже въ Семинар-

(*) См. тамъ-же.

ской конторѣ денегъ не обрѣтается, то выдать ему интенданту Лазареву за треть жалованье изъ моей домовой конторы".

Первымъ наставникомъ Семинаріи былъ іеродіаконъ Гедеонъ. Классы же предназначались слѣдующіе: русскій, фара или аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, реторика. Выше мы сказали, что для жительства учениковъ Платонъ приказалъ возобновить оставліяся послѣ дѣвическаго Богородицкаго монастыря кельи и настроить таковыхъ новыхъ и слѣдовательно такого помѣстительнаго зданія, гдѣ бы могли собираться всѣ ученики для занятій въ первые годы не было. А по этому преподавать уроки учитель немогъ за одинъ разъ вмѣстѣ всѣмъ, а по необходимости долженъ былъ собирать ихъ въ небольшіе кружки, что было конечно неудобно, особенно одному наставнику. Спустя годъ по учрежденіи Семинаріи, въ 1751 году, Платонъ „взыскиваетъ откуду бы по благопристойности возможно къ таковому и столь не малопристойному во святомъ христіанствѣ дѣлу (съискать) учителей, и какъ содержать ихъ на благопристойномъ же трактаментѣ и жалованьѣ". „И дабы Владимірская Семинарія всегда въ самопорядочномъ состояніи и теченіи состояла и не было бы ни какого препинанія",—преосвященный Платонъ обратился съ просьбою къ Кіевскому митрополиту выслать ему изъ Кіевской Академіи учителя. Митрополитъ исполнилъ просьбу Платона и вотъ, „въ лучшій успѣхъ обученія дѣтей, въ помощь учителю іеродіакону Гедеону опредѣляется учителемъ Семинаріи іеромонахъ Палладій", дабы быть ему на томъ же жалованьѣ, какое учитель Гедеонъ получаетъ, а именно тридцать рублей (*). Вскорѣ во Владимірской Семинаріи опредѣленъ былъ и третій учитель нѣкто Ѳедоръ Радикорскій (свѣтскій).

(*) Конечно онъ получалъ кромѣ того и полное содержаніе.

ГЛАВА V.

Кто были служителя Семинаріи. Одежда учителей и учениковъ. Факты, характеризующіе ректора Павла, учителей: Өедора Радикорскаго, іеродіакона Гедеона и іеромонаха Палладія. Экономъ Семинаріи. Первая ревизія и ея послѣдствія.

Не смотря на то, что новообразовавшаяся Владимірская Семинарія не имѣла достаточныхъ доходовъ и капиталовъ, при ней, въ продолженіи долгаго времени, было большое количество служителей и поваровъ. Поваровъ доставляли монастыри, а служители набирались съ епархіи.

Мы уже знаемъ какой страхъ и уныніе навели на епархію первые указы епископа Платона „о наборѣ въ Семинарію священно-церковнослужительскихъ дѣтей". Многіе убѣгали, многіе откупались, но очень многіе церковники, „послыхавъ о наборѣ школьниковъ, умышленно, ко отбытію школьнаго ученія, поженились". Епископъ Платонъ конечно никакъ не могъ предвидить такого оригинальнаго маневра отъ церковниковъ, „убоявшихся школьнаго ученія". Но если женатые церковно-служители не могли быть взяты въ Семинарію для обученія, за то имъ пришлось быть при ней для услуженія. На нихъ епископомъ Платономъ положенъ былъ тяжелый штрафъ: всѣ они по очередно должны были, оставивъ свои семейства, быть служителями Семинаріи по цѣлому году и притомъ на своемъ содержаніи. Со всѣхъ ихъ были взяты росписки слѣдующаго содержанія: „мы нижеподписавшіеся обязываемъ себя въ томъ, чтобы быть при Семинаріи неотлучными и караулъ и всякую работу исправлять безлѣностно и быть годъ на своемъ кочтѣ; а за отлучку изъ Семинаріи и за неисправности свои мы подвергаемся жестокому на тѣлѣ истязанію". Такихъ вольнобрачущихся церковниковъ нашлось такое большое количество, что Семинарія въ продолженіи слишкомъ десяти лѣтъ пользовалась даровыми служителями(*). И такъ передъ нами теперь полный составъ на-

(*) См. арх. дух. Конс. дѣло «объ опредѣленіи въ работу при Семинаріи церковниковъ за самовольное вступленіе въ бракъ». 1752 г. № 620.

чальствующихъ и подчиненныхъ лицъ вновь основавшейся Семинаріи. Желалось бы познакомиться съ внѣшнею жизнію учителей и учениковъ, съ ихъ помѣщеніемъ и одеждою, — но о первомъ мы неимѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, и потому ограничимся описаніемъ только ихъ одежды. Спустя даже только нѣсколько мѣсяцевъ отъ основаніи Семинаріи въ 1750 году нужно было сдѣлать опись имущества одного изъ первыхъ учителей Семинаріи — Ѳедора Радикорскаго. И вотъ что нашлось у него: кафтанъ суконный нѣмецкій темнозеленый, подбитъ стамедомъ; на немъ пуговицы подъ цвѣтъ гарусныя.... Постеля однюспальная перяная, при ней двѣ подушки небольшія, одѣяло выбойчатое, стегано на хлопьяхъ. Да на немъ Радикорскомъ камзолъ зеленый безъ рукавовъ, ветхій, кафтанъ нѣмецкій васильковый, ветхой же. Сѣронѣмецкая епанча подбитая по краямъ краснымъ стамедомъ. Все ветхоежъ. Ящикъ длинный окованъ по угламъ и по срединѣ жестью, и при немъ нутреній замокъ съ ключемъ и въ томъ ящикѣ ни чего не явилось".(*) Ученики также не имѣли опредѣленно форменной одежды. Вотъ напримѣръ предъ вами ученикъ синтаксимы, человѣкъ богатый, имѣющій въ ларцѣ 50 коп. На немъ рубаха полотняная новая, опояска красная стамедная, кафтанъ синій суконный. Въ праздничное время онъ надѣваетъ синія перчатки, которыя такъ пестрятъ при красной опояскѣ; кромѣ того у него двѣ пряжки перемѣтныя, а къ довершенію украшеній, на рукѣ его блеститъ перстень серебряный. Конечно послѣднее украшеніе повидимому не свойственно ученику синтаксимы, но такъ какъ въ его ларцѣ мы находимъ еще и „бритву новую", то вѣроятно на этомъ основаніи синтаксисту, съ пробивающейся бородой и усами, не воспрещалось щеголять съ перстнемъ(**).

Комично это убранство ученика Семинаріи, но и вообще очень мало веселаго и отраднаго можно встрѣтить въ жизни Семинаріи того

(*) См. арх. дух. Консист. дѣло «о чиненіи пьянства учителя Ѳ. Радикорскаго съ учениками». 1750 г. № 472.

(**) См. арх. дух. Консисторіи «дѣло по доношенію Владимірской Семинаріи ученика школы синтаксимы Степана Вишневскаго о покражѣ денегъ и скарба». 1756 г. № 1311.

времени. Рѣдко, рѣдко приходится остановить отрадное вниманіе, успокоиться духомъ, разсматривая первыя проявленія начинающейся Семинарской жизни и дѣятельности (*). Еще не успѣли, такъ сказать, оглядѣться вновь пріѣхавшіе ученики, какъ имъ пришлось быть зрителями и участниками слѣдующихъ непріятныхъ происшествій.

Мы уже знаемъ какимъ образомъ была пріобрѣнена земля для Семинаріи. Часто сосѣдніе именитые купцы, укоряли и начьниковъ Семинаріи и дразнили воспитанниковъ тѣмъ, что они живутъ на землѣ незаконно полученной. Въ отсутствіе епископа Платона, ректоръ архимандритъ Павелъ считалъ себя первымъ лицемъ въ епархіи, и при своемъ необузданномъ характерѣ, часто поступалъ неблагоразумно, подавая такимъ образомъ худой примѣръ воспитанникамъ.

Близь Семинарскаго монастыря были огороды и сады Владимірскихъ купцовъ Ѳедора и Ивана Никитиныхъ и Никиты Боровецкаго. Уступивъ Семинаріи значительную часть своихъ земель, они еще

(*) Надо замѣтить, что не въ однихъ духовныхъ училищахъ шли дурно дѣла; въ свѣтскихъ едва-ли было еще не хужѣ. Вотъ напр. что мы читаемъ въ Библіотекѣ для Чтенія за 1865 г. Февраль мѣсяцъ, въ статьѣ: Русское общество отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II-й.

«При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ было обращено вниманіе на разведеніе училищъ: Но вниманіе это ограничивалось только тѣмъ, чтобы были училища, а кто и кому и какъ учить, объ этомъ кажется не поднималось и вопроса. Плохи были дьячки и пономари, учившіе по часослову и псалтири, и вѣрно осмѣянные въ Недорослѣ Фонъ-Визина; но не лучше, если не хуже были учителя въ казенныхъ школахъ, неотличавшіеся, ни нравственностію, ни познаніями. Вотъ какъ описываетъ маіоръ Даниловъ тогдашнюю артиллерійскую школу, гдѣ учились князья и дворяне: «Великій тогда недостатокъ въ школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ было для показанія одной ариѳметики изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ, волка овецъ пасти,—штыкъ-юнкера Алапцева. Онъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ, былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиравшій Магницкаго печатную ариѳметику, почему и выдавалъ себя ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный и пьяный и весьма не приличный быть учителемъ благороднаго юношества. Между тѣмъ въ этой школѣ было до 700 учениковъ. Недаромъ они тогда не охотно отдавали дѣтей въ казенныя училища, откупались отъ училищъ и скрывали дѣтей предъ ревизорами, посылаемыми отъ правительства, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ указы того времени».

не успѣли свезти съ прежнихъ своихъ владѣній бревна, приготовленныя для постройки. Архимандритъ Павелъ разсудилъ, что эти бревна давно бы слѣдовало убрать; но не предложивъ этого сдѣлать купцамъ, 1750 г. 25 Марта, въ день праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, онъ пріѣзжаетъ въ Семинарію, созываетъ служителей, плотниковъ и всѣхъ воспитанниковъ Семинаріи и приказываетъ тотчасъ перебросать весь лѣсъ въ огороды и сады вышеозначенныхъ купцовъ. Купцы стали упрашивать о. архимандрита Павла не поступать съ ними такъ жестоко, обѣщаясь на утро же перевезти въ порядкѣ всѣ бревна. Просьба ихъ не была исполнена, и когда бревна полѣтѣли въ ихъ сады и огороды—купцы обругали о. архимандрита. Въ отвѣтъ на ихъ брань онъ собственноручно прибилъ ихъ. Въ городѣ стали осуждать о. архимандрита; купцами была подана на него жалоба въ Магистратъ. Магистратъ съ своей стороны послалъ жалобную промеморію въ духовную Консисторію. Но еще не успѣла Консисторія отвѣтить на эту промеморію, какъ 30 Марта случилось еще худшее: послѣ вечерняго пѣнія, многіе купцы вышли на гору Семиминарскаго монастыря „для смотрѣнія воды на рѣкѣ Клязьмѣ“, (въ это время былъ разливъ Клязьмы). „И пришелъ къ нимъ о. архимандритъ Павелъ съ учителемъ (вѣроятно Ѳедоромъ Радикорскимъ), съ школьниками и служителями. Послѣ крупнаго разговора съ купцами о случившемся 25 Марта завелась драка. Школьники и работники били купцовъ, а купцы били ихъ чѣмъ попало. Тутъ досталось какъ видно и ректору. Ибо когда Консисторія потребовала отъ о. архимандрита Павла объясненій поступковъ его и его учениковъ, то онъ между прочимъ жаловался, что купцы расшибли ему спину. Такимъ образомъ ненависть между Семинаріей и за Ивановскими, (т. е. жившими за Ивановскимъ мостомъ) купцами все больше и больше увеличивалась. И дѣло дошло до того, что послѣдніе „не только боялись проходить мимо Семинаріи, но и въ домахъ своихъ были неспокойны(*).

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло «о чиненіи купцамъ притѣсненій и побой архимандритомъ Павломъ». 1750 г. № 512.

Первымъ приближеннымъ ректора былъ учитель Семинаріи Θедоръ Радикорскій. Мы съ прискорбіемъ должны сказать, что этотъ человѣкъ былъ чрезвычайно дурной нравственности. Тяжело читать и нельзя пересказать, какъ много страдали ученики отъ этого пьянаго учителя! Жаловались на него ученики ректору, но онъ необращалъ вниманія на ихъ жалобы. Ректоръ до того потакалъ Радикорскому что даже незаконнымъ образомъ велѣлъ выдать Семинарской конторѣ ему 15 рублей, что, какъ увидимъ дальше, и погубило его. Въ классъ Радикорскій постоянно ходилъ пьяный и въ этомъ видѣ занимался „отобраніемъ у учениковъ съ мученіемъ и принужденіемъ денегъ". Голодному воспитаннику приходилось выбирать одно изъ двухъ: или истязаніе и розги, или разстаться съ деньгами и вмѣстѣ съ этимъ иногда и съ возможностію удовлетворить своему голоду. Такъ напримѣръ мы знаемъ, что Радикорскій отобралъ у Михаила Павлова 80 коп., у Семена Васильева 30 коп. и у Ивана Иванова 15 коп. Если же послѣ тщательныхъ розысканій, онъ не находилъ у воспитанниковъ денегъ, то отбиралъ ихъ вещи. Напримѣръ одинъ ученикъ формально жаловался, что учитель Радикорскій у него заложилъ за 6 коп. въ кабакъ шапку. Все сносили воспитанники. Наконецъ Радикорскій навелъ на нихъ страхъ своимъ поведеніемъ.... И они послали въ С.-Петербургъ на него жалобу къ своему единственному защитнику и покровителю—епископу Платону (Петрункевичу). Немедленно присланъ былъ указъ: „изгнать изъ Семинаріи втораго учителя Θедора Радикорскаго". Но такъ какъ ему выданы были деньги 15 руб., которыхъ онъ не заслужилъ, то и приказано было взыскать съ него ихъ, а за неимѣніемъ денегъ, „не взирая ни на какія отговоры, описавъ имѣніе, продать съ публикаціи, оставивъ ему только необходимое, безъ котораго обойтись ему невозможно". Семинарская контора нашла возможнымъ продать слѣдующія вещи Θ. Радикорскаго: кафтанъ темнозеленый, который оцѣненъ въ 4 руб., ящикъ въ 50 коп., постеля въ 50 коп. и двѣ подушки въ 30 коп. Хотя Семинарская контора сочла за не необходимое имѣть Радикорскому постель и подушки; но

и это все составляло сумму только въ 5 руб. 30 коп. А между тѣмъ по приказанію епископа Платона, въ случаѣ не уплаты Радикорскимъ 15 руб., члены Семинарской конторы должны были внести собственныя деньги, и имъ пришлось отдать не 9 руб. 50 коп., а всѣ 15 р., потому что всѣ Владимірцы хорошо знали Радикорскаго и не могли купить ни одну изъ его вещей.... Радикорскій былъ выгнанъ изъ города (*).

Но неужели не было на первыхъ порахъ при Семинаріи честнаго и добраго человѣка? Слава Богу! была и въ это время свѣтлая, прекрасная личность—третій учитель Семинаріи, іеродіаконъ Гедеонъ.

Разстроенный и смущенный такимъ порядкомъ дѣлъ, епископъ Платонъ, всю свою надежду и отраду полагалъ на іеродіакона Гедеона. При всей своей строгости и неутомительной дѣятельности епископъ Платонъ о трудахъ этого учителя выражался такимъ образомъ: „іеродіаконъ Гедеонъ находится при Семинаріи въ невыносныхъ трудахъ".

Минуя ректора Павла, епископъ приказываетъ чрезъ Консисторію: „остающемуся же Семинарскому учителю іеродіакону Гедеону, объявить съ подпискою, дабы онъ въ силу духовнаго регламента, и Е. И. В. указовъ, и по учительской отъ его Преосвященства инструкціи имѣлъ крѣпкое и рачительное въ наставленіи и обученіи обрѣтающихся въ Семинаріи учениковъ попеченіе. За что отъ его Высокопреосвященства съ доброю надеждою обѣщается учинить особенный респектъ и въ прибавленіи сверхъ назначеннаго по инструкціи денежнаго жалованья неотмѣнное награжденіе". Но епископъ Платонъ, желая наградить за невыносимые труды, за то что іеродіаконъ Гедеонъ употребляетъ въ наставленіи и обученіи дѣйствительное свое стараніе и попеченіе и притомъ въ честномъ служительствѣ его сумленія ненаходится, неограничился одной прибавкой жалованья. Онъ приказалъ Консисторіи представить учителя іеродіакона Гедеона, чрезъ каѳедральнаго его преосвященства дома іеромонаха Гурія, къ возлюбленному о Христѣ брату, его преосвященству епископу Суздальскому и

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1750 г. № 472.

Юрьевскому Порфирію, для посвященія сего учителя во іеромонаха(*).

Много было и непріятностей въ жизни учителя Гедеона. Отдавшись весь просвѣщенію юношества, онъ на это истратилъ всѣ свое здоровье. Съ нимъ стали часто повторяться припадки преимущественно грудной болѣзни, по неожиданности этихъ припадковъ онъ иногда, не предупредивъ начальство, не могъ являться къ богослуженію въ царскіе дни. А это необходимое отступленіе отъ обязанности становило его на точку уголовнаго преступника, грозило ему ссылкой и истязаніемъ. Во всякомъ случаѣ ему было тяжко являться но этимъ случаямъ къ допросу въ Консисторію, писать оправданія и такимъ образомъ терять дорогіе занятные часы въ Семинаріи. Такъ напр. въ 1751 году 21 Апрѣля онъ въ царскій день могъ только служить молебенъ, но не въ силахъ былъ служить обѣдню и объ этомъ тотчасъ былъ составленъ доносъ поповымъ сыномъ Петромъ Яковлевымъ, исправляющимъ должность причетника при Богородицкомъ монастырѣ. Состоялась обыкновенная резолюція Консисторіи: „Сыскавъ допросить учителя Гедеона(**).

Іеромонахъ Палладій также достоинъ доброй памяти, какъ наставникъ новообразованной Владимірской Семинаріи. Мы его знаемъ, какъ строгаго блюстителя нравственности, знаемъ какъ человѣка, который также пользовался довѣріемъ епископа Платона; а пользоваться довѣренностію этаго строгаго и умнаго архипастыря—большая рекомендація.

Преосвященный Платонъ, такъ сказать, слишкомъ энергично взялся за просвѣщеніе своей епархіи. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что Семинарія должна была образовывать дѣтей священно-церковнослужителей; нѣтъ, онъ приказалъ переписать всѣхъ неграмотныхъ и малограмотныхъ монаховъ, іеродіаконовъ и іеромонаховъ, имѣющихъ

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1750 г. № 472.

(**) См. арх. дух. Консистор. дѣло «по объявленію попова сына на Семинарскаго учителя іеродіакона Гедеона, въ неслуженіи 21 Апрѣля литургіи». 1750 г. № 413.

менѣе 40 лѣтъ и „представить въ скорѣйшемъ времени въ Семинарію". Конечно такихъ монаховъ нашлось значительное число. Съ разныхъ концовъ нашей епархіи стали съѣзжаться безграмотные монахи въ духовную Семинарію, и естественно каждый изъ нихъ съ своимъ образомъ жизни, съ своими привычками и обычаями; какъ люди взрослые и до извѣстной степени избалованные и самостоятельные, они считали себя вправѣ держать и въ „Семинарскихъ кельяхъ" водку. Весело было семинаристамъ!..... Цѣлые два года жизнь ихъ была бѣдна новыми впечатлѣніями, а теперь ихъ стало много.... Но впечатлѣнія эти были очень вредны для нихъ. Безпорядки въ Богородицкомъ Семинарскомъ монастырѣ до того увеличилось, что *молодшіе* (ученики) монахи и школьники при своей распущенности произвели пожаръ. Вслѣдствіе подобныхъ обстоятельствъ, какъ строгій ревнитель пользы Семинаріи, учитель іеромонахъ Палладій послалъ нѣсколько доношеній въ С.-Петербургъ къ епископу Платону. И послѣдній „будучи увѣренъ довольными извѣстіями, и предразсуждая, дабы обстоятельствъ таковыхъ (пожара) по всекрайнѣйшей неосторожности, Боже сохрани, не воспослѣдовало, того ради приказалъ: въ надежду елико мощнаго всего того отвращенія и лучшаго, благообразнѣйшаго порядка и во всѣмъ предусмотрительности въ ономъ Богородицкомъ монастырѣ повелѣваю быть настоятелемъ онаго Семинарскаго монастыря имѣющемуся учителю іеромонаху Палладію, которому монашествующіе подчинены быть имѣютъ"(*).

Такимъ образомъ въ началѣ перваго пятилѣтія Владимірской Семинаріи мы видимъ достойнѣйшихъ людей въ лицѣ іеродіакона Гедеона, іеромонаха Палладія и интенданта Василія Лазаревича, о которомъ мы упомянули выше. Что же касается собственно начальствующихъ лицъ: ректора Павла, членовъ Семинарской конторы и

См. арх. дух. Консистор. дѣло «о бытіи въ Богородицкомъ монастырѣ настоятелемъ и учителемъ въ Семинаріи іеромонаху Палладію», 1752 года № 565.

эконома, обязанность которыхъ была заботиться о лучшемъ содержаніи Семинаріи, то они были очень неисправны и недобросовѣстны.

Экономомъ семинаріи и вмѣстѣ секретаремъ Консисторіи съ 1750 г. до 1753 года былъ Дмитрій Поповъ. Это былъ человѣкъ пронырливый, хитрый и любостяжательный. Ему ввѣренъ былъ между прочимъ сборъ денегъ, муки и крупъ съ монастырей 20-й доли, и съ церквей 30-й. Дмитрій Поповъ часто предлагалъ монастырямъ и церквамъ вносить за извѣстный годъ не всю требуемую часть сполна, и за такое по видимому снисхожденіе получалъ благодарность. А между тѣмъ у него въ этомъ случаѣ былъ и другой расчетъ: когда по истеченіи двухъ лѣтъ на монастыряхъ и церквахъ накопилось многу долгу, и они уже дѣйствительно не могли вдругъ отдать его,—Поповъ сталъ сильно притѣснять и брать большія деньги. При томъ только отдаленнѣйшіе монастыри и церкви должны были платить извѣстную часть деньгами, ближайшіе же доставляли ее натурою, и при Семинаріи так. обр. было достаточное количество муки и разныхъ крупъ. Но такъ какъ покупать эти припасы было выгодно эконому, то онъ, доложивъ Семинарской конторѣ, что припасы стали негодны, и продавъ ихъ, на остающіяся при Семинаріи деньги сталъ покупать негодную муку и крупу вмѣсто того, чтобы эти деньги употребить на покупку говядины и на другія потребности. Скоро истрачены были всѣ деньги и онъ довелъ Семинарію до того, что и „для учителей и учениковъ, кромѣ самомалѣйшаго числа крупъ и гороху ни чего не отпускалось“. Увѣдомленный объ этомъ епископъ Платонъ потребовалъ къ себѣ въ С.-Петербургъ приходо-расходную Семинарскую книгу. „Чтобы закрыть свое безсовѣстное мытарство“, Поповъ взялъ изъ Семинарской конторы эту приходо-расходную книгу и столько въ ней подѣлалъ поправокъ, что, по словамъ епископа Платона, „трудно что-либо усмотрѣть и понять въ оной книгѣ“. Вслѣдствіе этихъ безпорядковъ назначена была ревизія. Слѣдователями и ревизорами были: Спасо-Златовратскаго монастыря игуменъ Іаковъ и каѳедраль-

наго собора ключарь Иванъ Ивановъ. Они не могли и не желали скрыть истину. И „толикое безсовѣстное мытарство и крайнее тому училищу недоброжелательство“ привело епископа Платона къ строгимъ мѣрамъ наказанія. „Онаго подьячаго Дмитрія Попова, виноватаго, какъ видно изъ дѣла, во всѣхъ тѣхъ непорядкахъ, по прочтеніи ему указа, наказать непоблажно плѣтьми предъ духовной Консисторіей, (т. е. на большой дорогѣ); и по учиненіи сего наказанія содержать его въ Консисторіи подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ, дабы впредь таковое чинить было не повадно“. Сторожа, которые къ нему были приставлены, содержались на его же счетъ. А такъ какъ и члены Семинарской конторы „согласны были въ тѣхъ же фальшивыхъ не порядкахъ“, то, не смотря на то, что они знатное раскаяніе имѣютъ въ своемъ скверномъ прибыточествѣ“,—ихъ, по отправленіи Консисторскихъ присутствій, велѣно было содержать въ Консисторіи подъ карауломъ, „безъ выпуску въ домы“, до совершеннаго окончанія слѣдствія. Вскорѣ члены Семинарской конторы и ректоръ Павелъ уволены были отъ управленія Семинаріею.

ГЛАВА VI.

«Ректоръ Товій. Учителя Семинаріи: іеромонахъ Лаврентій и Сергій Вороновъ. Смерть епископа Платона. Архіепископъ Антоній. Администраторъ ректоръ Амвросій. Ректоръ Авраамій. Доносъ учителя Субботинскаго о злоупотребленіяхъ протопопа Степанова».

Нечего, конечно, и говорить о томъ, какъ хорошо почувствовали себя и наставники и ученики Владимірской Семинаріи, когда, вслѣдствіе первой строгой ревизіи(*), епископъ Платонъ удалилъ

(*) Надобно замѣтить, что, спустя немного времени, послѣ первой ревизіи, назначено было и другое слѣдствіе: «О поврежденіи Семинарскихъ сердецъ чрезъ злонравіе».—Слѣдствіе вмѣщающее въ себѣ до 500 листовъ. Къ сожалѣнію, мы немогли найти это дѣло.

изъ Семинаріи архимандрита Павла. Всѣ много радовались тѣмъ болѣе, что на его мѣсто назначенъ былъ ректоромъ архимандритъ Церево-Константинова монастыря Товій(*).

Это былъ человѣкъ другаго характера,—характера добраго и вмѣстѣ мнительнаго. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, ректоръ Товій озаботился улучшеніемъ внѣшняго быта учителей и учениковъ Семинаріи. Помѣщенія для тѣхъ и другихъ были тѣсны и неудобны; и онъ поправилъ ветхія зданія, оставшіяся послѣ дѣвичьяго Богородицкаго монастыря и пристроилъ къ нимъ еще новыя(**). Кромѣ того, такъ какъ собранные съ епархіи продукты—хлѣбъ и крупа недобросовѣстными распорядителями экономіею Семинарскою были похищены и отпускались въ весьма маломъ количествѣ, то онъ не замедлилъ исходатайствовать „прибавку студентамъ Семинаріи на прокормленіе хлѣба".

Неменьшая дѣятельность со стороны ректора Товія видна и относительно внутренняго управленія. Еще до вступленія его на ректуру, при Владимірской Семинаріи былъ префектомъ іеромонахъ Гервасій. Онъ хотя былъ человѣкъ сравнительно образованный, но имѣлъ слишкомъ крутой и даже злой характеръ. Ученики терпѣли отъ него страшныя истязанія: сѣченіе розгами и даже ботогами, сажаніе не на одинъ даже мѣсяцъ на цѣпь, были обыкновенныя наказанія. Довольно того, что многіе семинаристы всѣми силами старались поступить въ солдаты, только бы избавиться „отъ невыносимыхъ его побой". Ученики прямо заявляли, что „жить въ Семинаріи при немъ всячески не возможно"(***). И вотъ ректоръ Товій, не могши по своему не твердому и мнительному характеру,

(*) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1755 г. № 981, по словесному объявленію Владимірской Семинаріи студента Михаила Павлова сына Гусева слова и дѣла Государева».

(**) См. арх. дух. Консисторіи «дѣло 1754 г. № 772, о прибавкѣ студентамъ Семинаріи на пропитаніе хлѣба».

(***) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1755 г. № 981, по словесному объявленію Владимірской Семинаріи студента Михаила Павлова сына Гусева слова и дѣла Государя».

собственнымъ вліяніемъ укротилъ префекта Гервасія, доносилъ преосвященному Платону о необходимости удалить префекта и тѣмъ сдѣлалъ значительную услугу Семинаріи. Но такъ какъ въ то время людей способныхъ занимать должности при Семинаріи отыскать было весьма трудно, то и должны были волей-неволей терпѣть его два года, пока въ 1755 г. неприбылъ другой префектъ іеромонахъ Лаврентій, который, занявъ должность префекта, былъ вмѣстѣ и учителемъ Семинаріи(*).

Іеромонахъ Лаврентій былъ любимъ учениками. На него никогда не было жалобъ ни со стороны начальниковъ, ни со стороны учениковъ. А судя по тому времени, при особенной любви строчить жалобы,—это много говоритъ въ пользу учителя и префекта Лаврентія. Мало того, онъ такъ былъ увѣренъ въ расположеніи къ себѣ учениковъ, что, когда на него послѣдовалъ донесъ въ уголовномъ преступленіи, онъ прямо и смѣло взялъ въ свидѣтели и какъ бы въ защитники себя учениковъ; и эта увѣренность его необманула.

Дѣло въ томъ, что одинъ іеромонахъ Богородицкаго монастыря донесъ „въ небытіи префекта іеромонаха Лаврентія 25 Апрѣля, въ день коронованія Ея Императорскаго Величества у всенощной и литургіи“(**). Наряжено было строгое слѣдствіе. На допросѣ префектъ Лаврентій сказалъ: „не былъ для того, что весьма заболѣлъ и была во мнѣ сильная горячка и подъ грудь колотье, и въ здравіе я не пришелъ и доселѣ, въ чемъ шлюся на учениковъ“. Добраго начальника ученики защитили—всѣ показали, что онъ говоритъ правду(***).

(*) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1755 г. № 1003, объ опредѣленіи во Владимірскую Семинарію префекта изъ Кіева».

(**) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1755 г. № 950, по доношенію Семинарскаго монастыря іеромонаха Климента о не бытіи той Семинаріи учителя іеромонаха Лаврентія Апрѣля 25 у всенощной и литургіи».

(***) Если бы префектъ Лаврентій не нашелъ свидѣтелей въ правотѣ своего дѣла, его бы должны были отправить подъ карауломъ въ Москву, въ розыскную канцелярію тайныхъ дѣлъ, а оттуда могла быть прямая дорога въ Сибирь.

Съ іеромонахомъ Лаврентіемъ поступилъ въ учителя Владимірской Семинаріи Сергій Вороновъ, свѣтскій. Съ нимъ мы встрѣтимся впослѣдствіи, а здѣсь только замѣтимъ, что онъ совершенно не имѣлъ педагогическаго такта, не могъ внушить къ себѣ уваженія и послушанія учениковъ, и далеко не пользовался такимъ расположеніемъ, какъ учитель іеромонахъ Лаврентій(*).

Во время управленія ректора Товія, было два несчастныхъ событія для Владимірской Семинаріи. Въ 1756 г. открылась „повальная болѣзнь". На семинаристовъ, при тѣсномъ ихъ помѣщеніи и плохой пищѣ, она дѣйствовала весьма сильно; и начальство принуждено было отпустить ихъ немедленно въ домы(**). Чрезъ шесть лѣтъ только, и то по необходимости, уволили учениковъ на родину! Послѣ шести-лѣтняго, безвыходнаго томленія въ Семинаріи, семинаристы наконецъ почувствовали себя на свободѣ! И вѣроятно, они, и окруженные ужасами повальной болѣзни, легче и свободнѣе почувствовали себя на давно невиданной ими родинѣ!

Другое несчастіе—смерть епископа Платона, послѣдовавшая въ 1757 г.(***) Семинарія особенно впослѣдствіи ясно поняла, какъ велика для нея сія потеря. Скоро пришлось бѣднымъ семинаристамъ, лишившимся въ преосвященномъ Платонѣ своего защитника и покровителя, испытывать и голодъ и холодъ. Много, вѣроятно семинаристами было пролито слезъ надъ могилою хотя строгаго, но по-

(*) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1760 г. № 2165, по доношенію Владимірской Семинаріи учителя Сергія Воронова, на ученика Гурія Снегирева, секретное».

(**) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1756 г. № 1321, объ увольненіи Семинаристовъ по случаю повальной болѣзни».

(***) Этотъ дѣятельный и ученый пастырь за долго до смерти страдалъ каменною болѣзнію, которая и свела его во гробъ; скончался въ Москвѣ 16-го Апрѣля, былъ на паствѣ 9 лѣтъ и 27 дней. Тѣло его, по опредѣленію Сунодальной конторы, погребено было въ Московскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ; но по указу Св. Сунода, состоявшемуся въ Декабрѣ того же 1757 года взято изъ Москвы и погребено во Владимірскомъ Каѳедральномъ соборѣ. «Церковно-Историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей, стр. 19».

печительнаго относительно Семинаріи архипастыря. Вотъ стихи надгробнаго памятника надъ епископомъ Платономъ, выражающіе главную его дѣятельность:

„Печальный камень! Многихъ рáка слезъ достойна!
„Есть се одръ, одръ покойный пастыря Платона.
„Разумомъ знаменита, Сѵнода Святѣйша
„Присутственника бывша и члена Святѣйша.
„Его-же въ малой Руси родъ отъ благородныхъ,
„Изрядствомъ больмъ просіялъ ученій свободныхъ;
„Еднакъ къ лутшимъ, паче сихъ, имѣя охоту,
„Славѣ міра предпочелъ духовну доброту.
„Слова проповѣдь его, сущи въ у́глѣ скрытомъ,
„Ко пользѣ церквей вывела въ Севскъ архимандритомъ;
„Возведенъ потомъ въ лавру Владиміра града,
„Обновляя паству словеснаго стада.
„Явно всѣхъ тѣмъ удивилъ, что пустъ и оставленъ,
„Престолъ издавна лежать скоро имъ исправленъ.
„Щастіе общей пользы, тщась распространити,
„Первый потщился наукъ сѣмя насадити.
„Епископскихъ правилъ былъ твердѣйшій хранитель,
„Лихоимства нелюбясь, правды-же любитель.
„Но, ахъ! седмисотъ пятдесятъ и седьмаго лѣта,
„Апрѣля дважды восьмое навѣта....

(Дальнѣйшія слова трудно разобрать).

На мѣсто эпископа Платона опредѣленъ былъ въ 1757 году 8 Августа архіепископъ Антоній, природный грузинъ, прибывшій въ Россію по смутнымъ отечественнымъ обстоятелъствамъ(*). Почти совершенно не зная Русскаго языка, архіепископъ Антоній не могъ имѣть непосредственнаго завѣдыванія ни епархіей, ни Семинаріей. По этому назначенъ былъ ему, такъ сказать, соправителемъ архи-

(*) См. церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей, стр. 19».

мандритъ Амвросій. Въ Консисторіи онъ имѣлъ власть большую сравнительно съ прочими членами,—онъ былъ „администраторъ"(*). Вмѣстѣ съ тѣмъ сей же архимандритъ Амвросій опредѣленъ былъ въ 1757 г. ректоромъ Семинаріи.

Не смотря на то, что администратору Амвросію должно было много трудиться по епархіи, какъ первому, послѣ архіерея, отвѣтственному лицу, но онъ успѣвалъ заниматься и дѣлами Семинарскими. На первыхъ же порахъ онъ ясно увидѣлъ, какъ сильно нуждается Семинарія въ учителяхъ. А между тѣмъ ихъ можно было выписать только изъ Кіева, откуда безъ разбора брали въ наставники Семинаріи всѣ епархіи. По этому ректоръ Амвросій въ 1758 г. избралъ двоихъ лучшихъ учениковъ Владимірской Семиминаріи и препроводилъ ихъ для „вятшаго обученія" въ Свято-Троицкую Лавру(**) съ тѣмъ, чтобы они, впослѣдствіи,—чрезъ два года,—были учителями Владимірской Семинаріи. Къ сожалѣнію, мы незнаемъ фамиліи этихъ воспитанниковъ.

Можетъ быть, и много очень сдѣлалъ бы ректоръ Амвросій добраго, если бы на немъ была одна должность ректора; но въ то время, время крайняго взяточничества и явнаго воровства, недостаточно было ректору Семинаріи имѣть честную и добрую распорядительность; а необходимо было наблюдать и вникать, на сколько и какъ исполнялись его распоряженія.

Собиралось не мало денегъ и хлѣба съ епархіи, но почти все это или не доходило до Семинаріи, или здѣсь уже распродавалось.

(*) Въ сочиненіи магистра іеромонаха Іоасафа «церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей», на стр. 20 сказано: «Высочайше повѣлено быть при немъ (архіепископѣ Антоніѣ) въ званіи администратора Свято-Троицкаго Александровскаго монастыря намѣстнику іеромонаху Никону Красовскому, съ произведеніемъ его въ архимандрита Царе-Константиновскаго монастыря». А между тѣмъ мы на многихъ дѣлахъ духовной Консисторіи 1757 г. видимъ подпись: Администраторъ Амвросій. Вѣроятно почему нибудь не состоялось назначеніе іеромонаха Никона Красовскаго

(*) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1758 г. № 1676, о высылкѣ учениковъ Владимірской Семинаріи въ Сергіевскую Лавру для обученія».

При ректорѣ Амвросіѣ, въ продолженіи пяти лѣтъ,—и то по строгому его настоянію, какъ администратора, ученикамъ выдавалось хлѣба по одной трети фунта въ день(*) Возмите во вниманіе, что говядины и даже крупъ не на всякій день отпускали въ достаточномъ количествѣ, и разочтите, какъ „прискорбны" и малы должны быть ломти чернаго хлѣба, если воспитанникъ изъ 1/3 фунта долженъ былъ сдѣлать три ломтя: одинъ на завтракъ, другой на обѣдъ, а третій на ужинъ. Мы не знаемъ, полагался ли въ то время для семинаристовъ квасъ, но если нѣтъ, то пища была далеко хуже острожныхъ. А между тѣмъ ректоръ Амвросій заботился о Семинаріи не мало; но одинъ въ полѣ не воинъ, а подъ рукой у него не было надежнаго и добросовѣстнаго человѣка(**). Ректоромъ Амвросіемъ даже были очень довольны ученики. Онъ очень сожалѣлъ, что ученики „по часту голодаютъ" и на прокормленіе ихъ нерѣдко жаловалъ изъ своихъ денегъ(***). Вотъ что показалъ при допросѣ ученикъ Семинаріи, школы аналогіи, Аристархъ Словинскій: „изъ Семинарскаго хлѣба, по приказанію бывшаго ректора Амвросія, хотя и 1/3 фунта хлѣба на день давали, но и тѣмъ мы (семинаристы) были довольны, потому что онъ иногда и иными припасами довольствовалъ, а именно: булками изъ пшеничной муки, а иногда и по часту, и собственными своими пирогами" (****). Мы увидимъ дальше, съ какимъ сожалѣніемъ семинаристы вспоминали пироги ректора Амвросія, сколько благодареній, а можетъ быть и молитвъ принесено было учениками за добраго ректора(*****).

(*) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1762 г. № 2770, по доношенію Семинарскаго учителя Николая Субботинскаго о расхищеніи Семинарскихъ суммъ и о прочихъ принудительствахъ Дмитріевскимъ протопопомъ Андреемъ Степановымъ, канцеляристомъ Василіемъ Дмитріевымъ и копіистомъ Груздевымъ».

(**) Интендантъ Василій Лазаревичъ въ это время выбралъ для себя другую карьеру,—онъ поступилъ въ секретари Консисторіи.

(***) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1762 г. № 2770».

(****) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1762 г. № 2770».

(*****) Могъ ли думать ректоръ Амвросій, что такая незначительная повидимому услуга его вспомнится спустя 118 лѣтъ Владимірской епархіей!

Вотъ и еще не малая заслуга ректора Амвросія: онъ исходатайствовалъ отвести поля для учителей и учениковъ Семинаріи съ тѣмъ, чтобы они пользовались покосомъ съ нихъ. Эти поля неотдавались въ аренду, но обработывались самими учениками подъ присмотромъ начальства.

Въ 1761 году ректоромъ Семинаріи мы видимъ архимандрита Царево-Константинова монастыря Аврамія(*). Въ архивѣ духовной Консисторіи есть дѣло „о произведеніи въ епископа архимандрита Амвросія", но мы не можемъ съ достовѣрностію полагать, что именно ректора Амвросія; даже, соображая нѣкоторыя обстоятельства, можно предполагать, что архимандритъ Амвросій и при ректорѣ Авраміѣ оставался во Владимірской епархіи администраторомъ, до конца 1762 года.

Въ 1761 году, по мимо желанія ректора Амвросія, назначенъ былъ членомъ Семинарской конторы Дмитріевскаго собора протопопъ Андрей Степановъ человѣкъ, какъ увидимъ, недобросовѣстный. Хотя ректоръ Амвросій и настоялъ удалить отъ Семинаріи протопопа Степанова, но уже было довольно поздно; Семинарія въ экономическомъ отношеніи доведена была до крайняго положенія. По этому съ большой неохотой принялъ на себя архимандритъ Аврамій должность ректора Семинаріи; ибо онъ не могъ не видѣть, какъ трудно управлять въ настоящее время Семинаріей, когда и деньги и припасы были расхищены протопопомъ Степановымъ, когда архіепископъ Антоній немогъ принимать непосредственнаго участія въ дѣлахъ Семинаріи. И дѣйствительно. На первомъ же году вступленія въ должность ректора Семинаріи, архимандритъ Аврамій долженъ былъ перенести большую непріятность. Хотя, какъ мы сказали, ректоръ Амвросій и настоялъ удалить отъ управленія Семинаріи протопопа Андрея Степанова за худое поведеніе, но такъ какъ Степановъ былъ человѣкъ пронырливый и крайній

(*) Онъ обучался въ Кіевской Академіи, фамилія его Флоринскій. См. Исторію Кіевской Академіи.

интриганъ, по этому непрошло и полгода отъ его удаленія, какъ его самъ архіепископъ Антоній назначилъ уже нетолько членомъ Семинарской конторы, но и „судіею“, предсѣдателемъ по экономической части. Это сдѣлалось вопреки желанія администратора Амвросія. Очень хорошо соображалъ сіе молодой человѣкъ—учитель нисшаго класса Николай Субботинскій; посовѣтовавшись съ администраторомъ Амвросіемъ и отобравъ показанія отъ учениковъ, онъ, крайне возмущенный безстыдствомъ и даже въ полномъ смыслѣ грабительствомъ судіи Семинарской конторы протопопа Степанова, подалъ доношеніе „великому господину архіепископу Антонію на судію Семинарской конторы Андрея Степанова“. Изъ дѣла видно, что ректоръ Аврамій, какъ человѣкъ поставленный рядомъ съ безсовѣстнымъ интриганомъ Степановымъ не могъ надлежащимъ образомъ противодѣйствовать сему и такимъ образомъ, какъ бы невольно, по своему безсилію, онъ на первыхъ порахъ своего управленія испыталъ недовольство собою Семинаріи, какъ учителей, такъ и учениковъ.... Пусть сами читатели судятъ судію Степанова, когда мы, по возможности кратко, представимъ выдержки изъ обширнѣйшаго надъ нимъ слѣдствія.

Учитель Николай Субботинскій представилъ свою жалобу архіепископу Антонію за подписомъ 58 учениковъ,—жалобу на протопопа Андрея Степанова, канцеляриста Василія Дмитріева и копіиста Иродіона Груздѣва. „Великому господину архіепископу Антонію: Вашимъ Высокопреосвященствовъ, говоритъ онъ, судіею Семинарской конторы и учителемъ Семинаріи опредѣленъ протопопъ Андрей Степановъ, однако онъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ за непорядки въ 1761 году отрѣшенъ. А въ семъ 1762 году онъ, будучи Семинарскимъ судіею въ безобразномъ пьянствѣ весьма многіе по Семинаріи безпорядки производитъ. Такъ и нынѣ пьянствуетъ и Семинарскую казну въ достоль тратитъ. А именно: 1) капусту, когда еще была на грядахъ, онъ приказалъ хорошую перевести къ себѣ, а худую и негодную для ради обиходу Семинар-

скаго. 2) Хлѣба ежедневно себѣ беретъ по короваю, а по часту и того больше, а ученикамъ Семинаріи выдаетъ по $^1/_3$ фунта на день. 3) Сторожей отъ Семинаріи всѣхъ почти распустилъ и происходитъ отсюда остановка въ работахъ, присмотрѣ, чистотѣ и топленіи. 4) Расходчикъ, по потворству судіи сего Семинарской конторы протопопа Андрея Степанова, уворовалъ изъ Семинаріи мѣшки пшеничной муки и его чужестранные люди поймавъ привели къ намъ въ Семинарію, и мы съ воровскимъ представили его къ судіѣ и онъ его прикрылъ. 5) У хорошихъ купцовъ рыбы и мяса не бралъ, но у худыхъ ему было прибыльно. „Несмотря на очень частыя жалобы ректору Аврамію, протопопъ Степановъ неунимался. Компанія его, состоящая изъ канцеляриста Василія Дмитріева и кописта Иродіона Груздева, все больше и больше обкрадывала Семинарію. „Воровство ихъ, доносятъ ученики вмѣстѣ съ учителемъ Субботинскимъ епископу Антонію, такъ увеличилось, что они воруютъ по сту свѣчь на день и для ученія уроковъ ученики вынуждаемы просить свѣчь гдѣ либо на сторонѣ, а соль, муку и крупы воруютъ пудами“.

Спрошенный на слѣдствіи протопопъ Степановъ совершенно отъ всего отпирался и старался оправдать себя клеветой на прежняго уже умершаго ректора архимандрита Товія. „А бралъ я, говоритъ судія Семинарской конторы, продовольствія по немногу, и при томъ по приказанію бывшаго ректора архимандрита Товія“. Конечно, этой клеветѣ на добраго и честнаго ректора никто не повѣрилъ. А между тѣмъ, ученики, спрошенные другой разъ, уже смѣлѣе стали разоблачать недобросовѣстные поступки судіи Степанова. „Скудость у насъ въ Семинаріи при судіи Семинарской конторы протопопѣ Степановѣ, говорили они, невыностная во всемъ, только и было поддержки во время крайней нашей скудости, что мы на учительскомъ коштѣ пребывали“. Вотъ при семъ то случаѣ, подъ вліяніемъ невыностнаго голода, ученики и вспоминаютъ въ своихъ обвинительныхъ показаніяхъ своего прежняго о. ректора, архимандрита Амвросія: „хотя, говорятъ они, и по трети фунта имѣли при немъ мы, но и тѣмъ были

довольны; потому что онъ по часту и своими пирогами насъ довольствовалъ. А сей протопопъ ради своей корысти распустилъ даже прислугу, и наипаче поваровъ, и доводилъ насъ до великаго голода; по часту и штей сварить некому".

Мало того, протопопъ Степановъ и каждаго въ частности ученика старался ограбить: „почасту приходилъ въ Семинарскія кельи или въ классы и просилъ себѣ на вино"(*). Семинаристъ не смѣлъ отказать въ подобной просьбѣ, онъ готовъ былъ употребить всѣ средства, чтобъ исполнинь ее; потому что протопопъ Степановъ былъ нетолько судіей Семинарской конторы, но вмѣстѣ и учителемъ, т. е. лицемъ имѣющимъ между прочимъ полное право, по тому времени, безъ взякой причины и отвѣтственности безпощадно высѣчь учиника и даже посадить на цѣпь(**). По этому то ученикъ готовъ былъ прибѣгнуть ко всѣмъ возможнымъ для него средствамъ, чтобъ удовлетворить требованію судіи и учителя, лишь бы не навлечь его страшнаго гнѣва. Этого мало: у воспитанниковъ Семинаріи „по часту" набывало денегъ, при всѣхъ угрозахъ и вымогательствахъ взять съ нихъ было нечего; въ такихъ случаяхъ протопопъ Степановъ требовалъ отъ нихъ уступить ему различные продукты. „Будете сыты и безъ завтрака, говорилъ пьяный судія семинаристамъ, — откажитесь въ мою пользу, говорите, что завтракаете, въ противномъ случаѣ смотрите"!... Испуганные семинаристы не могли противорѣчить и, скрѣпя сердце, и надрывая грудь, соглашались терпѣть голодъ, прибавлять къ „невыностному" голоду еще болѣе невыностный....

Не одни завтраки поѣдалъ ненасытный Семинарскій судія протопопъ Степановъ. Положено было по постнымъ днямъ готовить Се-

(*) При семъ надобно припомнить, до какой степени было бѣдно духовенство въ разсматриваемое нами время. Довольно сказать того, что въ 1757 г. въ архивѣ Владимірской духовной Консисторіи весьма часто встрѣчаются дѣла: «о выдачѣ священнику указа на прошеніе милостыни» (напр. № 1500).

(**) См. арх. дух. Консистор. «дѣло 1760 г. № 2185, о сыскѣ бѣжавшаго изъ Семинаріи ученика Николая Дубровскаго, сына градской Арзамазской церкви священника Ивана Петрова».

минаристамъ рыбу(*), а по скоромнымъ „шти изъ говядины". Но если и давали иногда мясо и рыбу, говорили ученики, то мясо и рыбу откупали на выборъ, такое „негожее что и ѣсть было не возможно". Положимъ, что въ то странное и жалкое время, при невзыскательности запуганныхъ и загнанныхъ семинаристовъ, можно было обойтись имъ и безъ говядины, а тѣмъ болѣе безъ рыбы,— вѣдь довольны же они были, когда имъ при ректорѣ Амвросіѣ выдавали въ день по трети фунта хлѣба на день; но дѣло въ томъ, что и „всѣ крупы собранныя сначала учрежденія Семинаріи протопопъ Степановъ, чтобы покупать новыя и болѣе прибыточествовать, такъ испортилъ, что отъ затхлости нетолько человѣку купать, но ниже и скоту ѣсть невозможно"(**).

Мы незнаемъ, чѣмъ кончилась эта ревизія, произведенная вслѣдствіе жалобъ учителя Семинаріи Субботинскаго на судію Семинарской конторы; но только не можемъ не пожалѣть, что на „сію компанію", по всей вѣроятности, необрушилась такая строгость, какая была при первой ревизіи, произведенной по приказанію преосвященнаго Платона.

Въ противуположность этой тяжелой картинѣ, мы считаемъ за необходимое обратить вниманіе читателей на то, до какой степени благородно и самоотверженно относились въ подобныя тяжелыя безвыходныя времена учителя Семинаріи къ своимъ воспитанникамъ.

Распорядители Семинарской экономіи, такъ или иначе заставляютъ испытывать учениковъ „невыносный голодъ", а учителя дѣлятся съ учениками своимъ бѣднымъ кускомъ хлѣба. Въ то время, за неимѣніемъ просторныхъ общихъ классовъ и при малочисленно-

(*) По проекту епископа Платона это была вещь весьма возможная; на бумагѣ, да частію и на самомъ дѣлѣ, съ епархіи собиралось денегъ, крупъ и хлѣба очень много, такъ что, предполагая малѣйшую добросовѣстность со стороны лицъ довѣренныхъ, можно было «довольствовать» семинаристовъ въ постные дни недорогой рыбой.

(**) Все сіе заимствуемъ изъ вышеписаннаго доноса учителя Николая Субботинскаго.

сти учителей ученики, особенно болѣе или менѣе неисправные, приходили прослушиваться уроки въ квартиру учителя. И вотъ нерѣдко бывало, что ученикъ, истомленный голодомъ, и потому напрасно просидѣвшій нѣсколько часовъ надъ латинскими и греческими вокабулами, идетъ къ своему учителю и робкою рукою стучится у его двери. „Урокъ что-ли прослушаться пришелъ?—спрашиваетъ учитель своего воспитанника: „нѣтъ, я голоденъ“, отвѣчаетъ онъ. И бѣдный учитель раздѣляетъ съ голоднымъ ученикомъ свои скудные припасы!....

Внутренній бытъ Владимірской Семинаріи за первые 15 лѣтъ.

ГЛАВА VII.

Отношнія начальниковъ и учителей Семинаріи къ ученикамъ и учениковъ между собою. Командирство и командиры.

Мы уже видѣли, какъ плохо было устройство Семинаріи во внѣшнемъ отношеніи, какъ ученики постоянно терпѣли и голодъ и холодъ, вслѣдствіе повсюду распространеннаго взяточничества и воровства. Во внутреннемъ отношеніи Семинарія за первые 15 лѣтъ представляетъ еще болѣе неутѣшительные факты.

Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственыхъ отношеній ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности инаго начальника, или наставника уступали неумѣстной и нелѣпой оффиціозности. Учителя слишкомъ униженно держали себя предъ начальствомъ, не имѣли даже права безъ позволенія ректора выходить за стѣны Семинарскаго двора; и унижались тѣмъ болѣе, что жалованье имъ было неопредѣленное, а количество его зависѣло отъ воли начальства. Ученики смотрѣли на учителей не какъ на добрыхъ

наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они только умѣли бояться, а не любить и уважать. „Какъ учителя узришь, говоритъ одна изъ самыхъ старинныхъ семинарскихъ пѣсенъ, полумертвъ въ школѣ сидишь.“ И дѣйствительно, собственно проводникомъ отношеній между учителями и учениками были главнымъ образомъ розги, сажаніе на цѣпь,—грубая физическая сила. Конечно и въ неочень давнее время въ училищахъ и Семинаріяхъ наказывали неумѣренно жестоко; но наказаніе наказанію рознь. Неумѣстность и вредность наказанія должно опредѣлять не одною степенью жестокости, но и взглядомъ и пониманіемъ налагающихъ наказанія. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины Великой, подъ вліяніемъ ея великихъ и благодѣтельныхъ учрежденій, подъ вліяніемъ обновленія общественной и гражданской жизни, и жизнь Семинаріи получила иной характеръ. Семинарская педагогика скоро додумалась до той простой истины, что наказывать учениковъ даже и розгами должно только въ крайнихъ случаяхъ; такъ было покрайней мѣрѣ de jure. Въ разсматриваемое-же нами время учениковъ наказывали не одними розгами, но и кошками и сажаніемъ на цѣпь. Главное же: на проступокъ ученика смотрѣли не какъ на проступокъ мальчика или юноши, а судили какъ взрослаго, даже какъ гражданина. Положимъ, подрались ученики между собою въ обыкновенный будничный день; это легко могло сойти съ рукъ, особенно если никто изъ нихъ не жаловался, но если тоже самое происходило въ торжественный день,—они судились въ Консисторіи по всѣмъ формальностямъ, и не какъ ученики, а какъ взрослые, какъ и всѣ граждане нарушившіе спокойствіе и тишину такого дня (*). Начальники и наставники какъ будто боялись стать въ отношенія къ ученикамъ не оффиціальныя; мало-мальски важное распоряженіе или приказаніе отдавались на бумагѣ, причемъ отъ

(*) См. арх. Духовн. Конс. дѣло № 702, 1852 г. «прошеніе сторожа Петра Алексѣева о причиненіи ему студентомъ Михайломъ Гусевымъ въ высокоторжественный день 24 Ноября тяжкихъ побой».

учениковъ требовалась росписка въ ея чтеніи (*) Съ своей стороны и ученики обязывались обращаться къ начальству преимущественно на бумагѣ. Украли, напримѣръ у семинариста одежду;—онъ, подозрѣвая товарища, не прямо заявляетъ объ этомъ начальству; но по всѣмъ правиламъ тогдашней казуистики подаетъ прошеніе „о розысканіи украденнаго“(**). Даже когда случались факты прямо вызывающіе наставника обратиться къ ученику съ серьезными внушеніями и разсужденіями, то и въ такихъ случаяхъ учитель какъ-бы не смѣлъ стать въ положеніе наставника.

Въ одномъ изъ низшихъ классовъ Семинаріи—въ школѣ грамматики—былъ ученикъ весьма скромнаго и тихаго характера—Иванъ Тимоѳѣевъ. Ему было только 13 лѣтъ. Въ продолженіе своего ученія онъ не былъ замѣченъ ни въ какихъ подозрительныхъ и дурныхъ поступкахъ. Иванъ Тимоѳѣевъ былъ единственный и любимый сынъ вдовы діаконицы Владимірскаго Успенскаго собора. По вступленіи въ Семинарію, онъ долгое время невыходилъ за ограду Семинарскаго двора. Наступила Пасха 1761 г., а онъ не смѣетъ и подумать хоть на нѣсколько часовъ, ради великаго праздника, отправиться въ домъ своей матери. Грусть его все болѣе и болѣе одолѣваетъ. Наконецъ проплакавъ первый и второй день праздника, онъ на третій безъ спроса ушелъ домой. Въ первые минуты радость свиданія была полная: Тимоѳѣевъ какъ-бы забылъ о томъ, что ему дорого придется поплатиться за это. Но къ вечеру того-же дня онъ становится все печальнѣе и печальнѣе,—что не укрылось отъ его матери. Послѣ не многихъ разспросовъ съ ея стороны, онъ признался, что ушелъ „тихонько“. По всей вѣроятности и въ Семинаріи не знали еще объ отлучкѣ Тимоѳѣева, иначе тотчасъ повсюду дали-бы знать объ его побѣгѣ.

(*) См. арх. Дух. Конс. дѣло № 472, 1750 г. «о чиненіи пьянства учителя Ѳедора Радикорскаго съ учениками».

(**) См. арх. Дух. Конс. № 1311, 1765 г. «по доношенію Владимірской Семинаріи школы синтаксимы ученика Степана Вишневскаго о покражѣ изъ ларца денегъ и прочаго скарба».

Но испуганная мать сама повѣла сына къ учителю Субботинскому и слезно умоляла, чтобы онъ простилъ и пощадилъ мальчика. Учитель Субботинскій, какъ мы видѣли, такъ много хлопотавшій о пользѣ семинаристовъ (*), пришелъ при этомъ случаѣ въ неописанный ужасъ. Бѣдная вдова была прогнана съ ругательствами, а Иванъ Тимоѳѣевъ, послѣ сильнаго сѣченія, посаженъ былъ скованный въ желѣзо, при чемъ ему сказано было, что просидитъ въ такомъ положеніи нѣсколько мѣсяцевъ (**).

Вотъ каковы были педагогическіе пріемы! Ученикъ легко провинившійся, сознавшійся въ своемъ проступкѣ, не смотря на мольбы и слезы матери, такъ жестко наказывается! Но это объясняется не особенною жестокостію учителя Субботинскаго, а тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, что на Тимоѳѣева смотрѣли въ этомъ случаѣ не какъ на провинившагося мальчика, а какъ на взрослаго бѣглеца и нарушителя закона. Къ Тимоѳѣеву было примѣнено тоже наказаніе, какое было установлено для священно-церковнослужителей, посаженныхъ подъ арестъ въ Консисторію и бѣжавшихъ оттуда; въ ученикѣ не хотѣли видѣть мальчика, а видѣли только нарушителя закона.

Послѣ такого страннаго и нелѣпаго отношенія начальниковъ и учителей къ ученикамъ нельзя конечно, ожидать, чтобы и отношенія учениковъ между собою были хорошія—нормальныя. Не было, да и не могло быть, между семинаристами дружескихъ, товарищескихъ отношеній. Конечно, мы говоримъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, не отрицая дружества и товарищества между частными лицами, но только утверждаемъ то, что вообще товарищество са-

---

(*) См. арх. Дух. Конс. дѣло № 270, 1762 г. «доношеніе Семинарскаго учителя Николая Субботинскаго о расхищеніи Семинарскихъ суммъ и о прочихъ принудительствахъ Дмитріевскаго протопопа Андрея Степанова, канцеляриста Василія Дмитріевскаго и кописта Иродіона Груздева».

(**) См. арх. Дух. Конс. дѣло № 2737, 1762 года: «доношеніе г. Владиміра, Рождественской церкви, священника Іакова Ѳедорова, при коемъ представленъ бѣжавшій изъ Семинаріи ученикъ Иванъ Тимоѳѣевъ съ украденною у него лошадью».

мыми учрежденіями и порядками было совершенно парализовано. На сколько крейне оффиціальны и унизительны были отношенія наставниковъ къ начальникамъ, на столько-же и тако-же свойства были отношенія учениковъ между собою. Почти каждый ученикъ въ отношеніи къ другому былъ „командиромъ". Ученики высшихъ классовъ были командирами надъ низшими, изъ числа которыхъ иные ставились въ свою очередь командирами надъ своими одноклассниками.

А командиромъ назывался ученикъ, имѣвшій, по порученію начальства, или учителя, надзоръ за товарищемъ, при чемъ каждому командиру давалось право, не спрашивая начальства, по своему личному возрѣнію и убѣжденію сѣчь другаго. На ученика „командира" (такое названіе было оффиціальное,—мы его встрѣтимъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ),—въ рѣдкихъ случаяхъ могъ жаловаться отданный подъ его команду. При томъ на „командира" и жаловаться можно было только оффиціально, на бумагѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ юридическихъ данныхъ, съ представленіемъ на допросъ свидѣтелей и т. д. Но если бы и подалась такая жалоба на командира со стороны подчиненнаго, то главное вниманіе семинарской конторы было-бы обращено на то, дѣйствительно-ли истецъ находится *подъ командой* отвѣтчика, ибо не рѣдко случалось, что одинъ ученикъ объявляетъ себя надъ нѣсколькими другими командиромъ и самовольно расправляется съ ними, какъ полный начальникъ. Такіе обманьщики наказывались строго, но дѣйствительнаго командира рѣдко наказывали даже за жестокія и несправедливыя расправы съ подчиненными товарищами, иначе, думало семинарское начальство, ослабнетъ дисциплина и порядокъ надзора.

У Семинаріи учителя, іеромонаха Палладія, былъ въ 1752 году келейникомъ ученикъ Гусевъ (*) чрезвычайно гордаго и своенравнаго характера и притомъ не весьма трезваго поведенія. Любилъ онъ коротко и скоро расправляться съ учениками въ качествѣ командира.

(*) Весь этотъ разсказъ мы заимствуемъ изъ «прошенія сторожа Петра Алексѣева № 702, 1752 года».

Но не довольствуясь командой надъ товарищами, Гусевъ дошелъ до того убѣжденія, что онъ, какъ келейникъ учителя, и при томъ іеромонаха, есть командиръ надъ служителями, сторожами и поварами Семинаріи, слѣдовательно человѣкъ, имѣющій полное право во всякое время и при всякомъ удобномъ случаѣ сѣчь ихъ безпощадно. Такія операціи онъ былъ охотникъ производить не рѣдко. Служители Семинаріи, имѣя такого строгаго и „невыностнаго“ командира, не могли положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ рѣшить для себя вопроса: дѣйствительно-ли келейникъ учителя іеромонаха, студентъ Семинаріи Гусевъ, командиръ надъ ними, дѣйствительно-ли они должны съ полнымъ послушаніемъ ложиться подъ розги, когда командиръ Гусевъ имъ прикажетъ. Естественнѣе всего было спросить объ этомъ семинарское начальство. Но нельзя же было въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ вопросъ о командирствѣ, идти и попросту спросить; необходимо было нужно подавать формальную жалобу. А это дѣло было рискованное, потому что служителя Семинаріи, какъ мы видѣли, были взяты въ работу при Семинаріи за непослушаніе,—служительскіе должности на нихъ положены были въ наказаніе (*), да и во всякомъ случаѣ возставать и жаловаться на командира значило оказывать неповиновеніе вообще начальству: начальники могли легко подумать, что служители бунтуютъ. Долго бы, можетъ быть, безнаказанно расправлялся самозванецъ командиръ съ служителями семинарскими; но наконецъ, совершенно случайно, разоблачилось самозванство студента Гусева.

1752 года 24 Ноября поваръ Алексѣевъ готовилъ обѣдъ для учителя Семинаріи іеромонаха Палладія. „И случилось ему—повару—отойти изъ кухни за припасами въ чуланъ“. Въ это время, на бѣду его, вбѣжала въ кухню собака, и схвативъ одну изъ рыбъ лежащихъ на столѣ, убѣжала. „А смотрѣть за рыбой, говоритъ поваръ Алексѣевъ, поставленъ былъ я именованный.“ Вина была не велика и Алек-

(*) См. арх. Дух. Конс. дѣло № 620, 1753 года, «объ опредѣленіи въ работу при Семинаріи церковниковъ за самовольное вступленіе въ бракъ».

сѣевъ признался въ ней. Но приходитъ студентъ Гусевъ за кушаньемъ, и когда было ему объявлено поваромъ такое несчастіе,—Гусевъ, не слушая оправданій, начинаетъ по командирски расправляться съ Алексѣевымъ". И билъ, говоритъ Алексѣевъ, онъ, Гусевъ, меня нещадно по щекамъ и потомъ, неудовольствуясь тѣмъ, велѣлъ сторожу Григорьеву принесть розги, который и принесъ; и оными розгами меня именованнаго онъ, Гусевъ, велѣлъ бить немилосердно, и ругался всячески, и похволялся еще больше бить". Нельзя не удивляться такой рабской покорности обоихъ служителей: и того, который исполнялъ экзекуцію, и того, который съ покорностію переносилъ ее. И все это дѣлалось въ силу того, предположенія, что келейникъ Гусевъ командиръ надъ служителями.

Но этотъ случай не прошолъ даромъ Гусеву. Горько жаловался Алексѣевъ на жестокое обращеніе. И вотъ кто-то внушилъ ему, что на Гусева можно подать теперь прошеніе даже и въ томъ случаѣ, если онъ Гусевъ дѣйствительно командиръ. Рыба была похищена и Алексѣевъ потерпѣлъ наказаніе если и справедливое, то во всякомъ случаѣ не своевременное, ибо въ 1752 г. 24 Ноября былъ царскій день, тезоименитство Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, въ который, какъ и въ каждый царскій день, безчинство и побои строго воспрещались. Пользуясь этимъ случаемъ, Алексѣевъ подалъ жалобу въ Семинарскую контору, гдѣ изложивъ уже извѣстныя намъ обстоятельства дѣла, главнымъ обвинительнымъ пунктомъ именно поставилъ то, что онъ сѣченъ былъ въ день тезоименитства Великой Княгини Екатерины Алексѣевны; „чего ради, говоритъ Алексѣевъ, въ заключеніе своей жалобы, которую онъ подалъ на имя епископа Платона, прошу его Гусева допросить и учинить съ нимъ какъ по Ея Императорскому Величеству законамъ надлежитъ".

Началось формальное слѣдствіе. Свидѣтели, служителя Семинаріи, показали согласно съ поваромъ Алексѣевымъ; сдѣланъ былъ допросъ и подсудимому, а въ допросѣ онъ Гусевъ между прочимъ

сказалъ: „а отъ несмотрѣнія его, Алексѣева, собака изъ кухни стащила рыбу, за что и былъ онъ мною наказанъ. А что похвальныхъ словъ я ему Алексѣеву не говаривалъ (т. е. не хвалился бить еще его), и что былъ высокоторжественный день, который должно свято и почтительно торжествовать и отъ всѣхъ дракъ, ссоръ и наказаніевъ храниться, запамятовалъ“.

Члены Семинарской конторы посмотрѣли на это дѣло не съ нравственной точки зрѣнія, а чисто съ юридической. Имъ не то показалось странно и омерзительно, что молодой человѣкъ такъ жестоко и несправедливо обращался съ пожилымъ служителемъ, а бросилось имъ въ глаза единственно только то, что злоупотреблено было правомъ командирства, что Гусевъ былъ самозванецъ-командиръ. „Семинарская контора разсудивъ, что оный студентъ Гусевъ надъ онымъ поваромъ Алексѣевымъ *никакой команды неимѣющей*, такъ дерзостно бить отважился; ибо если-бы поименованнаго повара Алексѣева въ чемъ была погрѣшность, то ему Гусеву, *неимѣя команды*, ни почему бить неслѣдовало, а должно о томъ кому слѣдуетъ представить, а собою, сверху всякаго права, дерзостно такъ устремляти, что не точію по щекамъ (это еще де не велика бѣда!) но и розгою, положа наказывалъ, *какъ командующій*, постановила наказать его Гусева при собраніи всѣхъ студентовъ, учинивъ *нещадное* розгами наказаніе, дабы и другимъ на сіе смотря, такъ безстрашно дѣлать было неповадно“. Т. е. это заключеніе Семинарскаго начальства для учениковъ имѣло такой смыслъ: наказываютъ нещадно Гусева за то, что онъ, небудучи командиромъ повара, высѣкъ его; и такъ: не превышайте власти, не называйте себя командирами, если не поставлены въ командиры начальствомъ. Такъ должны были понять значеніе этой экзекуціи семинаристы, да по всѣй вѣроятности и само начальство также понимало это дѣло. Не много же нравственно-назидательнаго почерпнули ученики, присутствуя при семъ безщадномъ наказаніи товарища!!...

Мы не ошибочно понимаемъ Семинарское командирство и въ частности разсматриваемое нами дѣло. Будь Гусевъ поставленъ командиромъ надъ поваромъ, хотя отъ *имени іеромонаха Палладія,* онъ остался бы правъ, по всѣмъ соображеніямъ: ему бы опредѣлили наказаніе не большое; ибо нерѣдко бывали случаи, когда командиръ ученикъ надъ своимъ собратомъ товарищемъ безъ всякихъ основаній издѣвался и безчинничалъ варварскимъ образомъ, и это сходило съ рукъ какъ нельзя быть легче.

„Апрѣля 13 дня 1752 года, доноситъ Семинаріи экономъ архіерейскаго дома, вечеромъ въ домѣ его преосвященства(*) учинилась между пѣвчими драка и чрезвычайный шумъ; и въ томъ шумѣ и дракѣ пѣвчій Трофимъ Тихоновъ кричалъ съ нѣсколько-кратнымъ повтореніемъ караулъ, при чемъ бѣгалъ чрезъ весь дворъ до самыхъ покоевъ его преосвященства“. По этому дѣлу началось формальное слѣдствіе(**). Надо замѣтить, что надъ архіерейскими пѣвчими былъ поставленъ командиромъ Иванъ Аѳонасьевъ, который и былъ причиной этого скандала.

Трофимъ Тихоновъ въ допросѣ, между прочимъ сказалъ: „а кричалъ я для того, что Аѳонасьевъ билъ меня нещадно, невѣдомо за что. И оный Афонасьевъ взошелъ въ трапезу и сталъ мнѣ говорить: я де тебя высѣку, понеже я *твой командиръ*. На что мною ему отвѣтствовано: „хотя де ты командиръ, а бить тебѣ меня не за что“. Въ отвѣтъ на сіе разсужденіе командиръ ударяетъ его въ лицо, хватаетъ за волосы и таскаетъ по монастырскому двору. „И кричалъ я, говоритъ Тихоновъ, чтобы за меня заступились.“

Аѳонасьевъ въ допросѣ дѣло поставилъ въ такомъ видѣ: „посылалъ я за Тихоновымъ и велѣлъ ему придти ко мнѣ въ келью, понеже нужно было его пожурить, а оный не пошелъ, ослушался, за каковую провинность и былъ мною наказанъ“.

(*) Епископъ Платонъ былъ въ это время въ С.-Петербургѣ.

(**) Весь этотъ разсказъ заимствуемъ изъ дѣла «о пѣвчемъ Трофимѣ Тихоновомъ». Арх. дух. Конс. № 678, 1752 г.

Изъ этихъ двухъ показаній дѣло выясняется мало: въ расчетъ того и другаго было затемнить это происшествіе; но третій пѣвчій Николай Ивановъ расказалъ, въ качествѣ свидѣтеля, на допросѣ все съ полною откровенностію. И вотъ изъ его показанія вполнѣ обрисовывается командирство.

„Апрѣля 13-го дня, говорилъ онъ, а въ которомъ часу не припомню, *по приказанію* пѣвчаго Ивана Аѳонасьева мы въ троемъ ходили къ купцу Василію Яковлеву, гдѣ будучи и заохочивая сего купца пѣніемъ различныхъ концертовъ, напились допьяна. А оттуда возвращаясь, по пути зашли въ гости къ діакону Афонасію, а отчества его неупомню, для пѣнія концертовъ-же. А у онаго діакона пробывъ, какъ бы полчаса, ни чего не пили, понеже ничего подношено не было(!) „И вотъ пьяные пѣвчіе возвращаются домой. Отуманенному водкой командиру пришла охота показать свою власть, свое командирство, и вотъ онъ расправляется такимъ образомъ съ своимъ товарищемъ! Замѣчательно, что это слѣдствіе кончилось ничемъ; не былъ наказанъ Аѳонасьевъ за такой безобразный поступокъ по той простой причинѣ, что онъ былъ командиръ.

Могли-ли же быть добрыя, нормальныя отношенія между учениками Семинаріи, при существованіи такого уродливаго явленія, каково было командирство! Ученикъ загнанный своими товарищами—командирами, въ свою очередь всѣми силами добивался командирства, чтобы учинять такія же расправы надъ своими подчиненными, какія производили надъ нимъ. Такимъ образомъ сколько побой и розогъ должны были вынести ученики отъ начальниковъ, учителей, при видѣ которыхъ они чувствовали себя „полумертвыми“, и наконецъ отъ товарищей—командировъ! Прибавьте къ этому крайнюю бѣдность во всѣхъ отношеніяхъ: то они довольны были и четвертью фунта хлѣба въ день, то должны были, за не имѣніемъ свѣчь, выпрашивать у горожанъ лучину и т. д. и т. д.

Но никакія разсужденія и соображенія не могутъ намъ дать болѣе яснаго представленія о томъ крайне безвыходномъ и „невы-

ностномъ" положеніи ученика Семинаріи, какъ разсмотрѣніе того, какія средства принимаемы были учениками для избѣжанія житья Семинарскаго. Вѣроятно въ настоящее время рѣдкій острожный рѣшится, ради свободы, предпринимать такія средства, къ какимъ прибѣгали очень часто семинаристы сто лѣтъ назадъ. Семинаристы часто готовы были идти въ солдаты, принимать на себя уголовныя преступленія и бѣгать изъ Семинаріи съ опасностію жизни. И въ не очень давнее время бѣгали ученики училищъ и нерѣдко Семинаріи; но бѣгуны старой Семинаріи имѣли совершенно другой характеръ, дѣйствовали подъ вліяніемъ совершенно иныхъ обстоятельствъ.

ГЛАВА VIII.

«Бѣгуны Семинаріи. Слово и дѣло Государево».

Мы оставили ученика грамматики Ивана Тимоѳѣева, закованнаго въ цѣпи, по приказанію учителя Субботинскаго. Сторожемъ и командиромъ приставленъ былъ къ нему ученикъ Василій Силецкій.

1761 г. 10 Мая вечеромъ въ большомъ Семинарскомъ корпусѣ, который стоялъ по срединѣ Богородицкаго Семинарскаго двора, собрались для бесѣдъ и пѣнія пѣсенъ семинаристы(*). Много занимало ихъ вопросовъ, они на перерывъ пересказывали другъ другу свои невзгоды; но всего больше интересовало ихъ то, что Иванъ Тимоѳѣевъ еще до сихъ поръ, вотъ уже другой мѣсяцъ сидитъ въ желѣзахъ. Входитъ Василій Силецкій и объявляетъ товарищамъ, что Тимоѳѣеву сдѣлали малое облегченіе,—замокъ съ цѣпи сняли, а велѣли перевязать ихъ веревкой; знать скоро и совсѣмъ освободятъ, говорилъ онъ; и при этомъ передалъ товарищамъ свое такое замѣчаніе: „неладное что-то дѣлается съ Тимоѳѣевымъ".

(*) Весь этотъ расказъ заимствуемъ изъ дѣла № 2737, 1762 г. «доношеніе города Владиміра Рождественской церкви священника Іакова Ѳедорова, при коемъ представленъ бѣжавшій изъ Семинаріи ученикъ Иванъ Тимоѳѣевъ съ украденною у него лошадью».

Въ смѣжной комнатѣ, обращенной окнами на рѣку Клязьму сидѣлъ закованный въ цѣпи Иванъ Тимоѳѣевъ. Пріятный майскій вечеръ наводилъ невыносимую грусть на истерзанное сердце закованнаго мальчика. Съ горы Семинарскаго монастыря открывались прекрасные виды на Клязьму; вся природа дышала довольствомъ, а между тѣмъ каждое движеніе его производило раздражающій душу тажелый звонъ цѣпей.... Когда же это кончится думалъ Тимоѳѣевъ! До окончанія курса еще очень долго и не одинъ разъ придется вынести такія жестокія наказанія!... И вотъ, какъ бы въ соотвѣтствіе его положенію, къ нему доносится пѣсня товарищей, которую они, при всякомъ удобномъ случаѣ, любили пѣть и разгонять Семинарское горе; такъ она и называлась „Горе".

Житье въ школѣ не по насъ:
Въ одинъ день сѣкутъ сто разъ!
О, горе! О, бѣда!
Сѣкутъ насъ завсегда(*)!
И лозами по бедрамъ,
И пальцами по щекамъ.
О, горе! и проч.
Придешъ въ школу неготовъ,
Не припомнишъ разныхъ словъ,—
Не съ другаго слова въ рожу,
Со спины дерутъ всю кожу.
О, горе! и проч.

И опять будутъ сѣчь! Немного радости, если и съ цѣпи спустятъ, думаетъ Тимоѳѣевъ.

Не дадутъ и погулять,—
Все уроками морятъ.

(*) Эта Семинарская пѣсня появилась вскорѣ по открытіи Семинарій, напѣвъ ея почти тотъ-же самый, какъ и позднейшей Семинарской пѣсни: «Бонапарте люты стрѣлы пустилъ въ русскіе предѣлы»,—напѣвъ вполнѣ соотвѣтствующій своему содержанію. Особенно разительно грустно поется припѣвъ: О, горе! О, бѣда! Сѣкутъ насъ завсегда.

Учителя не гнѣви,—
За столомъ смирно сиди.
О, горе! и проч.
Въ кашицѣ хоть ложки мой,
Не крупой пахнетъ,—водой.
Ударишъ ложкою,—щелкнетъ,
Пузырь не вскокнетъ.
О, горе! и проч.

Грустный мотивъ Семинарской пѣсни по сердцу пришелся Тимоѳѣеву; не одному мнѣ живется горько, думалъ онъ.

Оккупаціи слагай,
А пусты щи ворызгай...
О, проклятое чернило!
Сердце наше изсушило.
И бумага и перо
Сокрушаютъ насъ зело!
Какъ учителя узришъ,—
Полумертвъ въ школѣ сидишъ.
Хоть какого молодца,
Сокрушитъ школа до конца.
О, горе! О, бѣда!
Сѣкутъ насъ завсегда!

За что же насъ такъ мучатъ, за что мы терпимъ истязанія и голодъ? Убѣжать бы навсегда изъ Семинаріи?... Звонъ цѣпей усилилъ въ Тимоѳѣевѣ это желаніе. Теперь только Тимоѳѣевъ, подъ вліяніемъ мысли о бѣгствѣ сообразилъ, что какъ будто сама судьба наталкиваетъ на это предпріятіе: замокъ съ цѣпей снятъ и они перевязаны только веревкою..... Развязать веревку не трудно; не большая хитрость перелѣзть и за стѣну Семинарскаго монастыря... А дальше что?... Но фантазія угнетенныхъ смѣла и сильна... Тимоѳѣевъ, отуманенный мыслію о свободѣ, приходитъ все болѣе и болѣе къ смѣлымъ планамъ.... Сѣсть бы теперь на лошадь,—и

прямо на ту сторону Клязьмы въ лѣса дремучіе.... И ѣхать бы всё шибче и шибче, все дальше и дальше отъ Семинаріи.... На лошади далеко можно уѣхать отъ учителей—мучителей, отъ командировъ.... Сердце школьника сильно забилось при мысли о свободѣ. Вопросы разсудка: чѣмъ будетъ кормится, гдѣ найдетъ пріютъ,—всѣ подобные вопросы миновали голову цѣпняка. Только одна мысль неотвязно преслѣдовала его: скакать на лошади за Клязьму въ лѣсъ....

На разсвѣтѣ, 12-го Мая, бѣжалъ по Семинарскому монастырю растерявшійся студентъ Силецкій и кричалъ: убѣжалъ Тимоѳѣевъ!...

Не могли придумать куда скрылся Тимоѳѣевъ. Не одинъ разъ спрашивали и его мать вдову дьяконицу, но и она ни чего не знала. Оставалось одно: высѣчь ученика Силецкаго за то, что плохо стерегъ,—что и было исполнено.

Спустя не мало времени, послѣ 12-го Мая, открылось дѣло очень плачевнаго свойства.

„Города Владиміра, церкви Рождества Христова, отъ священника Іакова Ѳедорова поступило въ Духовную Консисторію слѣдующее доношеніе: „сего Мая противъ 12-го числа въ нощи невѣдомыми воровскими людьми сведена у меня именованнаго со двора лошадь, рыжій меринъ, о чемъ отъ меня и Владимірской провинціальной канцеляріи объявлено было. А нынѣ-же съ оною лошадью пойманъ Владимірскаго уѣзда, приходу села Елекса, въ деревнѣ Гришиной, бѣжавшій семинаристъ дьяконовъ сынъ Иванъ Тимоѳѣевъ, котораго съ объявленною лошадью на разсмотрѣніе Консисторіи и объявляю. При томъ-же оный дьяконовъ сынъ съ малолѣтства своего, до взятія его въ Семинарію, временемъ жительство имѣлъ въ дому у меня именованнаго. И во время жительства его, у подклетной двери, на дворѣ моемъ, попорченъ замокъ. И оный Тимоѳѣевъ отломанную у того замка отъ ключа бородку отъ того замка съ гвоздями вынялъ и оный замокъ, безъ ключа, гвоздемъ-же отперъ. Того ради все-

покорнѣйше прошу оное мое прошеніе принять, и объявленную мою лошадь отдать мнѣ обратно“.

И такъ, вотъ какими соображеніями руководствовался Тимоѳѣевъ, рѣшившись бѣжать изъ Семинаріи. Вѣроятно онъ прежде и не обратилъ вниманія на то, что замокъ у его знакомаго священника испорченъ и только въ тяжеломъ одиночествѣ придумалъ воспользоваться оплошностію священника. Тѣмъ болѣе, что Тимоѳѣевъ, какъ мы сказали, былъ добрый мальчикъ; очень хорошій отзывъ объ немъ дали и учителя Семинаріи, когда онъ уже былъ пойманъ. Тимоѳѣевъ, какъ увидимъ, не желалъ украсть лошадь своего благодѣтеля, а только хотѣлъ уѣхать на ней подальше — и отпустить ее, въ полной увѣренности, что она сама прибѣжитъ домой. Соображенія конечно ребяческія.

Вслѣдствіе доношенія священника Ѳедорова, Консисторія сдѣлала слѣдующее постановленіе: „онаго семинариста, съ описаніемъ роста и примѣтъ (Тимоѳѣевъ оказался: отъ роду 14 лѣтъ, росту не великъ, мало-рябъ, волосы бѣлы, глаза сѣры), заковавъ въ желѣзо, отдать подъ караулъ, находящимся въ оной Консисторіи на караулѣ подпрапорщику Степану Лапшину и сторожу Димитріеву, да разсыльщикамъ Власову и Быстрицкому подъ роспискою“. И вотъ мальчикъ Тимоѳѣевъ опять сидитъ въ кандалахъ, но уже не въ Семинаріи, гдѣ онъ пользовался семинарскимъ коштомъ, а въ Консисторіи, гдѣ долженъ самъ себя содержать, т. е. вдосталь разорять бѣдную вдову, свою несчастную мать!...

Немедля ему сдѣланъ былъ допросъ въ Консисторіи. Тимоѳѣевъ, кромѣ того, что уже намъ извѣстно, показалъ слѣдующее: „а потомъ, по приказу онаго учителя (Субботинскаго), отъ тѣхъ желѣзъ замокъ сняли, а тѣ желѣза завязавъ веревкою на ногахъ моихъ оставили и я, утаясь отъ караульнаго семинариста, изъ Семинаріи бѣжалъ. И пришедъ на дворъ священника Якова тайнымъ образомъ скрылся въ сѣнницу и лежалъ весь день. А съ ночи я усмотрѣлъ у рѣченнаго попа на дворѣ лошадь и тую лошадь обратавъ,

взялъ, и тайнымъ образомъ отперши у воротъ калитку, оную лошадь со двора свелъ, и, одинъ на ней, поѣхалъ изъ города чрезъ рѣку Клязьму. А намѣренъ былъ я на той лошади ѣхать къ дядѣ своему родному Владимірскаго уѣзда, села Палищъ, священнику Степану Кононову, и побывъ у него, оную лошадь къ попу Якову пустить обратно". Тимоѳѣевъ перебравшись черезъ Клязьму, не останавливаясь проскакалъ 15 верстъ до деревни Новой (*). Утомленный и голодный, онъ лошадь пустилъ близъ лѣсу на траву, а самъ пошелъ въ деревню „для прошенія къ пропитанію себя милостыни". Къ вечеру, съ набранными кусками хлѣба, онъ возвратился къ своей лошади и, боясь волковъ, не осмѣлился уснуть на травѣ, а уснулъ на лошади. Не крѣпко спалось въ темномъ лѣсу Тимоѳѣеву... Его разстроенному и напуганному воображенію представлялось многое... То онъ гоститъ у дяди своего, то преслѣдуютъ его волки, то онъ опять въ Семинаріи сидитъ на цѣпи... Чуть только стало свѣтать,—онъ поѣхалъ далѣе и доѣхалъ до деревни Моругиной, и здѣсь такимъ-же образомъ на спинѣ лошади ночевалъ. Боялся Тимоѳѣевъ показаться въ эту деревню, а между тѣмъ у него оставался одинъ только кусокъ чернаго хлѣба и стала томить жажда. Поэтому онъ рѣшился какъ можно скорѣе доѣхать до села Полищъ, гдѣ ему предстоялъ покой и свобода у дяди священника. Вотъ уже оставалось не далеко до Полищъ,—до цѣли, которую онъ преслѣдовалъ съ такою сильною энергіей. Но передъ Полищъ лежала деревня Гришинская. Тимоѳѣевъ, не рисковавшій прежде казаться въ селахъ и деревняхъ на лошади, теперь, отуманенный близкою радостью, рѣшился проѣхать этой деревней и за эту опрометчивость поплатился очень дорого. Крестьяне, увидѣвъ на лошади оборваннаго неизвѣстнаго человѣка, тотчасъ хотѣли остановить и допросить его. Тимоѳѣевъ поскакалъ отъ нихъ,

(*) Всѣ эти подробности мы заимствуемъ изъ показаній самого Тимоѳѣева; но не желая утомить вниманіе читателей передаемъ ихъ своими словами.

но былъ настигнутъ. Теперь крестьяне естественно посмотрѣли на него какъ на конокрада, и не хотѣли слушать никакихъ объясненій, не рѣшались даже, по его просьбѣ, привести его въ село Полищъ къ дядѣ, а тотчасъ, связавъ накрѣпко руки веревками, представили во Владиміръ къ священнику Якову. Священникъ Яковъ, не смотря на молодость Тимоѳѣева, на прежнюю дружбу съ отцемъ его и зная, какая жестокая судьба и крутая расправа ожидаетъ семинариста за такой поступокъ, представилъ его въ Консисторію для производства слѣдствія формальнаго.

Въ заключеніе допроса Тимоѳѣевъ сказалъ, что онъ „другихъ кражъ и татей никакихъ нечинивалъ и ни за кѣмъ не знаетъ и въ штрафахъ и въ публичныхъ наказаніяхъ ни гдѣ не бывалъ и въ семъ допросѣ показалъ сущую правду“. Послѣднее подтвердило и семинарское начальство, сказавъ: „кромѣ побѣга, за Тимоѳѣевымъ никакихъ дѣлъ и подозрительствъ не имѣется“. По отобраніи этихъ данныхъ, Консисторія приступила къ обсужденію проступковъ Тимоѳѣева. Относительно его побѣга она руководствовалась слѣдующимъ: (*) „въ духовномъ регламентѣ на листу 23 въ пунктѣ 9 между прочимъ напечатано: а который бы ученикъ былъ крайне тупъ, или хотя остроуменъ, да развращенъ, и упрямъ, и непобѣдимой лѣности, таковыхъ-бы, по довольномъ искушеніи, отпускать-бы отъ школы и отнять всю надежду чина священническаго. Да въ указахъ 1708, 1710 годѣхъ написано: которые въ школахъ учиться не хотятъ, тѣхъ ни въ какіе чины, опричь солдатскаго чина, непренимать. Да въ указѣ 1755 года, присланномъ изъ Св. Сvнода о разборѣ священно-церковно-служительскихъ дѣтей, напечатано: а лишнихъ (негодныхъ) по желанію ихъ писать въ службу въ посады, въ цѣхи, на фабрики и къ помѣщикамъ, кто ихъ изъ подушнаго оклада взять пожелаетъ... Такимъ образомъ Ти-

(*) Мы позволяемъ себѣ здѣсь сдѣлать подробную выписку изъ указовъ; потому, что, кромѣ настоящаго случая это намъ будетъ необходимо знать и въ слѣдующихъ.

моѳѣевъ собственно за побѣгъ долженъ былъ попасть или въ солдаты, или въ крѣпостные и т. д... Но на немъ было еще другое тяжкое преступленіе: онъ былъ признанъ за вора. Относительно сего Консисторія руководствовалась 25 глав. 9 пункт. „Сборнаго Уложенія“: а приведутъ татя, а наведутъ на него татьбу и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и убивствѣ; да буде съ пытки въ иныхъ татьбахъ и убивствѣ не повинится, а скажетъ, что онъ кралъ впервые, а убивства не учинилъ и того татя за первую татьбу бить кнутомъ и отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить его въ тюрьму на два года, и изъ тюрьмы вынимая его посылать въ кандалахъ работать на всякія издѣлія, гдѣ Государь укажетъ. А какъ онъ два года въ тюрьмѣ отсидитъ и его посылать въ украйные города, гдѣ Государь укажетъ и велѣть ему въ украйныхъ городѣхъ быть въ какой чинъ онъ пригодится“. Для исполненія такого опредѣленія, Консисторія препроводила четырнадцати-лѣтняго семинариста въ провинціальную канцелярію; и былъ онъ на пыткѣ, и былъ онъ высѣченъ кнутомъ и наконецъ лишился лѣваго уха!

Дорого поплатился Темоѳѣевъ за свое бѣгство, сильно онъ былъ наказанъ. Но это не задержало несчастныхъ семинаристовъ совершать побѣги, побѣги еще болѣе рискованные.

Былъ Январь мѣсяцъ 1760 года; морозы стояли крѣпкіе. Для взятія ставленной грамоты, 25 Января пріѣхалъ во Владиміръ священникъ города Арзамаза Кресто-Воздвиженской церкви Иванъ Петровъ Дубровскій(*); 25 числа онъ поспѣшилъ увидаться съ сыномъ своимъ Николаемъ, ученикомъ школы инфимы. Не по сердцу пришлись Дубровскому холодъ и голодъ, латинскій діалектъ, да частыя истязанія. Вскорѣ послѣ святокъ, Семинарское начальство предполагая въ немъ хорошія способности и вмѣстѣ видя въ немъ крайнюю неохоту къ ученію, рѣшилось прибѣгнуть къ энергическому

(*) Весь этотъ разсказъ заимствуемъ изъ дѣла за № 2185, 1760 г. «оыскѣ бѣжавшаго изъ Семинаріи ученика Николая Дубровскаго сына городской Арзамазской церкви священника Ивана Петрова.

сѣченію; „дабы и другимъ, глядя на сіи истязанія, лѣниться было неповадно“. Предъ самымъ пріѣздомъ отца, Дубровскій высѣченъ былъ крѣпко, при чемъ обѣщано было учащеніе и усиленіе экзекуцій. При свиданіи съ отцемъ, Дубровскій со слезами описывалъ горькое житья Семинарское. Не могъ утѣшить его отецъ ни домашними гостинцами, ни умными рѣчами, ни надеждою на скорое свиданіе. Инеимистъ настоялъ на своемъ,—уговорилъ отца идти къ ректору и умолять, чтобы онъ уволилъ не надолго домой по болѣзни сына.... Боясь обратиться къ ректору съ такой просьбой, но и не имѣя силъ отказать въ просьбѣ своему сыну, священникъ, скрѣпя сердце, рѣшился обезпокоитъ администратора Амвросія и былъ имъ тотчасъ-же прогнанъ. Въ этотъ-же день 25 Января вечеромъ о. Иванъ, наплакавшись вдоволь съ своимъ сыномъ, уѣхалъ въ Арзамазъ. На другой день, 26 Января, Николая Дубровскаго уже не оказалось въ Семинаріи.... „Сего 26 Января, рапортуетъ въ Семинарскую контору учитель Иванъ Ивановъ Николаевскій, ученикъ школы инеимы невѣдомо куда отлучился и по сіе—30 число—неявляется“.

Дѣло тотчасъ было передано въ Консисторію, которая немедленно дала знать о побѣгѣ Дубровскаго въ Арзамазское духовное управленіе, отцу бѣглеца и его родственникамъ, „чтобы ими, какъ только явится Дубровскій въ Арзамазъ, былъ отправленъ подъ крѣпкимъ карауломъ“. Прошелъ и мѣсяцъ Февраль, а о Дубровскомъ нѣтъ ни слуху ни духу. Отъ Владиміра до Арзамаза весьма значительное разстояніе; мудреное дѣло мальчику, неимѣющему ни теплой одежды, ни денегъ дойти до родины въ трескучіе январскіе морозы.

Естественно было-бы предположить и то, что онъ погибъ отъ мороза, или волковъ; а такъ какъ о бѣглецѣ дано было знать въ провинціальную канцелярію съ описаніемъ примѣтъ, а между тѣмъ таковаго не обрѣталось между погибшими, то и предположили, что Дубровскій (сверхъ чаянія) добрался до родины и скрывается у

своего отца. По этому въ концѣ Февраля въ Арзамазъ отправленъ былъ Консисторскій приставъ Иванъ Богородскій допросить отца о сынѣ и обыскать его домъ. Приставъ, получивъ прогонныя деньги, угощеніе и подарокъ отъ священника, увѣдомилъ доношеніемъ Консисторію, что Дубровскаго нѣтъ въ Арзамазѣ.

Горько оплакивалъ несчастный отецъ судьбу своего загнаннаго сына; онъ уже считалъ его умершимъ; но, убитый такою тяжелою мыслію, онъ долженъ былъ испытать другое горе. Ему угрожала опасность поплатиться за побѣгъ сына своимъ достояніемъ, свободой и даже саномъ.

Были два недоброжелателя священника Дубровскаго: канцеляристъ Арзамазскаго духовнаго Правленія, который былъ недоволенъ „приношеніями" о. Ивана и его діаконъ, который радъ былъ оклеветать священника, чтобы занять его мѣсто. И вотъ они согласились сдѣлать ложный доносъ на него въ Консисторію, увѣряя, что бѣглый семинаристъ живетъ у отца своего. Получивъ такой доносъ, администраторъ—ректоръ Амвросій сильно огорчился, и, пославъ къ священнику два указа о немедленной присылкѣ въ Семинарію сына, и, конечно не получивъ удовлетворенія, приказалъ: „для надлежащаго съ нимъ (священникомъ) разсмотрѣнія выслать его самого въ Консисторію за карауломъ, непріемля отъ него никакихъ отговоровъ и извиненій, въ немедленномъ времени". Бѣдный священникъ, забравъ всѣ свои деньги и, отдавшись подъ караулъ, отправился въ Консисторію. Тяжело было отцу Ивану „ни душой, ни тѣломъ невиновному" сидѣть безвыходно, какъ арестанту, въ Консисторіи; но ему еще невыностнѣе было то, что Консисторія не разубѣдилась въ своемъ подозрѣніи и грозила „за утайку сына" лишить его мѣста. Вотъ уже три съ половиною мѣсяца томится въ заточеніи священникъ Дубровскій. При всей возможной экономіи, средства содержанія у него окончательно истощились; дѣло приходило къ тому, что нечего было ѣсть. Приближался праздникъ Рождества Христова и онъ наконецъ осмѣлился подать въ Кон-

систорію „слезное прошеніе“: содержуся я именованный при духовной Консисторіи съ Сентября мѣсяца; и какъ въ пропитаніи, такъ и въ одеждѣ претерпѣваю великую нужду. А понеже нынѣ настуваютъ праздники Рождества Христова и Богоявленія и надлежитъ мнѣ для исправленія божественнаго богослуженія быть при своей церкви, того ради слезно прошу меня именованнаго отпустить хотя съ порукою, въ домъ свой“. Просьба была исполнена....

Такъ много пострадалъ священникъ за своего сына! Но трудно и вообразить, какія невзгоды долженъ былъ перенести его сынъ Николай Дубровскій; трудно понять ту силу воли и крѣпость организма, которыми владѣлъ ученикъ инфимы. Убѣжавши 25 Января 1760 г. онъ явился къ отцу въ Ноябрѣ 1761 г.; годъ и одиннадцать мѣсяцевъ скитался онъ! Еще можетъ быть, онъ дольше странствовалъ-бы, но уже вѣсть о его побѣгѣ и о томъ, какъ изъ за этого страдалъ его отецъ, прошла по всей епархіи и ему больше укрываться было невозможно. По этому, по необходимости, явился онъ въ Арзамаское духовное Правленіе, а оттуда тотчасъ, подъ карауломъ, препровожденъ былъ въ Консисторію, которая при данномъ ею допросѣ естественно поставила слѣдующіе главные пункты: „Каковымъ онъ Дубровскій случаемъ и отъ чего бѣжалъ? И гдѣ по побѣгѣ жилъ, ночевалъ и пропитаніе, одежду и обувь получалъ? А паче не былъ-ли онъ на воровскихъ и разбойническихъ дѣлахъ“?

Ночью 26 Января 1760 г. Дубровскій побѣгъ изъ Семинаріи безъ всякаго опредѣленнаго плана и прибѣжалъ въ село Сновицы, отстоящее въ трехъ верстахъ отъ Владиміра. Въ Сновицы онъ бѣжалъ по едва проходимымъ оврагамъ и сугробамъ, незная хорошенько дороги. Онъ только и зналъ, что Сновицы одно изъ ближайшихъ селъ ко Владиміру, а въ какой сторонѣ это село отъ Владиміра, и какія села слѣдуютъ дальше и куда ему направить путь,—все это для него было въ полномъ смыслѣ terra incognita. Онъ былъ родомъ изъ отдаленнѣйшаго уѣзда Арзамаскаго, содер-

жался въ Семинаріи около года безвыходно и потому, очевидно, не могъ знать географіи Владимірской губерніи. „А въ томъ селѣ (Сновицахъ), говоритъ Дубровскій, былъ я съ недѣлю, а пропитаніе собиралъ я себѣ у крестьянъ милостынею; и ночевать выпрашивался въ разные крестьянскіе домы, называя себя сиротою. „Вѣсть о побѣгѣ Семинариста пришла и въ Сновицы, и когда въ „сиротѣ“ заподозрѣли бѣглеца—Дубровскій отправился далѣе. „А въ какихъ селахъ и деревняхъ я перебывалъ не упомню“. Да и возможно-ли упомнить, когда онъ странствовалъ слишкомъ годъ! Часто Дубровскому отказывали въ кускѣ хлѣба, а еще чаще боялись крестьяне пустить неизвѣстнаго человѣка ночевать; въ такомъ случаѣ Дубровскій, скрѣпя сердце, отправлялся въ отдаленнѣйшее отъ села гумно, и, забившись въ солому, проводилъ долгую зимнюю ночь. „А инде и ночевать не пускали; и я уходилъ, говоритъ Дубровскій, тайнымъ образомъ въ гумно и переночевывалъ въ соломѣ“. А „одежда была на мнѣ шуба и кафтанъ, также и рубашка домашняя“. Скоро износилась у него обувь, но и въ этой бѣдѣ помогали сердобольные крестьяне; „а обувь—лапти и онучу—выпрашивалъ я за имя Христово“.... Пробѣгавъ почти восемь мѣсяцевъ, Дубровскій уже былъ въ Тамбовской губерніи, въ Шацкомъ уѣздѣ. Предполагая, что вѣсти о его побѣгѣ не дойдутъ такъ далеко, и зная, что въ городѣ К....(*) у него есть родственникъ, онъ отправился искать „дѣда своего, посадскаго человѣча Ѳедора Яковлева Сорокина, и у него Сорокина въ домѣ жилъ недѣль съ десять, несказывая, что бѣжалъ изъ Семинаріи“. А потомъ, говоритъ Дубровскій, „какъ оный дѣдъ мой чрезъ кого-то провѣдалъ, то, взявъ меня Дубровскаго, отвезъ въ городъ Арзамазъ и отдалъ отцу, а отецъ мой, ни мало не держа, отвезъ меня въ духовное Правленіе и объявилъ присутствующимъ, почему присутствующіе и выслали меня во Владиміръ. А будучи я Дубровскій въ показанной отлучкѣ никаковыхъ непотребствъ и шалостей нечинивалъ и

(*) Названіе этого города мы не могли разобрать въ дѣлѣ.

ни въ какихъ разбойническихъ станахъ и на разбояхъ и татьбахъ ни гдѣ не бывалъ, и съ воровскими людьми кампаній не имѣлъ, и ни гдѣ въ судебныхъ мѣстахъ и въ тюрьмахъ, и въ канцеляріяхъ подъ карауломъ несиживалъ, и въ страхахъ и въ наказаніяхъ ни гдѣ не бывалъ; и въ семъ допросѣ я Дубровскій сказалъ сущую правду, а ежели что ложно, и отъ того буду изобличенъ и за то подвергаю себя таковому штрафу и истязанію, что отъ его преосвященства будетъ опредѣлено".

За побѣгъ Дубровскому предстояло два наказанія: или исключеніе изъ духовнаго званія, или обратное принятіе въ Семинарію. Консисторія рѣшилась на послѣднее, иначе бѣглецовъ было-бы многое множество; рѣдкій-бы не воспользовался случаемъ убѣжать изъ Семинаріи, если-бы увѣренъ былъ, что за это предстоитъ непремѣнно исключеніе. Семинарское начальство, руководясь тѣмъ правиломъ, что за лѣность надо наказывать какъ можно строже,—„дабы и другимъ смотря на сіе такъ лѣниться было не повадно",—рѣшилось употребить всѣ мѣры строгости, и, конечно, Дубровскому жить стало „всячески невозможно".

При самомъ началѣ открытія Владимірской Семинаріи въ 1750 г. былъ принятъ въ Семинарію сынъ священника Арзамазскаго уѣзда, села Горей, Михаилъ Гусевъ(*). Онъ былъ уже въ лѣтахъ,—20 лѣтъ. Тяжело было ему переносить Семинарскую неволю и частые побои; „а еще невыноснѣе для него была наука латинскаго діалекта". Проучившись два года, Гусевъ въ 1752 году бѣжалъ, вполнѣ надѣясь, что за побѣгъ ему предстоитъ неминуемое исключеніе, чего онъ ждалъ и добивался какъ высочайшаго для себя блага. Но и послѣ двухкратнаго побѣга его не исключили, а только усиливали въ отношеніи къ нему строгія мѣры.... Въ 1754 г.

(*) Весь этотъ разсказъ заимствуемъ изъ дѣла № 981, 1755 г. «По словесному объясненію Владимірской Семинаріи студента Михаила Павлова Гусева «слова и дѣла Государева».

когда ему миновало уже 24 года, и онъ рѣшился обратиться къ ректору архимандриту Товію съ просьбою исключиться, ссылаясь на указъ Св. Сѵнода 1721 г., въ которомъ сказано: „а ежели кто изъ церковническихъ дѣтей явятся нерадивы и лѣностны, тѣмъ, яко самимъ о себѣ нерадящимъ, лишивъ всего священнаго чина и церковнаго причта надежду, включить въ подушный окладъ“. Хотя Гусевъ уже многократно и яснымъ образомъ доказалъ свою нерадивость и лѣность, но Семинарское начальство, руководствуясь семнадцатымъ пунктомъ регламента, отказало въ просьбѣ Гусеву; ибо тамъ сказано: „чтобы который ученикъ не притворялъ въ себѣ тупости, желая отпуску въ домъ,—искушеніе ему на цѣлый годъ положить; и можетъ умный учитель примыслить способы искушенія таковыя, яковыхъ онъ познать и ухитрить не дознается“.

Когда Гусевъ увидѣлъ, что за лѣность и побѣги его не исключаютъ, и только все болѣе и болѣе измышляютъ способы искушенія,—все чаще и сильнѣе его наказываютъ, онъ прибѣгнулъ къ озорству: то напивался пьянымъ и расхаживалъ съ дубиной по за Ивановскому мосту(*), то билъ товарищей и воровалъ у нихъ вещи(**). Озорничалъ онъ не по влеченію испорченности натуры; онъ напримѣръ, одинъ разъ укралъ вещи у товарища, и потомъ самъ же добровольно возвратилъ ихъ; озорничалъ онъ, преслѣдуя одну цѣль, чтобы его исключили изъ Семинаріи(***), чтобы его наконецъ отдали въ солдаты. Въ Апрѣлѣ 1754 г. онъ опять обращался съ просьбой объ исключеніи, приводя 18 пункъ регламента, гдѣ сказано: „буде окажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый и до драки скорый, клеветникъ, непокорный, и буде чрезъ годовое

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло № 314, 1750 г. «объ учиненіи побой Владимірскимъ купцамъ архимандритомъ Павломъ».

(**) См. арх. дух. Консистор. дѣло № 1311, «по доношенію Владимірской Семинарской школы синтаксимы отъ ученика Степана Вишневскаго о покражѣ изъ ларца денегъ и прочаго скарба, и дѣло № 678, 1752 г. по доношенію пѣвческаго учителя Трофимова, о покражѣ казеннаго Семинарскаго платья»

(***) См. арх. дух. Консистор. дѣло № 314, 1750 г.

время, ни увѣщаніями, ни жестокими наказаніями одолѣть его невозможно, хотябъ и остроуменъ былъ, высылать изъ академіи, чтобъ бѣшеному меча не давать". Представивши это основаніе, Гусевъ умолялъ ректора отдать его въ солдаты; „жить мнѣ въ Семинаріи стало всячески невозможно", говорилъ онъ....

Потому-ли что Семинарское начальство видѣло большія способности въ Гусевѣ, или вѣроятнѣе, ему хотѣлось примыслить какія либо особенныя способы искушенія, „яковыхъ Гусевъ познать и ухитрить недознался-бы", рѣшилось Гусеву отказать и въ этой просьбѣ, рѣшилось сдѣлать Гусева пробнымъ камнемъ жестокой Семинарской педагогики; но и этотъ кремень не выдержалъ.

Въ 1755 г. Гусевъ былъ двадцати-пяти лѣтній мужъ, а конца его ученью—мученью не видѣлось. На него напала невыносимая грусть и онъ задумалъ прибѣгнуть, „ради отбытія изъ Семинаріи", къ страшному средству.

„Въ 1755 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ небытность присутствующихъ, взошолъ онъ въ присутственную комнату при правящемъ секретарскую должность канцеляристѣ Дмитріѣ Сергіевскомъ и при дневальномъ капралѣ Михаилѣ Кріулкинѣ" и сказалъ: „имѣю я за собою слово и дѣло Государево"(*)! Тотчасъ составлено объ этомъ заявленіе, которое Гусевъ подтвердилъ своимъ подписомъ. Гусева сковали и отдали подъ крѣпкій караулъ(**). На другой

(*) Кто незнаетъ что за страшная вещь была во время оно «слово и дѣло Государево»! Если на человѣка, иногда совершенно невиннаго, показывали «слово и дѣло Государево», т. е. обвиняли въ измѣнѣ Государю, то, неминуемо, онъ долженъ быть отправляемъ скованный въ Москву въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и тамъ переносить пытки, въ доказательство своей нивинности. Въ свою очередь и оклеветавшій въ измѣнѣ Государю, хотя даже въ пьяномъ видѣ, и безсознательно сказавшій «слово и дѣло» на другаго, подвергался сильнѣйшимъ истязаніямъ.

(**) При дух. Консистор. въ то время была своя собственная команда солдатъ и разсыльщиковъ, надъ которыми начальствовалъ офицеръ; она была въ полномъ распоряженіи и зависимости отъ Консисторіи, и за неисправности съ нимъ поступали иногда очень круто.

день составилось опредѣленіе: „онаго *колодника* Гусева отослать во Владимірскую провинціальную канцелярію“.

Сильно перепугались члены Консисторіи и Семинарскаго Правленія и учителя Семинаріи; всякій со страхомъ задавался вопросомъ: на кого Гусевъ покажетъ „слово и дѣло“? Кому придется ѣхать за карауломъ въ Москву и явиться на допросъ въ наводящую на всѣхъ ужасъ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ?.... Изъ провинціальной канцеляріи Гусева повезли въ Москву въ тайную съ прогонами ему и караульному 1 р. 98¼ коп.(*)

Здѣсь на допросѣ онъ сказалъ:

„Отъ роду мнѣ, Михаилу Гусеву 25 лѣтъ. Въ 1750 г. отданъ я Михайло въ Семинарію для обученія латинскаго діалекта, въ коей Семинаріи я находился до бытности въ оной префекта іеромонаха Гервасія. Въ бытность же его, по несноснымъ отъ него нападкамъ, жить мнѣ стало всячески невозможно. Въ 1754 году по непонятливости той латинской науки и отъ нестерпимыхъ побой я нижайшій бѣжалъ. А сего 1755 года, явясь къ Семинаріи ректору Товіи, просилъ его, чтобы за непонятливостію и за проступки отослали-бы меня въ военную службу, вѣдая, что таковымъ непонятнымъ ученикамъ произвожденіе во священные чины небываетъ. И нынѣ я Михайло въ военной службѣ неотъемлемое желаніе быть имѣю. А того слова и дѣла Государевá за мной Михайломъ и за другими ни за кѣмъ не имѣю, а объявилъ я то слово и дѣло, нехотя быть при Владимірской Семинаріи въ студентахъ“.

Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при опредѣленіи наказанія Гусеву руководилась слѣдующимъ законоположеніемъ: „за ложное за собою слово и дѣло сказываніе какъ боярскимъ, такъ и посадскимъ людямъ чинить жестокое наказаніе, вмѣсто кнута, бить плетьми нещадно, а помѣщиковыхъ людей и крестьянъ, ежели ихъ помѣщикъ пожелаетъ, отдавать помѣщикамъ, а посадскихъ въ сло-

(*) Прогонныя деньги впослѣдствіи были взяты съ отца его.

боды, а кнутомъ не бить, изъ нихъ годныхъ писать въ службу зачитая въ рекруты, а негодныхъ ссылать въ Сибирь и Оренбургъ, а съ прочими поступать по выданному въ 1730 г. указу(*).

И дѣйствительно, такъ какъ Гусевъ объявилъ рѣшительное желаніе идти въ солдаты и былъ годенъ въ военую службу, то его „точію",—какъ послѣ Гусевъ самъ говорилъ—били жестоко плетьми и отослали подъ караулъ во Владимірскую Консисторію до окончательнаго рѣшенія его участи. И вотъ, потерпѣвъ такое жестокое наказаніе, Гусевъ всетаки не добился желанной свободы. Просидѣлъ онъ подъ карауломъ Консисторскимъ шесть мѣсяцевъ. Несчастный отецъ на содержаніе его отдавалъ свои послѣднія крохи, но и онъ скоро, съ горя и кручины великихъ умеръ!... Гусевъ пришелъ въ отчаяніе и, Богъ знаетъ, чтобы съ нимъ случилось, если-бы не взялъ его къ себѣ на поруки братъ его „поповъ сынъ" Иванъ Павловъ.

Долго Гусевъ тяготился и томился неопредѣленнымъ положеніемъ. Наконецъ 13 Февраля 1758 года, когда уже ему было 28 лѣтъ, состоялось опредѣленіе Консисторіи: „онаго Михаила Павлова сына Гусева, хотя-бы въ военную службу его самовольнаго не было желанія, однакожъ, яко за вышеписанные, его изъ Семинаріи отлученія, отбывательство и ложное за собою слово и дѣло сказываніе онъ Гусевъ, по силѣ духовнаго регламента и состоящихся въ 1722 и 1742 г. указовъ, къ отсылкѣ въ военную службу подлежателенъ".

(*) Въ 1730 г. по публикованному указу, между прочимъ, о людяхъ боярскихъ велѣно: такихъ неспокойныхъ, ежели котораго помѣщикъ взять похощетъ, бивъ кнутомъ-же отдавать помѣщику, а буде помѣщикъ взять его не похощетъ, а онъ въ службу годенъ, то, учиня наказаніе плетьми, написать въ солдаты и зачесть въ рекрута; а ежели онъ въ службу не годенъ, а помѣщикъ потомужъ взять его не похощетъ, таковыхъ, бивъ кнутомъ и вырезавъ ноздри, сослать въ Сибирь на серебряныя заводы въ вѣчную работу».

Эти указы мы выписываемъ изъ самаго слѣдствія, произведеннаго надъ Михаиломъ Гусевымъ. Арх. дух. Консистор. дѣло № 981, 1755 г.

И такъ Гусевъ добился наконецъ своей желанной цѣли — попалъ изъ студентовъ грамматики въ солдаты!....

Такая трагическая развязка, такое жестокое сѣченіе плетьми, по видимому, должны были-бы произвести весьма назидательное дѣйствіе на „немогущихъ выносить тяжести Семинарской жизни"; но выходило на оборотъ. Высѣкутъ хоть плетьми, но за то одинъ разъ, а потомъ уже будешь свободенъ отъ Семинаріи, разсуждали нѣкоторые студенты. И очень часто они, „ради отбытія латинской мудрости и невыносимыхъ побой" прибѣгали къ ложному сказыванію слова и дѣла. Въ томъ-же, 1755 г., кромѣ Гусева, и съ тою-же цѣлію ложно сказали слово и дѣло еще трое(*). И въ слѣдующіе годы, покрайнѣй мѣрѣ, въ первые пятнадцать лѣтъ, по учрежденіи Семинаріи, такія драмы повторялись часто.

Въ 1759 году 28 Декабря, въ четвертый день праздника Рождества Христова, пришелъ изъ города на Семинарскій монастырь ученикъ Гурій Снѣгиревъ. Онъ былъ такъ-же изъ числа загнанныхъ и не уживчивыхъ людей. Пришелъ онъ въ Семинарію выпивши; и поспоривъ съ товарищемъ своимъ Николаемъ Дубровскимъ, „не будучи его командиромъ далъ таску". Обиженный пошелъ жаловаться къ учителю Сергѣю Воронову. Учитель, ударивъ нѣсколько разъ Снѣгирева, хотѣлъ его, не взирая на такой великій праздникъ, не обращая вниманія на нетрезвое состояніе, высѣчь и посадить на цѣпь. Учитель Вороновъ не задолго предъ этимъ наказывалъ жестоко Снѣгирева..... И вотъ теперь пьяный ученикъ захотѣлъ отбыть жестокаго наказанія и рѣшился привести въ исполненіе давно задуманный планъ, чтобы, по примѣру своихъ товарищей „навсегда отбыть изъ Семинаріи". Въ ту минуту какъ учитель приступилъ было къ наказанію, ученикъ оттолкнулъ его и закричалъ: „я имѣю слово и дѣло Государево"! Сказавъ это, онъ

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло № 281, 1755 г. «объявленіе студентомъ Семинаріи слова и дѣла Государева» и дѣло № 988, 1755 г. «о сказаніи слова и дѣла Государева поповскимъ сыномъ»; и дѣло № 2218, 1755 г. «о произнесеніи слова и дѣла пѣвчимъ».

уже свободенъ былъ отъ всякаго наказанія.... Учителю Воронову, поблѣднѣвшему отъ досады и страха, оставалось одно—тотчасъ-же составить о семъ письменное заявленіе и представить въ Консисторію ученика. „За кѣмъ ты имѣешь слово и дѣло, спросилъ онъ Снѣгирева?—Это моя тайна, отвѣчалъ послѣдній“. По случаю такого важнаго дѣла, въ этотъ-же день собралось экстренное засѣданіе членовъ Консисторіи.

На допросѣ Снѣгиревъ сказалъ: „Семинаріи учитель не за пьянство и прочія погрѣшности, какъ объявляетъ оный учитель въ доношеніи, а токмо, что я именованный подралъ за волосы ученика Николая Дубровскаго, хотѣлъ меня наказывать, и тогда я ни засобой ни за кѣмъ другимъ слова и дѣла Государѣва не имѣлъ, а только оттолкнувъ его учителя, объявилъ ему я, что наказывать себя недамъ, — и съ тѣми словали изъ келіи отъ онаго учителя ушелъ, а болѣе не только слова и дѣла, но и никакихъ словъ не говаривалъ“.

Вслѣдствіе такого неожиданнаго показанія, Консисторія сдѣлала очную ставку и учителю и ученику. Тотъ и другой оставались при прежнихъ показаніяхъ. Конечно, члены Консисторія ясно видѣли, что ученикъ былъ пьянъ; ясно понимали, что учитель не станетъ возводить на ученика такую страшную клевету, но такъ какъ прямыхъ юридическихъ доказательствъ не было въ пользу того, что показаніе учителя не сомнѣнно, то по этому было постановлено: „колодника отослать за крѣпкимъ карауломъ въ провинціальную канцелярію, съ промеморіей, а учителя, до совершеннаго окончанія дѣла,—которое легко могло тянуться больше года, тѣмъ болѣе, что семинариста необходимо было вести въ Москву въ розыскную тайныхъ дѣлъ канцелярію, — держать подъ карауломъ безъ выпуску въ Консисторіи и, конечно, на его-же иждивеніи“.

Въ провинціальной канцеляріи Снѣгиревъ однако сознался: „сказалъ я слово и дѣло Государево совершенно отъ пьянства, хотя отъ наказанія избыть, а подлинно я ни за учителемъ Вороновымъ,

ни за кѣмъ другимъ не имѣю. Провинціальная канцелярія отправила его въ Москву; канцелярія-же тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которая, руководясь уже высказанными основаніями, положила наказаніе: „бить вмѣсто кнута плетьми, а по учиненіи таковаго наказанія, отослать обратно въ Консисторію". Только въ концѣ Февраля прибылъ въ Консисторію колодникъ Снѣгиревъ, и только тогда, т. е. спустя три мѣсяца, освободили учителя Воронова. Снѣгиревъ вскорѣ подалъ прошеніе на имя преосвященнаго: „понеже я публично былъ наказанъ точію плетьми и къ духовному чину не могу быть причисленъ, то слезно прошу уволить меня для приписки въ крестьянство".

Послѣ всего этаго понятно, что для духовенства, того времени, Семинарія была такое-же тяжелое бремя, какъ для крестьянъ солдатчина.

Вслушайтесь, какъ горько плачетъ дьячекъ, принужденный отдать своихъ дѣтей въ Семинарію:

„Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, соберитеся сюда.
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
И въ проклятую Семинарію на муку сбираютъ.
О, мои дѣтушки сердечные,
Не на ученье васъ берутъ, но на мученье безконечное.
Лучше вамъ неродиться на сей свѣтъ, а хотя родиться,
Тогожъ часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться.
О, мои милые дѣтушки!
И бѣлые лебедушки!
Лучшебъ васъ своими руками въ землю закопалъ
Нежели въ Семинарію на муку отдалъ!
Прощайте мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ невидать,
И съ вами никогда неживать (*)".

(*) См. Наука и Лит. въ Россіи при Петрѣ I. Пекарскаго. Т. I, стр. 454. Хотя эти стихи написаны въ смыслѣ ироніи, но въ нихъ совершенно вѣрно изображено горе.

ГЛАВА IX.

«Епископъ Павелъ и ректоръ Аврамій. Ихъ дѣятельность. Скудость средствъ къ содержанію Семинаріи. Положеніе учителей. Учителя: іеромонахъ Моисей и діаконъ Степановъ. Епископъ Іеронимъ. Закрѣпленіе за семинаристами діаконскихъ и дьяческихъ мѣстъ. Улучшеніе содержанія Семинаріи. Перемѣна во взглядѣ на воспитаніе. Ссора учителя Грязевскаго съ ученикомъ Левитскимъ. Взглядъ на это дѣло начальства».

Въ 1762 году архіепископъ Антоній по прошенію уволенъ былъ обратно въ Грузію и на мѣсто его прибылъ во Владиміръ епископъ Павелъ. Онъ былъ родомъ великороссіянинъ; окончилъ свое образованіе въ Московской Славяно-греко-латинской академіи (*). Видно, что епископъ Павелъ, при содѣйствіи ректора Аврамія, желалъ много добраго сдѣлать для Семинаріи: онъ тотчасъ-же по пріѣздѣ озаботился улучшить бытъ семинаристовъ. „Видя что покои для учениковъ всячески тѣсны", онъ приказалъ сдѣлать еще новыя постройки; далѣе „видя скудость Семинарскую", для лучшихъ учениковъ приказалъ выдавать изъ суммъ архіерейскаго дома по временамъ жалованье(**). Къ этому доброму пастырю обращались съ просьбами нетолько бѣдные ученики, но не рѣдко, въ случаѣ нужды, и учителя Семинаріи. Часто случалось, что епископъ Павелъ „доводилъ до скудости" свои доходы, раздавая деньги бѣднымъ семинаристамъ; но и въ такомъ случаѣ онъ не могъ отказывать въ помощи учителямъ Семинаріи въ ихъ крайнемъ положеніи; имъ выдавалось въ пособіе мука, крупа и т. п.(***) Какъ однако ни трудились для пользы Семинаріи преосвященный Павелъ

(*) См. «Церковно-Историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей», соч. магистра іеромонаха Іоасафа.

(**) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1765 г. № 3758, «о пособіи двумъ ученикамъ философіи».

(***) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1765 г. № 1387, «о бытіи діакону Степанову учителемъ Семинаріи».

и ректоръ Аврамій, но обстоятельства были противъ ихъ доброй дѣятельности.

Духовенство переживало очень трудное время.... Значительныя суммы на содержаніе Семинарій доставляли монастыри; но отобраніи-же отъ монастырей вотчинъ, они уже естественно не въ силахъ были доставлять Семинаріи прежнее количество денегъ. А между тѣмъ мы видимъ, что особенно съ 1756 года чаще и чаще стали поступать отъ священиковъ въ духовную Консисторію прошенія „о выдачѣ указа на прошеніе милостыни“.—И вотъ духовенство Владимірской епархіи принуждено было все менѣе и менѣе доставлять денегъ на содержаніе Семинаріи. Чтобы нагляднѣе понять, до какой степени не исправно вносились духовенствомъ Семинарскія деньги, мы разсмотримъ за нѣсколько лѣтъ „недочетную вѣдомость“ наприм. Ярапольскаго уѣзда, болѣе богатаго сравнительно съ другими. За духовнымъ Ярапольскимъ Управленіемъ имѣется недочетъ: за 1749 годъ 168 р. 88 к;—1750 г. 311 р. 57 к.;—1751 г. 255 р. 21 к.:—1752 г. 242 р. 91 к.;—1753 г. 205 р. 79 к.;—1754 г. 294 р. 99 к.;—1755 г. 284 р. 38 к.;—1756 г. 267 р. 57 к.;—1757 г. 312 р. 61 к.;—1758 г. 358 р. 13 к.;—1759 г. 387 р. 63 к.;—1760 г. 298 р. 61 к.;—1761 г. 397 р. 93 к.;—1762 г. 362 р. 97 к.(*)

Такимъ образомъ мы видимъ, что почти съ каждымъ годомъ Семинарія становилась бѣднѣе и бѣднѣе, но съ 1763 г., еще даже до отобранія отъ духовенства вотчинъ, семинарское начальство и епископъ Павелъ рѣшительно поставлены были въ безвыходное положеніе относительно того, на какія средства содержать Семинарію. Дѣло въ томъ, что духовенство почти повсемѣстно отказывалось платить „Семинарскіе деньги“. На требованія сборщиковъ члены многихъ духовныхъ Управленій отвѣчали даже съ дерзостію. Такъ наприм. присутствующій Ярапольскаго Управленія прямо ска-

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1763 г. № 2871, «о неплатежѣ съ городской Ярапольской десятины Семинарскихъ денегъ.

залъ присланному отъ Консисторіи копіисту: „много мы такихъ приказаній слыхали, (т. е. относительно сбора на Семинарію денегъ); пусть будетъ вѣдомо: въ Ярапольскомъ уѣздѣ ни кто не заплатитъ, да и нечѣмъ платить(*). Но благодаря правительству, съ 1765 г. духовенство окончательно уволено было отъ взноса на Семинарію денегъ, а изъ экономической Коллегіи на Владимірскую Семинарію отпущена была сумма въ 653 р. 55 коп., конечно далеко недостаточная(**).

Вслѣдствіе постоянной скудости содержанія Семинаріи, очевидно нельзя было ожидать, чтобы успѣшно происходило дѣло обученія. Весьма нерѣдко случалось, что „за болѣзнію или выбытіемъ учителя, на нѣсколько мѣсяцевъ прекращалось ученіе для цѣлаго

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1763 г. № 2917, «о не платежѣ съ города Яраполя Семинарскихъ денегъ».

Подобные рѣзкіе и рѣшительные отказы можетъ быть вызваны были слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ 1763 году 26 Февраля въ указѣ Ея Императорскаго Величества въ 5 пунктѣ между прочимъ сказано: «бѣлое священство во всѣмъ нашемъ государствѣ, каждому извѣстно, въ какомъ до сего времени находится неустройствѣ; наше главное попеченіе, чтобы учрежденіемъ полезныхъ училищъ во всѣхъ епархіяхъ положить впредь основаніе, по которому-бы, мало по малу, священники при церквахъ не токмо были способны поученіями просвѣщать простой народъ, но и своимъ образомъ житія примѣръ подавать. Но понеже еще сей части учрежденія мы не совершили, а уповаемъ, съ Божіею помощію, и то къ желаемому концу привесть, то предварительно нынѣ избавили мы только все помянутое бѣлое священство отъ сбору имъ раззорительнаго данныхъ денегъ съ церквей, такъ какъ и собираемую часть хлѣба, съ монастырей 20-ю, а съ церквей 30-ю, на Семинарію не къ малому оскуденію того-же священства до сего бывшія оставили, а опредѣлили вмѣсто оной на училища отъ той-же коллегіи экономій знатную на вся годно денежную отпускать сумму, которая тогда будетъ извѣстна, когда наше учрежденіе о Семинаріи въ народѣ объявится». Владимірское духовенство, прочитавъ указъ сей, вывело отсюда такое заключеніе, что уже на Семинарію оно болѣе не обязано доставлять 30-ю часть поземельныхъ денегъ и перестало платить даже недоимки. А между тѣмъ въ этомъ указѣ очевидно только предупреждали о имѣющемся быть новомъ установленіи, тѣмъ болѣе, что на Семинаріи отпущены были суммы изъ коллегіи экономій только съ 1765 г.

(**) См. статью «О духовныхъ училищахъ и Семинаріи Влад. епархіи, со времени открытія до преобразованія ихъ», помѣщенную во Владим. губ. вѣдомостяхъ за 1862 г.

класса“(*). До 1765 г. преосвященный и Семинарское начальство рѣшительно не могли опредѣлить, какую сумму можно имѣть въ распоряженіи на извѣстную треть года. Но и съ этого времени, когда правительство стало каждогодно отпускать 653 р. 55 коп. на содержаніе Семинаріи, учителя получали жалованья только по три рубля въ мѣсяцъ, да притомъ и не всегда исправно(**). По этому не монашествующіе, окончившіе курсъ въ Сергіевской Семинаріи, съ большимъ неудовольствіемъ получали указы объ опредѣленіи ихъ въ учителя Семинаріи. Монашествующіе по крайней мѣрѣ имѣли готовую квартиру въ Семинарскомъ монастырѣ, пользовались отопленіемъ, освѣщеніемъ и, хотя скуднымъ столомъ; учителя-же изъ бѣлаго духовенства должны были жить внѣ монастыря, на полномъ своемъ содержаніи.

Учительская должность была слишкомъ тяжелымъ бременемъ, какъ въ отношеніи труда, ибо иногда на одномъ учителѣ лежала обязанность преподавать цѣлый курсъ наукъ, напр. философскихъ, такъ и относительно вознагражденія.

Въ 1765 году, доноситъ Консисторіи, Семинаріи префектъ и вмѣстѣ учитель іеромонахъ Моисей: „обучалъ я, въ его преосвященства Владимірской Семинаріи учениковъ въ школѣ реторикѣ; и, съ помощію Божіею, оное реторическое ученіе и совершили; и нынѣ, по приказанію его высокопреосвященства обучаю оныхъ учениковъ философіи, прочіе-же ученики, достигши реторическаго ученія остались нынѣ безъ учителя, потому въ ученіи ихъ оказуется весьма мало успѣванія. Мнѣ-же именованному не точію сугубо философіи и реторики обучать трудно, но и единую философію, за природною моею (о чемъ его преосвященству извѣстно) меланхолическою болѣзнію, которая все болѣе и болѣе меня одолѣвая, то-

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1769 г. № 2114, «О возвращеніи изъ Сергіевской Лавры двоихъ учениковъ во Владимірсмую Семинарію». И дѣло 1765 г. № 4596, «объ опредѣленіи въ Семинарію кого-либо учителемъ».

(**) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1765 г. № 3569, «о выдачѣ ректору Семинаріи, архимандриту Аврамію и учителямъ за треть денегъ».

ликое замѣшательство мыслей и затмѣніе моему уму наводитъ, что я часто и о себѣ самомъ чувства и памяти лишаюсь, и посему преподавать тяжкую имѣю неспособность"(*).

Вотъ до какай степени трудно было положеніе честныхъ тружениковъ—учителей Семинаріи. Учительскія занятія доводили ихъ до полнаго истощенія силъ!

Настолько-же тяжело себя чувствовали учителя и во внѣшнемъ отношеніи.

По указанію сего-же префекта Моисея, назначенъ былъ въ реторику учителемъ окончившій курсъ въ Сергіевской Семинаріи діаконъ Степановъ. Онъ, какъ студентъ Сергіевской Семинаріи, имѣлъ полное право занять должность учителя Семинаріи, но, подъ разными предлогами, уклонялся отъ этого труднаго и неблагодарнаго труда, считая за лучшее быть въ селѣ Крутцѣ діакономъ. Но въ 1765 году къ нему посланъ былъ указъ изъ Консисторіи, въ которомъ велѣно: „тебя діакона, яко ты, изъ даннаго тебѣ отъ Троицко-Сергіевской Лавры засвидѣтельствованія, латинскаго діалекта оказался изученъ, то для совершеннаго ученикамъ грамматики затвержденія и реторическихъ началъ обученія въ школу синтаксиму опредѣляешся симъ въ учители, чего ради для удобнѣйшей способности, переводишься въ гор. Владиміръ, къ церкви Николая Чудотворца, зовомаго стараго"(**). Зная трудность обязанности учителя и бѣдность вознагражденія, онъ не съ охотой переселился во Владиміръ. Діаконъ Степановъ занимался усердно: ученики его успѣвали исправно, а между тѣмъ о вознагражденіи за трудъ не думали. И вотъ онъ, обремененный семействомъ и вошедшій въ долги по случаю переѣзда во Владиміръ, рѣшился наконецъ обратиться въ Консисторію съ слѣдующимъ прошеніемъ: „опредѣленъ я во Владимірскую Семинарію для совершеннѣйшаго

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1765 г. № 1384, «о бытіи діакону Степанову учителемъ Семинаріи и о прочемъ».

(**) Т. е. къ церкви Николо-Градской.

ученикамъ грамматическихъ правилъ затвержденія и реторическихъ правилъ обученія, и нахожусь въ той Семинаріи въ отправленіи своея должности со всеохотнымъ раченіемъ; точію, съ самаго меня опредѣленія, чему уже седьмой мѣсяцъ совершается, не точію денежнаго за труды вознагражденія, но ниже дневныя пищи отъ Семинаріи не получилъ ни малой части. Съ чего, а больше перебираючись съ бываго моего жительства во Владиміръ съ нужными домашними скарбами моими наемнымъ перевезеніемъ, крайне оскудѣлъ. Такожъ и нынѣ, яко человѣкъ *свѣцкой* и необходимо долженъ съ домашними моими имѣть особенный внѣ Семинаріи домъ; пристроиваючи-же себѣ домашнюю хижину, предъ многими, не малымъ числомъ во всякихъ нуждахъ, обязательнымъ должникомъ сдѣлался. Того ради воспокорнѣйше прошу, да соблаговолено будетъ милостиво опредѣлить мнѣ, сколько заблагоразсудится, на пропитаніе". Консисторія затребовала свѣдѣнія о занятіяхъ и успѣхахъ просителя, и префектъ далъ такой отзывъ: „засвидѣтельствовую, что учитель діаконъ, по силѣ искуства своего, отправлять учительскую должность можетъ, и по способности прилежанія— прилежаетъ; отчего и равно-могущая происходитъ польза въ теченіи своемъ, и до сего числа обязательна была".

Вслѣдствіе такого лестнаго отзыва, учителю приказано было выдать изъ дому архіерейскаго ржи три, да овса двѣ четверти, а на прочія его нужды изъ Семинарской конторы до времени денегъ четыре рубля(*).

До 1771 года Семирарію и во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи справедливо считать еще не устроившуюся. Послѣ смерти ея образователя епископа Платона до 1771 года, какъ видно изъ дѣлъ архива, Семинарія едва едва могла продолжать свое существованіе: дѣла архива большею частію свидѣтельствуютъ о растратѣ, о покражѣ семинарскихъ суммъ, о неплатежѣ на Семинарію денегъ, о неимѣніи къ ученію учителей, о закрытіи классовъ.

(*) Тамъ-же.

Съ 1771 года жизнь Владимірской Семинаріи пришла въ нормальное положеніе. Въ этомъ, 1771 году, прибылъ во Владимірскую епархію преосвященный Іеронимъ (Формаковскій) на мѣсто епископа Павла, уволеннаго на покой.

Преосвященный Іеронимъ былъ человѣкъ образованный и весьма дѣятельный. По окончаніи наукъ въ Казанской Академіи, онъ проходилъ должность наставника; потомъ былъ ректоромъ той-же Академіи и настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря(*). Сей образованный и опытный въ дѣлѣ педагогики архипастырь много потрудился на пользу Владимірской Семинаріи, и при этомъ, надо замѣтить, что и самыя обстоятельства сдѣлались болѣе благопріятныя для Семинаріи.

Преосвященный Іеронимъ очень хорошо понялъ, что, при крайнемъ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, немыслимое дѣло, чтобы успѣшно процвѣтали науки. Между тѣмъ отъ правительства получалось незначительное пособіе; а монастыри, по отобраніи у нихъ вотчинъ, обѣднѣли и мало могли поддерживать матеріальными средствами Семинарію. По этому епископъ Іеронимъ на первыхъ-же порахъ своего управленія прибѣгъ къ слѣдующему, впрочемъ временному, средству. Какъ скоро открывалось въ епархіи дьяческое или діаконское мѣсто, то оно укрѣплялось за бѣднымъ и хорошо успѣвавшимъ ученикомъ Семинаріи. Въ продолженіи-же его ученія предлагалось другимъ исправлять должность изъ половинныхъ доходовъ. Такимъ образомъ ежегодно обезпечивалось до 50 бѣдныхъ учениковъ(**). Но когда этимъ распоряженіемъ стали злоупотреблять исправляющіе должности священно-церковно-служительскія, неисправно доставлять половинные доходы,—учителя Семинаріи взошли съ слѣдующимъ докладомъ къ преосвященному: „находящіяся

(*) См. «церковно-историческое описаніе Владимірскихъ достопамятностей», соч. магистра іеромонаха Іоасафа.

(**) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1772 года № 4931, «по докладу Семинаріи учителей о полученіи съ праздныхъ діаконскихъ и причетническихъ мѣстъ въ Семинарію доходовъ».

въ Семинаріи разныхъ школъ ученики, по резолюціи вашего преосвященства, отъ духовной Консисторіи для полученія отъ праздныхъ діаконскихъ и причетническихъ мѣстъ доходовъ указами назначены. Но какъ отъ тѣхъ мѣстъ священно-церковно-служители надлежащей суммы не доставляютъ, то не благоволено-ли будетъ отъ вашего преосвященства въ прекращеніе сего повелѣть духовной Консисторіи взыскивать по полугоду съ каждаго мѣста и присылать въ Семинарію по скольку положить изволите(*). Вслѣдствіе этого послѣдовало слѣдующее распоряженіе: „съ діаконскихъ мѣстъ за землю, покосы и съ доходовъ получать въ годъ по десяти рублей, а съ дьячковскихъ и пономарскихъ по шести(**). Съ 1780 года отъ правительства Владимірская Семинарія ежегодно стала получать 2000 руб., и т. обр. внѣшнее ея положеніе было обезпечено и вслѣдъ затѣмъ и внутртнняя жизнь Семинаріи получила совершенно иное направленіе. Семинарія временъ Императрицы Екатерины II, совершенно непохожа на прежнюю грубую и не устроенную; то время, когда здѣсь учился М. М. Сперанскій, было совершенно иное. Прежнія грубыя и жестокія наказанія были уничтожены, на учениковъ стали смотрѣть уже, какъ на дѣтей, и наконецъ опредѣлены были предметы и методъ обученія, чего прежде также не было. Прежніе грубые нравы и педагогическіе пріемы замѣнились новыми, болѣе мягкими и нормальными. Тогда какъ прежде имѣли право безпощадно наказывать учениковъ нетолько учителя, но и товарищи „командиры“ —теперь-же даже и префектъ, по требованію инструкціи, только въ крайнемъ случаѣ, и то съ дозволенія ректора могъ прибѣгнуть къ сѣченію. Въ статьѣ о должностяхъ префекта прямо говорится: „префектъ имѣетъ право наказывать

(*) При этомъ докладѣ слѣдуютъ подписи: школы реторики учитель протопопъ Василій Лепорскій; школы піитики и синтаксимы учитель іерей Іоаннъ Пѣвницкій; школы грамматики учитель Петръ Меморскій; школы аналогіи учитель діаконъ Егоръ Букконовъ.

(**) Замѣчательно, что ученики Семинаріи, особенно тѣ, за которыми закрѣплены были мѣста, любили носить долгія волосы и завязывать ихъ въ «пучекъ».

за преступленіе подчиненныхъ; малыхъ наказывать розгою умѣренно, но и то съ вѣдома ректора, за явныя бездѣльничества и плутни, а среднихъ и большихъ словомъ угрозительнымъ. За прочія малыхъ дѣтей шалости не всегда наказывать лозами, но можно изобрѣсть и другія способы ко исправленію дѣтскихъ нравовъ, дабы частымъ сѣченіемъ дѣтей не приводить въ ожесточеніе"(*).

Вообще относительно наказаній Семинарская педагогика, разматриваемаго нами времени, разсуждала весьма свѣтло и здраво. Вотъ что мы читаемъ въ статьѣ „о школьной строгости": воспрещаются вообще всѣ тѣлесныя наказанія, какого-бы рода ни были наприм.: 1) ремни, палки, линейки и розги; 2) пощечины, толчки и кулаки; 3) драніе за волосы, ставленіе на колени и драніе за уши; 4) всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя, названіе скотины, осла и т. под.(**).

Удаливъ всѣ сіи грубыя мѣры, семинарская педагогика предлагаетъ при томъ, что прежде нежели прибѣгнуть къ положительнымъ наказаніямъ, необходимо въ отношеніи къ ученикамъ предпосылать увѣщанія. Въ правилахъ этихъ увѣщаній, какъ и во всей инструкціи инспекторской, замѣтно проглядываетъ та педагогическая гуманность, которяя составляетъ отличіе и преимущество воспитанія нашего времени. Какого-же рода должны быть увѣщанія, предупреждающія наказанія? Что такое они?

1. „Увѣщанія суть дружественныя предостереженія, которыми напоминается тѣмъ наблюденіе ихъ должности, которые оную или преступили, или хотятъ преступить. 2. Ласковыя увѣщанія склоняютъ людей почасту къ такимъ вещамъ, или дѣламъ, отъ которыхъ они впрочемъ имѣли великое отвращеніе(?) 3. Увѣщанія могутъ быть, смотря по свойству проступка, усиливаемы мѣстами изъ Свящ. Писанія и соединяемы съ обѣщаніями вознагражденія, однако обѣщевать не должно никогда того, чего или исполнить не

(*) См. арх. дух. Консистор. дѣло 1782 г. № 4283, «о дачѣ новыхъ предписаній учителямъ Семинаріи».

(**) Тамъ-же.

въ состояніи, или не намѣренъ. 4. Незапное онѣмѣніе, или замолчаніе учителя служитъ иногда вмѣсто увѣщанія съ успѣхомъ для сохраненія въ школѣ порядка и тишины. 5. Увѣщанія должны быть весьма кратки, чтобы не тратить на оныя нужное въ ученію время.

Если подобныя увѣщанія оказывались недѣйствительны, то прибѣгали къ наказаніямъ. Пусть сами читатели видятъ, какъ здраво и правильно смотрѣла на наказанія, въ разсматриваемое нами время, педагогика семинарская.

„Наказанія, говоритъ она, суть зло, опредѣленное преступленіямъ правилъ для учащихся. Учитель долженъ при наказываніи учениковъ имѣть единое токмо исправленіе учениковъ, при чемъ долженъ быть онъ правосуденъ. При семъ понеже предполагается, что учителя, во время ученія, безотлучно при дѣтяхъ находиться и за ними смотрѣть должны, занимая вниманіе ихъ безпрестанно какимъ ни есть упражненіемъ, то почти нельзя и подумать, чтобы дѣти, при таковомъ распорядкѣ, могли въ школѣ, что ни есть такое сдѣлать, чтобы тѣлеснаго наказанія достойно было. Если-же бы они таковые поступки и оказали, то оные должно будетъ причесть въ вину больше учительскому небреженію и несмотрѣнію, нежели худому поведенію учениковъ, буде-же случатся преступленія, кои подлежатъ наказанію, то учитель употребляетъ слѣдующія средства.

1. Лишеніе пріятныхъ вещей, какъ-то: исключать ученика отъ игры на гульбищѣ, и не допускать его до прочихъ ученическихъ увеселеній, недавать ему садиться въ школѣ, пока всѣ ученики сядутъ; и между тѣмъ велѣть ему стоять у порога съ книгами своими и шапкою въ рукахъ. При выходѣ-же выпускать послѣдняго, давая ему чрезъ то знать, что онъ чрезъ поступокъ свой потерялъ довѣренность учителя.

2. Соотвѣтственно проступку устыженія, какъ-то: громкій выговоръ отъ учителя и изобличеніе ученика въ проступкѣ. Въ случаѣ-

же обиды велѣть обидѣвшему обиженнаго проводить домой, неся за нимъ его книги, за карауломъ школьнаго сторожа, который, когда они придутъ въ домъ обиженнаго, долженъ объявить о винѣ и заставить его просить въ проступкѣ прощенія(*).

Всѣ эти предписанія со стороны преосвященнаго и Семинарскаго начальства не оставались только предписаніями; мы знаемъ, что дѣйствительно нетолько сѣченіе было запрещено учителямъ, но даже строгія и грубыя выраженія.

Въ 1785 году 1 Февраля, въ субботу былъ греческій классъ. Для слушанія лекціи собрались ученики философіи, реторики и синтаксимы. Учителемъ греческаго языка былъ студентъ богословіи Грязевскій. Хотя онъ самъ былъ ученикъ, но на греческомъ классѣ позьзовался вполнѣ правами учителя. Между его слушателями былъ ученикъ философіи Левитскій, человѣкъ очень бойкихъ способностей, и пользовавшійся большимъ вниманіемъ начальства. „Въ частныхъ разговорахъ и диспутахъ по философіи онъ бралъ иногда верхъ", надъ учителемъ греческаго языка, который по этому недолюбливалъ его и при случаѣ старался уколоть. Въ то время, какъ учитель спрашивалъ урокъ, еще пока не началъ „экспликовать"(**), ученикъ Левитскій разговаривалъ съ ученикомъ богословія Колпскимъ. Колпскій сталъ ему Левитскому задавать богословскіе силлогизмы, о которыхъ въ богословскомъ классѣ говорено было, и онъ Левитскій, тѣ силлогизмы рѣшилъ еще до экспликованія, онымъ учителемъ; а разговаривать тихо до экспликованія, т. е. во время слушанія урока, дозволялось. Но учитель Грязевскій подошелъ въ ученику философіи Левитскому и сказалъ: „что за сцѣптикъ нашъ философъ"! А надо замѣтить, что въ то время учениковъ философіи дразнили сцептиками—скептиками. Недовольствуясь этимъ, учитель разговаривавшимъ сталъ предлагать силлогизмы на латинскомъ языкѣ, примѣшивая и россійскія слова. „Кто, сказалъ онъ, глупъ,

(*) Тамъ-же.

(**) Explico,—дополняю, распространяю, изъясняю, толкую.

тотъ дуракъ, а тотъ или другой (изъ васъ подразумѣвается) глупъ, слѣдовательно—тотъ или другой дуракъ“. Въ классѣ произошелъ „великій смѣхъ“. Левитскій какъ ни былъ обиженъ, но не смѣлъ отвѣтить учителю на его дерзость тѣмъ-же; онъ на это не сказалъ ни слова,—и учитель началъ экспликовать. Потомъ, „желая видимо опозорить Левитскаго, онъ, спустя нѣсколько времени, спросилъ его какъ греческое слово πόνος имѣетъ звательный падежъ. Левитскій на это не могъ отвѣтить“, затѣмъ единственно, что того слова въ грамматикѣ, по которой онъ слушалъ, неимѣется, ибо оная перваго, а не послѣдняго изданія“. Вотъ незнаешь, а розговариваешь, сказалъ учитель. „Я не во время экспликаціи разговаривалъ, да и мнѣ во всякомъ мѣстѣ о философіи думать и разговаривать надлежитъ, ибо нужное полезному предпочитается; однако, повозможности моихъ силъ, я стараюсь и о греческомъ языкѣ“. На это разсужденіе ученика учитель сказалъ: ничего ты не знаешь оболтусъ! „Я знаю альфу и омегу, по этому слова ваши ко мнѣ неотносятся“ съострилъ ученикъ. Острота произвела свое дѣйствіе. „Я какъ хочу тебя, такъ и критикую; поди вонъ, дуракъ, изъ класса! Сказалъ учитель. „А я Левитскій, знаю что учителю повиноваться надлежитъ, такожде и повѣленіе его исполнять, взялъ шапку и пошелъ изъ класса. Учитель-же, указывая на меня перстомъ взадъ, говорилъ мнѣ,—вотъ какой пень! О, статуя! О, оболтусъ!“ Левитскій не перенесъ такихъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательствъ учителя, и уходя сказалъ: „или я Левитскій, или вы такой“! Этотъ случай много надѣлалъ шуму между Семинаристами. Хотя въ это время и не существовало командирства, но всетаки ученики богословія считали себя выше философовъ, требовали отъ нихъ уваженія, какъ отъ младшихъ; тѣмъ болѣе, что изъ нихъ нѣкоторые, лучшіе по успѣхамъ въ ученіи, выбирались въ учителя. И вотъ ученики богословіи, считая себя обиженными, стали требовать отъ учителя Грязевскаго, чтобы онъ жаловался на Левитскаго формальнымъ образомъ. Первый, хотя и считалъ себя

неправымъ, ибо говорилъ слова: „статуя, оболтусъ“, которыя прямо инструкціей были запрещены, но, уступая настоянію сокласниковъ — богослововъ, подалъ жалобу. Послѣ точнаго изслѣдованія дѣла, Консисторія сдѣлала слѣдующее постановленіе: „какъ изъ распросовъ учителя Андрея Грезевскаго и ученика Григорія Левитскаго, также изъ показаній учениковъ явствуетъ: между оными Грязевскимъ и Левитскимъ произошла ссора во время толкованія греческаго языка, при чемъ въ классѣ былъ упомянутый Левитскій, — ссора и обоюдное ругательство. А всему тому главнымъ поводомъ состоитъ самъ принесшій жалобу на Левитскаго, учитель Грязевскій; ибо не помня того, за чѣмъ въ классъ пришелъ, началъ производить надъ ученикомъ философіи помянутымъ Левитскимъ предъ низшими учениками насмѣшку, предлагая ему самъ по себѣ, негодный, но ругательный силлогизмъ, что „кто глупъ, тотъ дуракъ, а тотъ или другой глупъ, слѣдовательно тотъ или другой изъ нихъ дуракъ“, что услышавъ, ученики всѣ смѣялись. Подобныхъ-же насмѣшекъ учителю отнюдь производить недолжно, особливо на высшихъ учениковъ; особливо потому, что важность учителя въ томъ тѣряется, да и ученики не могутъ отдавать надлежащаго респекта смѣхотворному учителю. Слѣдовательно учителю Грязевскому и ни малой нужды не было, не жалуясь префекту, за разговоры Левитскаго штрафовать самому собою не пристойнымъ выговоромъ, а потому, какъ Грязевскій такъ и Левитскій называли другъ друга дураками, и оба равно виноваты, а особливо учитель Грязевскій. Для того, по мнѣнію Консисторіи, подлежитъ за показанную въ классѣ ссору, дабы впредь того чинить было не повадно, учителю Грязевскому учинить въ Консисторіи строшайшій выговоръ и подтвердить чтобы онъ должность свою исполнялъ порядочно, съ подпискою, а о штрафованіи Левитскаго представить разсмотрѣнію префекта, и о томъ дать знать ему указомъ. А понеже помянутый ученикъ Левитскій прежде въ порокахъ не бывалъ и отъ учителей показанъ хорошаго понятія, то посему онаго Левитскаго въ Семи-

наріи оставить, а за имѣвшую съ учителемъ Грязевскимъ ссорою греческому языку чтобы не обучался, а обучался прочимъ наукамъ, и надежды священства нелишать, болѣе-же о семъ Консисторія передаетъ волѣ и благоразмотрѣнію его преосвященства и требуетъ архипастырьской резолюціи(*). Эта резолюція Консисторіи ясно показываетъ, какъ измѣнились взгляды и понятія!

ГЛАВА X.

«Обязанности учительскаго званія. Классы Семинаріи. Предметы и методъ преподаванія. Перемѣщеніе Владимірской Семинаріи въ Суздаль. Отправленіе въ Александровскую Семинарію М. Сперанскаго».

Въ концѣ 18-го столѣтія выработалось уже ясное понятіе объ учительскомъ званіи, стали опредѣленно высказывать, чего должно требовать отъ учителя Семинаріи, какія его обязанности, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ качествѣ учителя и вмѣстѣ воспитателя духовнаго юношества. Въ прежнее время, какъ мы видѣли, учитель дѣйствовалъ больше при помощи физической силы, — грубыхъ и жестокихъ наказаній; но въ концѣ XVIII вѣка учитель-воспитатель дѣйствуетъ преимущественно нравственнымъ вліяніемъ, что ясно видно изъ инструкціи, составленной въ 1786 году для учителей Семинаріи (**).

Вотъ три существенныя обязанности учителя Семинаріи, изъ которыхъ уже вытекаетъ вся его дѣятельность.

1) „Учитель обязанъ, по состоянію своему, заступить у учениковъ мѣсто родителей: и потому чѣмъ менѣе сами родители вспомоществуютъ въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться есть долгъ учительской“.

(*) Все сіе мы заимствовали изъ дѣла арх. дух. Консистор. 1785 года № 2299, «о дерзкихъ поступкахъ ученика философіи Григорія Левитскаго предъ учителемъ греческаго языка Андреемъ Грязевскимъ.

(**) Сія инструкція помѣщена въ дѣлѣ архива Консисторіи «о званіи учительскомъ».

2) „Учитель долженъ, наставляя дѣтей въ законѣ Божіемъ, дѣлать ихъ благочестивыми христіанами и вѣрными сынами церкви, которыя бы правила закона Божія нетокмо знали на словахъ, но и показывали оные всегда на дѣлѣ“.

3) „Званіе учителя обязываетъ ихъ также стараться сдѣлать изъ учениковъ своихъ полезныхъ членовъ общества; и для сего онъ долженъ поощрять чаще юношество къ наблюденію должностей общественныхъ; просвѣщать разумъ учениковъ, научать ихъ, какъ думать, такъ и поступать разумно, честно и благопристойно и предписанныя науки преподавать юношеству такимъ образомъ, какъ надобны имъ оныя бываютъ въ общежитіи“.

Такова общая цѣль „учительскаго званія“, для достиженія которой инструкціей отъ учителя требовались слѣдующія качества.

1) Благочестіе. Развивая это понятіе, инструкція между прочимъ говоритъ: „учитель долженъ избѣгать всего того, что хотя мало худымъ казаться можетъ, особливо предъ дѣтьми, для того, что дѣти ему станутъ подражать, а онъ сдѣлаетъ соблазнъ и поступитъ противъ заповѣдей Христовыхъ: иже аще соблазнитъ и проч. Далѣе: въ дому онъ долженъ быть миролюбивъ и порядочень, ко всѣмъ дружелюбенъ и услужливъ. А особенно избѣгать онъ долженъ брани, клятвы, божбы, клеветы и сквернословія, такъ какъ и безмѣрія въ питіи и т. п.

2) Любовь. Это качество раскрыто въ инструкціи особенно подробно и основательно; очевидно, что на истинной любви желаютъ основать, всю силу добраго вліянія учителя. Вотъ между прочимъ особенно достойное вниманія разсужденіе: „учитель долженъ поступать со всѣми учениками отечески, т. е. ласково и любовно. Онъ долженъ обходиться съ ними съ пріязнію и съ кротостію и не казать досады, когда они въ школу приходятъ и предложеніе его скоро не уразумѣваютъ. Онъ долженъ имъ дать примѣтить, что ему пріятно, когда они прилежны и въ школу всѣ часто ходятъ, и что онъ ихъ любитъ. Но любовь сія должна быть не ребяческая, а со-

единена всегда съ постояннымъ и важнымъ видомъ. Она должна также основываться не на достаткѣ родителей учениковъ, но на благонравіи и прилежаніи дѣтей. Принявъ на себя чувствія и поступки чадолюбигаго отца, учитель долженъ быть ласковъ, не долженъ быть никогда угрюмымъ, сердитымъ и вспыльчивымъ. *Паче же всего не долженъ онъ опускать ласковаго уговариванія,* которое по-часту имѣетъ великое дѣйствіе, что напоминанію тѣхъ слѣдуемъ охотно, коихъ любимъ и уважаемъ".

3) Довольствіе. Это качество, по смыслу инструкціи, одно изъ самыхъ важнѣйшихъ для учителя Семинаріи; объ немъ говорится прежде даже, чѣмъ о другихъ качествахъ, напр. о прилежаніи. Видимое дѣло, что учителя, обязанные весьма много трудиться, получали жалованье далеко несообразное съ трудами. Поэтому-то въ инструкціи и обращено особенное вниманіе на довольствіе учителей Семинаріи. „Довольствіе" состоитъ въ томъ, чтобы: 1) быть довольну тѣмъ, что намъ опредѣлено для содержанія; 2) кто принимаетъ на себя самое бѣдное учительское мѣсто, тотъ обязанъ столь же вѣрно должность сего званія своего исправлять, какъ и при самомъ богатомъ, гдѣ другой учитель имѣетъ доходу вдвое, или болѣе. 3) Если учитель можетъ что еще дѣлать себѣ постороннимъ трудомъ, то сіе ему дозволяется, лишь бы не препятствовало оно отправленію его школьной должности; ибо и апостолъ Павелъ проповѣдуя евангеліе, снискивалъ себѣ пропитаніе работою рукъ своихъ. Далѣе говорится о терпѣніи, прилежаніи и о другихъ качествахъ.

Объяснивъ довольно подробно назначеніе учительской должности и качества необходимыя для учителей, инструкція предлагаетъ имъ правила для болѣе успѣшнаго воспитанія и образованія воспитанниковъ.

„Дѣти бываютъ различныхъ способностей, характера и поведенія"; инструкція, выходя изъ этого положенія, предлагаетъ, разныя, болѣе или менѣе благоразумныя педагогическія средства.

Относительно способностей „дѣти бываютъ такія, которыя одарены хорошею памятью, но имѣютъ мало разсужденія"; относительно ихъ учитель: а) недолженъ упражнять ученіемъ на изусть, но долженъ учить ихъ болѣе мыслить и понимать; б) таковымъ ученикамъ онъ долженъ пособлять чувственными представленіями, примѣрами и сравненіями; в) долженъ заставлять ихъ пересказывать выученное собственными словами, и г) долженъ ихъ чаще спрашивать и такъ, чтобы имъ былъ при томъ случай думать.

Бываютъ ученики, у которыхъ слабая память. Относительно ихъ предлагается только два правила: меньше задавать учить на изусть и чаще толковать каждому изъ нихъ особо.

Бываютъ тупые дѣти, которые мало понимаютъ и помнятъ. Симъ должно стараться впѣрить токмо самое нужнѣйшее, а главное не поступать съ ними сурово и не отнимать у нихъ строгостію охоты къ ученію.

Съ упорными, сердитыми и ко злобѣ склонными учителю предписывается дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: „во время дѣйствія въ нихъ страстей не долженъ онъ ни наказывать, ни увѣщавать ихъ, но когда волненіе ихъ утихнетъ и ученикъ придетъ въ состояніе самъ собою подумать, тогда уже учитель долженъ представить ему худыя слѣдствія упрямства его, или злости. Когда-же ученикъ не однократно дурные поступки оказываетъ и ни мало неисправляется, тогда онъ долженъ объявить префекту для должнаго ученику наказанія.

„Въ разсужденіи-же поведенія ученики бываютъ хорошаго, посредственнаго и худаго". Относительно первыхъ учитель долженъ ставить ихъ въ примѣръ другимъ съ умѣренною похвалою и при этомъ стараться предохранять ихъ отъ тщеславія. Относительно вторыхъ учитель тщательно долженъ выискивать, отъ чего худыя наклонности происходятъ. Если оныя происходятъ отъ недовольнаго распознанія добра отъ худа, то долгъ учителя подать имъ достаточное о томъ понятіе. Но если рождаются оныя отъ располо-

женія къ злу, тогда долженъ онъ изобразить имъ живо опасность оныхъ и вредныя послѣдствія".

Что касается учениковъ худаго поведенія, то послѣ увѣщаній и наказаній должно представлять такихъ къ исключенію, „чтобы безпутные ученики не развращали другихъ своимъ дурнымъ примѣромъ".

Такимъ образомъ мы видимъ изъ „учительской инструкціи", что въ концѣ XVIII столѣтія на учениковъ дѣйствовали болѣе гуманными средствами, такъ что даже исключеніе предполагалось только въ крайнихъ случаяхъ, и притомъ не столько за мало-успѣшность, сколько за худое поведеніе.

Классы при Семинаріи были слѣдующіе: богословія, философія, реторика, піитика (*), грамматика, послѣдній классъ раздѣлялся на три отдѣленія: высшій грамматическій курсъ, называемый синтаксимою, средній и низшій информаторическій, называемый иначе этимологическій.

На преподаваніе богословскихъ наукъ опредѣленъ былъ непремѣнный двухгодичный срокъ; но другіе курсы могли быть по обстоятельствамъ сокращены.

Богословія преподавалась ежедневно во время утреннихъ часовъ. Время послѣ полудни учитель богословіи употреблялъ на чтеніе священнаго писанія, „въ которомъ упражняясь долженъ былъ ученикамъ показывать самыя труднѣйшія мѣста съ довольнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ оныхъ".

Каждую субботу были недѣльныя репетиціи. „Не продолжая вновь толкованія, учитель спрашивалъ у каждаго ученика силу и существенность истолкованныхъ богословскихъ уроковъ и что по про-

(*) Этотъ классъ учрежденъ былъ послѣ другихъ. Онъ учрежденъ былъ съ слѣдующею цѣлью: «чтобы ученики въ обоихъ краснорѣчіяхъ, латинскомъ и россійскомъ могли быть успѣшнѣе и въ чтеніи латинскихъ авторовъ болѣе могли времени упражняться и притомъ не столь молодыхъ лѣтъ достигали до степени священства».

чимъ седьмичнымъ днямъ было задано и объяснено все должно быть учениками читано съ твердостію".

По вторникамъ и четвергамъ, по повтореніи прежде изложенныхъ уроковъ, „предлагались встрѣчающіяся сумнительства съ довольнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ богословскимъ, которымъ заимствовались изъ лучшихъ богословскихъ системъ".

Но такъ какъ, по мнѣнію начальства, еще оставалось довольно много времени для учениковъ богословіи, то имъ для лучшаго успѣха въ богословскихъ разсужденіяхъ, задавались на каждый мѣсяцъ диссертаціи на латинскомъ и русскомъ языкахъ, изъ которыхъ лучшія читались публично въ богословской авдиторіи.

Кромѣ того, по прошествіи каждыхъ двухъ мѣсяцевъ, для большаго усовершенствованія учениковъ богословіи, происходили такъ называемые „приватные диспуты", на которые приглашались префектъ и учителя. Кромѣ приватныхъ диспутовъ, два раза въ годъ дѣлались публичныя, для слушанія которыхъ собиралась многочисленная публика любителей духовнаго просвѣщенія.

Въ преподаваніи философіи велѣно было слѣдовать методу новѣйшихъ философовъ „а старинныхъ схоластиковъ отнюдь недержаться". Съ этою цѣлію для руководства выбрана была философія Бавмейстера, недостатки нѣкоторыхъ ея положеній и правилъ должны были дополняться изъ „самыхъ знаменитыхъ нынѣшняго вѣка авторовъ".

Послѣ полуденныхъ часовъ, ученики упражнялись въ переводѣ какого-либо лучшаго философскаго автора, при самомъ-же переводѣ предлагались и „разрѣшались разныя философскія сумнительства; методомъ силлогическимъ".

Исторія философіи проходилась въ первое полугодіе философскаго курса. Она преподавалась по руководству слѣдующихъ авторовъ: ex Bruccero, Buddes, Heinneccio.

На философскомъ курсѣ проходилась и физика, по руководству, присланному изъ Св. Сvнода. Да притомъ два раза въ недѣлю, въ

послѣ обѣденные часы, изучали книги „о должностяхъ человѣка и гражданина“.

Въ философіи также какъ и въ богословіи назначались диспуты и приватные—въ философіи чрезъ каждый мѣсяцъ, и публичные. Но чтобы ученики могли рѣшать трудности „не токмо на латинскомъ, но и на своемъ природномъ языкѣ“, съ этою цѣлію пріучали ихъ къ отправленію русскихъ диспутовъ, преимущественно изъ нѣкоторыхъ частей метафизики, а именно: ex Cosmologia, Psychologia et Theologia naturali.

Ученикамъ философіи каждый мѣсяцъ давали сочинять диссертаціи философскія на латинскомъ и проповѣди на русскомъ, также и рѣчи „большія и поздравительныя“.

Реторика преподавалась по руководству Вратиславскаго. Первый годъ упражняли учениковъ въ сочиненіи періодовъ, троповъ и фигуръ, поздравительныхъ рѣчей и писемъ разнаго рода; во второй годъ сочиняли „большія рѣчи, панегирики на латинскомъ и русскомъ языкахъ и проповѣди“. Притомъ во второй годъ, для приготовленія учениковъ „къ довольному понятію о вещахъ и для открытія удобнѣйшаго способа къ изобрѣтенію и распространенію идей;—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ утренніе часы, преподавалась логика, сокращенная изъ Бавместеровыхъ правилъ.

А чтобы ученики удобнѣе пріучались чистотѣ и красотѣ латинскаго языка, то по истолкованіи періодовъ, троповъ и фигуръ составлялись для нихъ особенныя правила, заимствуемые ex langii Hodego de latini sermonis elegantiis, nimirum: 1) de nominibus; 2) de comparativis et superlativis; 3) de pronominibus; 4) de verbis; 5) de adverbis; 6) de praepositionibus; 7) denique de barbarismis et solecismis. Сія послѣдняя часть т. е. de barbarismis et solecismis дополнялись изъ „особливыя книги на латинскомъ языкѣ,—Antibarburus Cellari“.

По вторникамъ и четвергамъ, въ утренніе часы, читались лучшія прозаическія сочиненія латинскихъ и русскихъ авторовъ. Изъ ла-

тинскихъ давали преимущество Цицерону, а изъ русскихъ Ломоносову и Прокоповичу.

Въ классѣ піитики, въ первую треть, проходили первую часть реторики Вратиславскаго, „показывая всѣ правила „de construendis periodis simplicibus et compositiis, de tropis et figuris, de comparendis chriis et epistolis". Во время прохожденія начальныхъ правилъ реторики въ послѣ-обѣденные классы занимались сочиненіями русскими и латинскими и переводомъ ex libro Ciceronis de natura deorum et de officiis. Послѣ сего приступали къ изученію правилъ піитическихъ. Наука поэзія раздѣлялась на двѣ части. Въ первой „показывались всѣ роды стиховъ, употребляемыхъ латинскими авторами, а во второй — русскими". Для упражненія въ чтеніи піитическихъ латинскихъ авторовъ „сперва переводили книги Овидія Tristium; по изученіи-же сего, и притомъ когда ученики „довольно упражнялись въ сочиненіи елегіастическихъ стиховъ" приступали къ изученію первой книги Виргилія — Aeneidus. Для усвоенія-же россійскихъ піитическихъ правилъ изучали лирическія сочиненія Ломоносова, а драматическія — Сумарокова. А такъ какъ поэзію невозможно изучить надлежащимъ образомъ безъ миѳологіи, то по два дня въ недѣлю — въ среду и пятницу — употребляли на ея изученіе, тѣмъ болѣе, „что въ древнемъ баснословіи вся важность и красота поэзіи происходитъ".

Въ синтаксисѣ обученіе шло слѣдующимъ образомъ. Изъясняли всѣ грамматическія правила „до всѣхъ четырехъ частей грамматики относящіися". Главнымъ пособіемъ для сего была Алварова грамматика. Каждый день, въ утренніе часы, на истолкованныя правила предлагались „краткія и ясныя экзерциціи".

Послѣ полуденныхъ часовъ, въ понедѣльникъ, среду и пятницу, занимались переводомъ съ латинскаго. Но чтобы ученики скорѣе и удобнѣе привыкали къ переводамъ съ латинскаго на русскій и моглибъ хотя нѣсколько понимать латинскія выраженія, — въ утрен-

ніе часы, послѣ толкованія правилъ грамматическихъ, занимались чтеніемъ латинскихъ розговоровъ, „или домашнихъ, или школьныхъ". Не большую часть этихъ разговоровъ задавали на „ночные уроки, съ умѣренностію, безъ отягощенія памяти". Заниматься легкими разговорами приказывалось не позже какъ съ Декабря.

По изъясненіи всѣхъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ, „къ большей успѣшности въ латинской конструкціи" учитель съ учениками переводилъ Кастелліоновы или Еразмовы разговоры. А между тѣмъ, каждый день по нѣскольку словъ задавалось изъ лексикона Целляріева, и вокабулы учили не только primitiva, но и derinativa(*).

Съ первыхъ чиселъ Апрѣля приступали къ толкованію просодіи изъ Алвара; послѣ-же сего показывали ученикамъ способъ, какъ дѣлать латинскіе стихи „Hexametra et penta metra", въ составленіи которыхъ ученики упражнялись очень часто. По суббо тамъ было недѣльное повтореніе. Употребленіе латинскаго языка строго взыскивалось въ семъ классѣ отъ каждаго, да и учитель съ учениками при объясненіи правилъ не имѣлъ права говорить иначе, какъ по латыни.

Въ грамматическомъ классѣ начинали изученіе русской грамматики; ученикамъ задавались ежедневно „имѣна къ склоненію, а глаголы къ спряганію". По изъясненіи всѣхъ этимологическихъ правилъ, приступали къ толкованію грамматической конструкціи, затѣмъ упражнялись переводами съ русскаго на латинскій; переводы эти поправлялись и разбирались въ послѣполуденные часы.

По прошествіи-же половины года, по вторникамъ и четвергамъ упражнялись „въ школьныхъ разговорахъ съ разбирательствомъ этимологическихъ и грамматическихъ правилъ". И въ грамматическомъ классѣ также учитель въ разговорахъ и объясненіяхъ употреблялъ латинскій языкъ.

(*) Т. е. нетолько коренныя, но и производныя.

Въ информаторскомъ классѣ, въ первую половину года, сперва обучали чтенію и чистописанію на латинскомъ и русскомъ языкахъ; потомъ мало-по-малу знакомили съ начальными правилами грамматики. Во вторую половину года — малому катихизису, изданному для народныхъ школъ; кромѣ того изучали латинскіе вокабулы, „дабы могли употребительныя вещи называть латинскими рѣченіями“.

Подробностей относительно преподаванія греческаго языка мы не знаемъ. Извѣстно только то, что и на греческій языкъ употреблялось не менѣе времени и изученіе его считалось не менѣе важнымъ латинскаго. Во время греческихъ уроковъ ученики говорили между собой неиначе, какъ по гречески.

Кромѣ исчисленныхъ нами предметовъ, считавшихся главными, въ Семинаріи изучали универсальную и церковную исторіи, географію и ариѳметику. Исторія преподавалась только ученикамъ піитики и реторики. Универсальную читали на латинскомъ языкѣ, именуемую „sinopsis historiae holberhi,“ а хронологическія свѣдѣнія заимствовались изъ латинской церковной исторіи: „ex avtore lanigo.“ Ариѳметика и географія преподавались ученикамъ синтаксимы и грамматики по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, — преподавались весьма кратко.

Таково было состояніе Владимірской Семинаріи до 1788 года. Но въ этомъ году случалось, пока не совсѣмъ ясное, обстоятельство для исторіи Владимірской Семинаріи. Бывшія прежде самостоятельными епархіями Владимірская, Переславская и Суздальская соединились въ одну, подъ именемъ Суздальской; епископъ Викторъ долженъ былъ переселиться 22-то Іюля изъ Владиміра въ Суздаль. Въ Сентябрѣ того-же года всѣ „студенты“ Переславской и Владимірской Семинаріи переведены въ Суздальскую, съ перемѣщеніемъ ихъ библіотекъ; а въ городахъ: Владимірѣ, Переславлѣ, Муромѣ и Вязникахъ остались только классы духовныхъ училищъ, получавшихъ содержаніе отъ отцовъ учениковъ. Ректо-

ромъ Суздальской Семинаріи назначенъ былъ архимандритъ Переславскій Никандръ, на него-же возложено было преподаваніе богословскихъ наукъ. А префектомъ и учителемъ философіи — игуменъ Евгеній, изъ Владиміра, который былъ вскорѣ ректоромъ на мѣсто Никандра, а впослѣдствіи епископомъ Костромскимъ. Вслѣдствіе этаго, преподаваніе философіи поручено было учителю Петру Лебедеву, который, послѣ сего, пожалованъ былъ чиномъ коллежскаго регистратора, но умеръ въ монашествѣ. Онъ особенно извѣстенъ былъ, какъ глубокій знатокъ латинскаго и греческаго языковъ.

1790 года игуменъ Евгеній былъ назначенъ ректоромъ, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ, вызванъ былъ на череду въ С.-Петербургъ. Исправляющимъ его должность назначенъ игуменъ Митрофанъ, человѣкъ очень образованный, искусный въ латинскомъ и русскомъ краснорѣчіи, исправленіе-же префектской должности предоставлено было соборному протоіерею Алексѣю Смирнову.

Въ 1792 году архимандритъ Евгеній возвратился изъ С.-Петербурга и снова вступилъ въ управленіе Семинаріей. Онъ былъ одинъ изъ лучшихъ наставниковъ и какъ ректоръ соблюдалъ строгій порядокъ въ Семинаріи.

Въ 1794 году, на его мѣсто поступилъ архимандритъ Царе-Константиновскаго монастыря Гедеонъ. Послѣ него былъ ректоромъ іеромонахъ Павелъ, присланный изъ Московской Академіи. На него, между прочимъ, возложена была обязанность по воскреснымъ днямъ толковать для учениковъ и народа катихизисъ въ соборѣ. Въ этомъ-же году содержаніе Семинаріи увеличилось до 4000 р.

Въ Іюлѣ 1798 г. епископъ Викторъ, по Высочайшему повелѣнію, опять былъ перемѣщенъ во Владиміръ, а въ слѣдующемъ году туда-же переведена была и Семинарія; въ Суздалѣ-же осталось только училище, которое помѣстилось въ архіерейскомъ домѣ(*).

(*) Всѣ сіи свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ губернск. вѣдом. № 10, 1854 и № 28, 1862 г.

Въ 1800 г. 18-го Февраля прибылъ во Владиміръ епископъ Ксенофонтъ, на мѣсто уволеннаго на покой епископа Виктора.

Въ заключеніе исторіи Владимірской Семинаріи, за первые 50 лѣтъ, мы считаемъ за счастливую обязанность напомнить читателямъ, что конецъ XVIII столѣтія Владимірской Семинаріи ознаменованъ былъ особеннымъ для нея и для всей Россіи важнымъ событіемъ. Въ 1788 году поступили въ Александровскую Семинарію, „для дальнѣйшаго образованія", студенты богословскаго отдѣленія Иванъ Сергѣевичъ Вышеславскій и Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій, впослѣдствіи „Графъ Россійской Имперіи".

Въ 1816 году въ Октябрѣ мѣсяцѣ, М. М. Сперанскій, отправляясь въ Пензу на должность гражданскаго губернатора, посѣтилъ Владимірскую Семинарію. „Проходя по всѣмъ классамъ, онъ съ любовію смотрѣлъ на учениковъ, и съ замѣтнымъ волненіемъ припоминалъ о. ректору Іосифу, что онъ и самъ учился въ этой Семинаріи. Въ классѣ богословія онъ засталъ на каѳедрѣ прежняго своего знакомца профессора П. М. Подлипскаго изъ воспитанниковъ 1-го курса С.-Петербургской духовной Академіи,—вспомнилъ его и принялъ отъ него въ даръ отпечатанную тогда впервые Церковную Библейскую Исторію Филарета".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ (*)

ГЛАВА XI.

«Епископъ Ксенофонтъ. Его резолюціи; забота объ ученикахъ; ихъ любовь къ нему; отношеніе его къ учителямъ Семинаріи».

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ столѣтьемъ!“—поздравляли въ 1800 г., другъ друга и Владимірскіе семинаристы. „Что-то принесетъ намъ новое столѣтіе,—каковъ-то будетъ ожидаемый архіерей?“—говорили они.

Новое столѣтіе принесло Владимірской Семинаріи возможно полное благосостояніе. Правленіе епископа Ксенофонта, прибывшаго изъ Казани, гдѣ онъ былъ викарнымъ архіереемъ, во Владимірскую епархію въ Февралѣ 1800 г.,—было началомъ счастливѣйшаго періода жизни Владимірской Семинаріи.

О Ксенофонтѣ, еще до пріѣзда его, ходили слухи во Владимірѣ, какъ о человѣкѣ чрезвычайно строгомъ, какимъ онъ и дѣйствительно былъ на первыхъ порахъ относительно епархіи. Но на другой-же день, по пріѣздѣ его во Владиміръ, семинаристы пріятно были удивлены тѣмъ, какъ говоритъ преданіе, что во всѣхъ классахъ Семинаріи, по приказанію епископа, сдѣлана была слѣдующая надпись: „pena corporaris progibetur“(**).

Мы видѣли, что и прежде неодобрялись Семинарской дисциплиной: палки, удары по лицу и т. п., но едвали находились въ началѣ настоящаго столѣтія такіе педагоги, которые-бы считали за совершенно возможную вещь обойтись при воспитаніи безъ розогъ. Епископъ-же Ксенофонтъ, во все свое продолжительное уп-

(*) Матеріалы для 2-й части Истор. Влад. Семин., заимствованы изъ архива Дух. Семинар. и изъ письменныхъ и устныхъ преданій.

(**) Наказаніе тѣлесное воспрещается.

равленіе Семинаріей, вполнѣ остался вѣренъ тому убѣжденію, что розги положительный вредъ. Даже, по преобразованіи Семинаріи, въ 1814 году, когда, по проэкту устава Семинарій, дозволены были, въ нѣкоторыхъ случаяхъ розги, — Ксенофонтъ всётаки недопускалъ ихъ. Въ 1818 году два ученика Семинаріи: Туторскій и Яновъ оказались виновными во многихъ крупныхъ проступкахъ. Семинарское Правленіе представило архіерею въ заключеніе слѣдующее мнѣніе: „не благоволено-ли будетъ, на основаніи проэкта уст. Сем., часть I, отд. 2, § 108, наказать оныхъ учениковъ розгами въ классѣ въ духѣ отеческаго попеченія о пользѣ какъ ихъ самихъ, такъ и сверстниковъ ихъ". Резолюція Ксенофонта: „оштрафовать означенныхъ учениковъ въ страхъ другимъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія". Но сила преданія, сила старыхъ убѣжденій, не всегда уступала и силѣ власти: и во время Ксенофонта, — не смотря на то, что онъ иногда очень строго наказывалъ приверженцевъ сѣченія, — семинаристовъ не рѣдко наказывали розгами. И это впрочемъ ни сколько не умаляетъ заслуги Ксенофонта: какъ начальствующіе, такъ въ особенности, конечно, семинаристы признавали подобныя явленія незаконными: честь уничтоженія тѣлеснаго наказанія во Владимірской Семинаріи вполнѣ принадлежитъ Ксенофонту; подобно тому, какъ уничтоженіе пытокъ въ Россіи принадлежитъ Екатеринѣ Великой; хотя въ ея царствованіе онѣ были въ значительной силѣ.

Епископъ Ксенофонтъ былъ человѣкъ много-сторонне образованный и пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ и любовію своей паствы; характеристическою-же чертою его многотрудной дѣятельности служитъ постоянная, въ полномъ смыслѣ, неусыпная забота о духовномъ просвѣщеніи; преданіе говоритъ, что его такъ и называли многіе: „радѣтель духовнаго просвѣщенія". При каждой поѣздкѣ по епархіи, онъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, изыскивать бо́льшія и бо́льшія средства для обезпеченія бѣдныхъ учениковъ. Нерѣдко онъ за общественнымъ столомъ предлагалъ соучаст-

никамъ подписку въ пользу бѣдныхъ учениковъ: „Не заключить-ли, добрый хозяинъ, нашу трапезу добрымъ дѣломъ"?... И хозяинъ предлагаетъ листъ бумаги для записи пожертвованій; а епископъ всегда первый дѣлалъ починъ доброму дѣлу. Особенно значительны были пожертвованія въ пользу духовнаго просвѣщенія въ Шуѣ. Замѣчательно, что уваженіе къ епископу Ксенофонту простиралось даже до того, что не смотри на постоянный антогонизмъ между Семинаріей и Гимназіей, семинаристы были приглашаемы на публичные акты въ дворянское собраніе,—фактъ, сколько намъ извѣстно, не повторявшійся впослѣдствіи. Наконецъ, только благодаря попеченіямъ Ксенофонта, открыты были на частныя пожертвованія духовныя училища: въ Шуѣ, Переславлѣ и Юрьевѣ.

Управленіе Семинаріей Ксенофонтъ принялъ вполнѣ на свое попеченіе; такъ что самое незначительное дѣло, какъ наприм. увольненіе ученика по болѣзни на два—на три дня въ домъ родителей, необходилось безъ его письменнаго разрѣшенія.

Въ основаніи его педагогической дѣятельности лежало слѣдующее убѣжденіе: юноша рѣдко можетъ быть настолько поврежденъ, чтобы не оставалось надежды на его исправленіе; проступки молодости вовсе не характеризуютъ будущаго человѣка. Наука о воспитаніи,—такъ думалъ Ксенофонтъ,—должна употребить для исправленія падающаго всѣ возможныя, *не грубыя* средства, и должно до тѣхъ поръ считать воспитанника терпимымъ въ заведеніи, пока имѣется надежда на его исправленіе,—пока его поведеніе не отзовется вреднымъ образомъ на товарищахъ. По этому-то Ксенофонтъ, разбирая и наказывая за проступки учениковъ, нерѣдко дѣлалъ замѣчанія и начальствующимъ за недосмотры; и большую часть своихъ резолюцій заключалъ приказаніемъ: „имѣть (за N ученикомъ) не опустительное надзираніе". По этому-то въ резолюціяхъ Ксенофонта часто встрѣчаются такого рода выраженія: „слѣдовало-бы исключить; но обращая вниманіе на молодость" и т. д., или: „внушить ученику, что въ послѣдній разъ прощается"....

Что касается лучшихъ учениковъ, то, относительно ихъ поощренія, Ксенофонтъ употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства. На публичныхъ экзаменахъ и вообще на Семинарскихъ праздникахъ, когда въ семинарскую залу собирались „именитые гости“, Ксенофонтъ, вслухъ всего собранія, хвалилъ лучшихъ учениковъ, принимавшихъ въ праздневствѣ ближайшее участіе“. А всего дороже для учениковъ было то, что Ксенофонтъ зналъ ихъ умственныя и нравственныя качества едва-ли не лучше ближайшихъ ихъ воспитателей. Въ 1802 г. Ксенофонтъ, по разсмотрѣніи реэстра цензоровъ, представленнаго Семинарскимъ правленіемъ, написалъ: „цензорами назначаются изъ представленныхъ Семинарскимъ правленіемъ, 20 студентовъ богословіи, за исключеніемъ Смирнова, Скабовскаго и Радугина“... При разсмотрѣніи разрядныхъ списковъ оканчивающихъ курсъ, Ксенофонтъ былъ особенно внимателенъ; и, зная хорошо учениковъ, онъ иногда изъ 2-го разряда перемѣщалъ въ 1-й. Такъ, при размотрѣніи разряднаго списка 1822 г., Ксенофонтъ обратилъ вниманіе на ученика Ремизова, поставленнаго во 2-мъ разрядѣ 12-мъ и написалъ: „за способность къ сочиненію, дознанную многимъ опытомъ, помѣстить Ремизова въ 1-й разрядъ“; и Ремизовъ оправдалъ доброе о немъ мнѣніе архіерея: онъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ и былъ потомъ учителемъ Владимірской Гимназіи.

Но пусть читатели сами, — непосредственно, — познакомятся съ характеромъ педагогической дѣятельности Ксенофонта, разсмотрѣвъ, за нѣсколько годовъ, рядъ резолюцій, написанныхъ имъ по поводу проступковъ учениковъ Семинаріи.

Въ 1800 году былъ представленъ въ правленіе Семинаріи ученикъ богословіи Иванъ Яновскій, который ходилъ по городу ночью пьяный, и обругалъ на улицѣ жену помощника почтмейстера Липатову. Ученику этому, довольно способному, оставалось до окончанія курса только нѣсколько мѣсяцевъ. На докладѣ по этому дѣлу Ксенофонтъ пишетъ: „означенному студенту, хотя и неоднократ-

но учинено было отъ насъ всевозможное снисхожденіе въ разсужденіи безчестныхъ и несоотвѣтственныхъ званію его поступковъ; но какъ онъ затѣмъ и понынѣ не только не оставилъ постыдной своей привычки, но еще болѣе,—какъ извѣстно намъ,—оказываетъ къ тому свои наклонности, навлекая на Семинарію безчестнымъ своимъ ночнымъ волокитствомъ нарѣканіе и подавая прочимъ къ тому поводъ; и въ прекращеніе сего, дабы не послѣдовало въ Семинаріи дальнѣйшихъ безпокойствъ, призвавъ его въ Консисторію, подтвердить ему наистрожайше *въ послѣдній разъ* съ подпискою, что ежели впредь неудержится отъ таковыхъ предосудительныхъ поступковъ, — то болѣе въ духовномъ званіи терпимъ не будетъ; Семинарскому-же правленію дать знать дабы, взявъ и сей поступокъ на примѣчаніе, *имѣло за поведеніемъ его неотступное надзираніе*" (*).

Въ 1802 г. префектъ протоіерей Антоній Кудрявцевъ замѣтилъ студента богословіи Давида Лепорскаго „нѣсколько пьянымъ". Это снисходительное выраженіе онъ употребилъ въ своемъ донесеніи, вѣроятно не зная того, что Лепорскій въ пьяномъ видѣ представленъ былъ къ самому архіерею. Резолюція Ксенофонта: „Лепорскаго представленнаго намъ лично въ пьяномъ образѣ, хотя и слѣдовало-бы отослать въ военную службу; но нисходя ему *въ послѣдній разъ* обязать строжайше, съ подпискою, въ имѣніи трезвенной и честной жизни и, при особеннѣйшемъ за поведеніемъ его надзорѣ, помѣсячно рапортовать намъ".

1803 г. ученикъ грамматическаго класса Виноградовъ въ непродолжительное время сдѣлалъ много проступковъ: 1) „Продалъ лексиконъ, а куда утратилъ деньги неизвѣстно; 2) китайчитый тулупъ, который стоитъ не менѣе 15 руб., заложилъ, и деньги на что истратилъ—неизвѣстно; 3) у торговки взялъ новый тулупъ въ

(*) Самая обширность этой резолюціи, по нашему мнѣнію, изъясняется, тѣмъ, что чувства строгости и снисхожденія вели продолжительную борьбу въ этомъ случаѣ, въ душѣ епископа.

долгъ—и его заложилъ; 4) шапку, которая стоитъ не менѣе 2 р., куда дѣвалъ—неизвѣстно; 5) у товарища Владычина взялъ въ долгъ два носовыхъ платка, за которые 6 руб. заплатить обѣщался—и заложилъ". На допросѣ Виноградовъ откровенно сказалъ: „всё сіе мною проѣдено и прокучено". Резолюція Ксенофонта: „ученика Виноградова за нехожденіе въ классъ и не порядочное поведеніе, не отсылая въ свѣтскую команду, оставить *по малолѣтству* въ Семинаріи, отославъ, впредь до усмотрѣнія, въ русскую школу, подъ особый надзоръ учителя и обязавъ крѣпкою подпискою въ имѣніи честнаго поведенія".

1804 года студентъ богословіи Матвѣй Варваринскій, будучи пьянъ, ѣздилъ по городу на извощикѣ; ему пьяному пришла фантазія „поговорить съ преосвященнымъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ". Послѣдняго Семинарское начальство не знало и донесло архіерею только о первомъ. Резолюція послѣдовала особенно строгая: „какъ поступокъ Варваринскаго, явившагося къ намъ въ нетрезвомъ видѣ, для чести Семинаріи и званія студентовъ крайне предосудителенъ, то оштрафовать его, въ страхъ другимъ, поставленіемъ на колѣни при входѣ церковномъ, гдѣ просить ему прощеніе у проходящихъ въ церковь студентовъ".

За воровство, соединенное съ другими преступленіями, ученики наказывались исключеніемъ. 1804 г. ученикъ россійскаго класса Каллистовъ, часто замѣчаемый въ пьянствѣ, укралъ въ лавкѣ сапоги. Резолюція: Каллистова, *какъ не подающаго никакой надежды къ исправленію*, исключа изъ духовнаго вѣдомства, отослать на разсмотрѣніе въ Губернское Правленіе"...

Въ этомъ-же году студентъ Марко Сущевскій „въ десять часовъ ночи, шедши по улицѣ пьяный, выругалъ унтеръ-офицера, за что посаженъ былъ въ съѣзжую, гдѣ и ночевалъ; а потому у всенощнаго бдѣнія не былъ". Резолюція: „Сущевскаго за многократнымъ уже всѣмъ студентамъ о благоповеденіи подтвержденіемъ, нарушившаго правила чести званія и обязанности своимъ нощнымъ во-

локитствомъ и пьянствомъ, оштрафовать постановленіемъ въ классѣ черезъ два часа на колѣнахъ, перевесть въ реторическій классъ, до усмотрѣнія его поведенія, подтвердивъ паки всѣмъ студентамъ о всевозможномъ удаленіи себя отъ всѣхъ не соотвѣтственныхъ званію ихъ поступокъ, и что, примѣченные въ таковыхъ, по исключеніи изъ духовнаго званіи, посылаемы будутъ непремѣнно въ военную службу(*).

Картежная игра наказывалась едва-ли не строже, чѣмъ пьянство. 1806 г. ректоръ Анатолій донесъ архіерею, что, до прихода его въ классъ, нѣкоторые ученики играли въ карты: „осмѣливаюсь доложить, говоритъ онъ въ своемъ донесеніи, неблагоугодно-ли будетъ оныхъ шалуновъ оштрафовать примѣрно“. Резолюція: „означенныхъ учениковъ, взявъ на особенное примѣчаніе, оштрафовать постановленіемъ при входѣ церковномъ предъ обѣдней на колѣна, дабы у всѣхъ проходящихъ учениковъ (уже не у однихъ студентовъ) испрашивали въ безчестномъ поступкѣ своемъ прощенія“.

1817 г. экономъ Семинаріи „въ одно утро нашелъ, что столы и скамьи во всѣхъ учебныхъ залахъ духовнаго училища опрокинуты и многіе изъ нихъ разломаны, при чемъ разбито 28 стеколъ“. По сему правленіе Семинаріи рѣшило: „троихъ главныхъ виновниковъ посадить въ темную комнату на три дня и взыскать убытки отъ двухъ до трехъ рублей“. Резолюція: Предписывается поступить на таковыя случаи правиламъ,—и принять нужныя мѣры къ отвращенію подобныхъ *шалостей;* взысканіе-же штрафной суммы на первый разъ оставить“.

Для блага своей Семинаріи, Ксенофонтъ жертвовалъ большею частію своего времени. Не говоря уже о томъ, что онъ прочиты-

(*) Эта резолюція, по нашему мнѣнію, особенно характеристична. Въ ней ясно, въ каждой фразѣ, проглядываетъ оскорбленное чувство отца, опасающагося, чтобы блудный сынъ не соблазнилъ своимъ дурнымъ поведеніемъ другихъ, и въ тоже время сожалѣющаго о заблудшемъ.

валъ всѣ лучшія сочиненія студентовъ и записывалъ въ своей памятной книгѣ имена лучшихъ сочинителей,—онъ даже требовалъ къ себѣ копіи съ субботнихъ чтеній(*). Бѣдный и въ особенности трудолюбивый ученикъ всегда могъ найти помощь у великодушнаго епископа. Вѣдь не даромъ-же, какъ мы видѣли,—выпившему лишнее семинаристу легко приходила фантазія „поговорить о своихъ домашнихъ дѣлахъ съ преосвященнымъ"! Кромѣ частныхъ пособій бѣднымъ ученикамъ, Ксенофонтъ жертвовалъ на Семинарію ежегодно отъ 150 до 250 р. Вотъ почему его ученики называли „радѣтелемъ Семинаріи, покровителемъ учащихся, отцомъ". Въ особенности ученики низшихъ классовъ — мальчики—съ наивностію старались высказать ему любовь свою при всякомъ удобномъ случаѣ. Преданіе говоритъ, что архіерей имѣлъ загородную дачу въ Красномъ селѣ, куда онъ лѣтомъ часто отправлялся для отдыха и прогулки. И часто случалось, что, во время его прогулокъ, совершенно неожиданно, выпрыгивалъ изъ за куста ученикъ — піитъ и говорилъ ему стихотворное привѣтсвіе, или просто подносилъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. И въ городѣ нерѣдко архіерей получалъ подобныя заявленія любви. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Аркадіемъ, въ то время смотрителемъ училища, и часто къ нему отправлялся побесѣдовать. Какъ скоро это дѣлалось извѣстнымъ ученикамъ,—почти каждый разъ являлся кто-либо изъ нихъ и просилъ чрезъ своего начальника позволенія сказать стихи архипастырю, который всегда привѣтливо принималъ піиту. И не одни ученики низшихъ классовъ относились къ епископу съ сердечною простотою и наивностію. Вотъ прочтите прошеніе къ епископу ученика богословіи Побѣдина; онъ и на бумагѣ говоритъ съ архіереемъ наивно и частію фамиліарно, открывая свою душу, какъ предъ добрымъ отцомъ: „Справедливость требуетъ, чтобъ за пре-

(*) Въ каждую субботу читались въ общемъ собраніи Семинаріи лучшія сочиненія учениковъ всѣхъ классовъ, написанныя большею частію сверхъ опредѣленныхъ, обязательныхъ сочиненій.

ступленіемъ непосредственно слѣдовало наказаніе; истина очевидна! И я хотя въ продолженіи двѣнадцати-лѣтняго моего въ Семинаріи ученія не подпадалъ никакому въ проступкахъ замѣчанію, только нынѣ ненамѣренно сдѣлавшись виновнымъ въ необузданности языка(*), не могъ не почесть несправедливымъ урокъ исправленія отъ начальства мнѣ опредѣленный. Разительный выговоръ, сдѣланный мнѣ публично въ классѣ, и лишеніе жалованья, единственнаго къ продовольствію моему средства, я перенесъ хотя и съ сокрушеніемъ, но безъ всякаго роптанія. Отказъ-же въ утвержденномъ за мною священническомъ мѣстѣ толико горестію поразилъ меня, что я прихожу въ отчаяніе о своей участи; и незнаю перенесетъ-ли бѣдная мать моя таковый ударъ; поелику она, вдовствуя 21 годъ, всѣ силы истощила въ доставленіи мнѣ содержанія; и теперь, когда я уже лишенъ жалованья, не имѣя никакой возможности содержать меня, какъ до окончанія учебнаго курса, такъ и по окончаніи онаго,—что должна сдѣлать съ собою и мною?—Боюсь, чтобы чрезмѣрная печаль не прекратила преждевременно дней ея. Почему ваше и т. д....“ Конечно просьба была исполнена.

Не смотря на крайнюю снисходительность епископа къ ученикамъ, студенты философіи и богословіи и даже Семинарское правленіе иногда обращались къ нему съ просьбами о смягченіи наказанія, или даже—о совершенномъ прощеніи.

Въ 1806 г. бывшимъ студентомъ богословіи Ев. Никологорскимъ подано было епископу слѣдующее прошеніе: „По резолюціи вашего преосвященства, за проживаніе въ домѣ отца моего и за хожденіе съ товарищами въ трактиръ, посланъ я въ философскій классъ, гдѣ и нахожусь уже отъ Февраля мѣсяца по сіе время. И будучи въ такомъ наказаніи лишенъ всякой надежды, (т. е. кончить курсъ). Почему чувствительно для меня учинилось сіе наказаніе, и я впредь обѣщаюсь жить честно. Того ради прошу меня именованнаго, для возстановленія моея надежды и счастія, въ богословскій классъ пе-

(*) Въ чемъ состоялъ его проступокъ,—неизвѣстно.

ревесть“. На этомъ прошеніи послѣдовала слѣдующая резолюція: „Просителю, снисходя *въ послѣдній разъ*, предоставляется ходить въ богословскій классъ по прежнему, съ тѣмъ, чтобы буде впредь подастъ на себя каковое въ чемъ-либо подозрѣніе,—отосланъ будетъ въ русскую школу безвозвратно“.

Въ 1802 году послѣдовалъ къ епископу отъ Семинарскаго правленія слѣдующій докладъ: „Резолюціею вашего преосвященства на докладѣ Семинарскаго правленія, при которомъ представленъ былъ допросъ, взятый съ студента философіи Марка Сущевскаго, въ томъ, что онъ, въ девятомъ часу ночи, шедши по улицѣ пьяный, выругалъ унтеръ-офицера, за что посаженъ былъ на съѣзжую. Между тѣмъ Семинарскому правленію вами предписано: Сущевскаго оштрафовать постановленіемъ на два часа на колѣни, перевесть въ реторическій классъ до усмотрѣнія. А какъ онъ Сущевскій съ того времени ни въ какихъ худыхъ поступкахъ не былъ замѣченъ, то не благоволено-ли будетъ помѣстить его Сущевскаго въ философскій классъ, по прежнему. Впрочемъ Семинарское правленіе все сіе отдаетъ въ единственную волю и благоразсмотрѣніе вашего преосвященства“... Конечно ходатайство было уважено.

Относясь съ такою любовію къ ученикамъ, архіерей умѣлъ поддерживать энергію и въ преподавателяхъ. „У хлѣбосольнаго и радушнаго архипастыря, во время торжественныхъ празднествъ, преподаватели Семинаріи были первые его гости“. Кромѣ того, они бывали нерѣдко праглашаемы и на частныя собранія, во время которыхъ допускались шутки и даже фамиліарности. Разъ былъ у епископа разговоръ о томъ, что талантъ безъ труда теряетъ свою цѣну; а между тѣмъ, талантливые люди, надѣясь слишкомъ на себя часто мало трудятся„. За примѣрами, сказалъ Ксенофонтъ, ходить недалеко: вотъ о. Савеловъ и физику знаетъ и магію знаетъ, а о Семинаріи мало печется(*). О. Савеловъ, указывая на свои со-

(*) Объ о. Савеловѣ и до сихъ поръ ходитъ много анекдотовъ, какъ о магикѣ.

вершенно красные волосы, сказалъ: „не правда, ваше преосвященство; я пекся, пекся, да и перепекся“. Богатая по своему времени, библіотека епископа, была доступна многимъ преподавателямъ Семинаріи; мало того, онъ даже дарилъ иногда всѣхъ преподавателей новою интересною книгою. Въ архивѣ Семинарскаго правленія записано: 1802 г. преосвященнымъ подарены всѣмъ учителямъ книги: Catonis disticha.

Само собой разумѣется, что преподаватели относились къ епископу съ неподдѣльнымъ чувствомъ уваженія и любви. А по этому неудовольствіе, высказанное епископомъ производило на нихъ особенно сильное впечатлѣніе.

1803 г. 2-го Ноября, учитель реторики, Алексѣй Андріановъ квартировавшій за Лыбедью, непришелъ въ классъ „по причинѣ великой грязи“. На рапортѣ о семъ епископомъ положена была слѣдующая резолюція: „Учителю Андріанову, по сыску его въ правленіе, наистрожайше подтвердить съ подпискою о неопустительномъ хожденіи въ порученный ему классъ, какъ изъ уваженія къ своему званію, такъ и пользѣ учениковъ, остающихся за его отсутствіемъ, къ крайнему сожалѣнію, безъ лекціи и задачъ; отъ чего, сдѣлавъ привычку къ праздности, могутъ уклоняться ко всякому поступку, какъ въ нѣкоторыхъ уже и примѣчательно. Будеже и затѣмъ усмотрѣнъ будетъ въ таковой-же о должности своей безпечности, то яко нерадивый и презритель своей обязанности, отрѣшенъ будетъ отъ мѣста своего“.

Эта резолюція такъ сильно подѣйствовала на учителя, что онъ, вмѣсто обычной росписки, въ слушаніи ея, не утерпѣлъ, чтобы со всею откровенностію и даже наивностію не выразить своего чувства: „Сею подпискою обязуюсь всегда ходить въ классъ, доколѣ буду здоровъ. А впредь не будетъ удерживать меня осенняя грязь; такъ какъ этотъ выговоръ, который я получилъ, стоитъ и долженъ стоить болѣе, нежели всѣ перемѣны года“....

Едва-ли не слишкомъ снисходительный къ ученикамъ, епископъ Ксенофонтъ нерѣдко относился строго къ воспитателямъ и преподавателямъ. Грубое и жестокое обращеніе учителей съ воспитанниками неизбѣжно влекло за собою или строжайшій выговоръ, или даже—отставку отъ должности.

Въ 1801 году, Суздальскаго духовнаго училища, надзиратель, протоіерей Дмитрій Смирновъ, рапортовалъ епископу: „Учитель Михаилъ Приклонскій, сего 18-го Октября ученика Николая Виноградова ударилъ рукою по щекѣ, такъ-же счипалъ за волосы и грозилъ высѣчь лозами за неисправность въ школьныхъ дѣлахъ. Да, кромѣ того, ученики на допросахъ показали, что учитель Приклонскій отъ вакаціи, до сего времени, высѣкъ дважды за неисправность ученика Аѳонасія Полисадова. Резолюція: „Учинивъ учителю Приклонскому наистрожайшее подтвержденіе о не наказываніи учениковъ, безъ надлежащаго надзирателю отношенія, и объявить ему о подачѣ просьбы на священническое куда-либо мѣсто".

Въ томъ-же 1801 году, учитель Семинаріи избѣжалъ отставки за грубое обращеніе съ учениками, только благодаря, Высочайшему, Всемилостивѣйшему манифесту. Правленіе Семинаріи рапортуетъ епископу: „Семинарскому правленію извѣстно учинилось, что учитель русской школы іерей Александръ Виноградовъ наказывалъ учениковъ своего класса, безъ отношенія къ его высокопреподобію (т. е. ректору). Почему ректоръ Семинаріи Павелъ того-же дня, далъ предложеніе: „такъ какъ по правленію Семинаріею ни одинъ случай не долженъ быть отъ него скрытъ, а особенно-жь и то ему извѣстно, что всѣ тѣлесные штрафы запрещены до того даже, что и Консисторія, сама собою безъ воли преосвященнаго, штрафовать не можетъ; то, правленіе, въ пресѣченіе всѣхъ, рѣченнаго священника дерзостей, никакому наказанію безъ отношенія къ ректору, не допускаетъ, и гг. присутствующихъ (т. е. членовъ правленія) симъ предостерегаетъ". На этомъ постановленіи Семинарскаго правленія послѣдовала слѣдующая резолюція епископа: „означенному

учителю, за силою Высочайшаго Всемилостивѣйшаго манифеста, учиненная неосторожность прощается; о чемъ, объявя ему подтвердить, дабы впредь нечинилъ сего".

Въ 1804 году захворалъ ученикъ реторики Степанъ Введенскій; учитель Ельцынскій, недовѣряя его болѣзни, приказалъ привести въ классъ; оштрафовалъ его поклонами и оттаскалъ за волосы. По этому случаю Семинарское правленіе рапортуетъ епископу: „Такъ какъ учитель Ельцинскій, сверхъ оштрафованія поклонами неоднократно таскалъ ученика за волосы; то въ отвращеніе таковыхъ безполезныхъ, при отроческомъ воспитаніи, данному отъ вашего преосвященства методу, истязаній, не благоволено-ли будетъ учителю Ельцинскому напомянуть съ подпискою о совершенномъ запрещеніи тѣлеснаго въ классѣ ученикамъ наказанія". Резолюція: „подтвердить".

ГЛАВА XII.

«Предметы преподаванія. Субботнія собранія. Начальствующіе и учащіе».

До Ксенофонта не было вполнѣ опредѣленной, созрѣвшей „методы" (системы), какъ относительно педагогической части, такъ и научной. Но онъ, тотъ-часъ по поступленіи своемъ въ управленіе Владимірскою епархіею, издалъ свой „методъ", относительно тѣхъ наукъ, которыя должны были проходиться въ трехъ главныхъ классахъ Семинаріи: словесности, философіи и богословіи. Методъ, имъ предложенный, простирался только на такъ называемые главные предметы. Что-же касается напр. математики и др. второстепенныхъ, то сіи науки проходились почти безконтрольно со стороны начальства; и настолько были необязательны, что въ аттестатахъ лучшихъ учениковъ, даже посылаемыхъ въ Академіи, нерѣдко значилось: „по математикѣ не занимался". Такая отмѣтка находится въ аттестатѣ Ив. Петровича Остроумова, окончившаго курсъ въ

Академіи магистромъ и бывшаго потомъ профессоромъ математики во Владимірской Семинаріи. Основные предметы преподаванія въ богословіи были слѣдующіе:

1) „Въ теченіи перваго года преподавалась система догматической богословіи на латинскомъ языкѣ, по сокращенію архимандрита Сильвестра, съ присовокупленіемъ полемики и толкованіемъ текстовъ. Притомъ положенія, дефиниціи, свидѣтельства и богословскія выписки учащіися затверживали въ память; каждый-же трактатъ повторялся въ классѣ диссертаціею“.

2) „Въ теченіи втораго года преподавалась нравственная часть богословіи. Главнымъ тому основаніемъ полагались три богословскія добродѣтели; въ тоже время изучались: герменевтика и чиноположеніе православной церкви“.

3) „Пособіемъ для догматическихъ лекцій служили: творенія св. отецъ, соч. Феофила и другихъ: Буддея, Голлазія и Квемтеда. Для герменевтики: бесѣды І. Златоустаго и руководство(?) къ чтенію свящ. писанія. Для нравственности: разныя духовныя сочиненія и житія святыхъ. Для археологіи: кормчая, уставы, пасхалія и подобныя“.

4) „Въ продолженіи всего курса читалась библія съ топографическими, историческими и греческаго текста замѣчаніями, при повтореніи всѣхъ предметовъ ученія“.

5) „Каждую недѣлю воспитанники сочиняли проповѣди на россійскомъ и другихъ языкахъ; а по воскреснымъ днямъ, предъ литургіею, ректоромъ изъясняемы были съ герменевтическимъ и нравственнымъ присовокупленіемъ Апостольскія посланія“.

Въ философскомъ классѣ, всѣ части науки объяснялись по системѣ Бауместера на латинскомъ языкѣ.

1) Въ теченіи перваго года преподавались логика и метафизика.

2) Вторый годъ назначался для изъясненія теоретической физики и нравственной философіи.

3) Пособіемъ при объясненіяхъ служили системы: Гавзера, Винтлера, Буддея, Канзія и др.

4) Между тѣмъ студенты занимались сочиненіемъ дисертацій и устными состязаніями.

Историческія науки проходились въ философіи и богословіи по слѣдующей программѣ: Всеобщую исторію проходили по системѣ Шрекка(*), съ дополненіемъ изъ Ролленя и Милота. Исторія церковная по руководству Лонгія и Мозегейма съ дополненіями изъ Кедрина.

Отечественная исторія объяснялась по „ядру Нехочина", Эмина, Татищева, Щербатова. Исторія Россійской церкви—по исторіи митрополита Платона.

Въ классѣ словесности, въ первые четыре мѣсяца проходили первую часть реторики по системѣ Бургія.

„Послѣ сего,—въ теченіи трехъ мѣсяцевъ,—поэзія—по правиламъ Байбанова".

Затѣмъ, вторая часть реторики оканчивалась въ пять мѣсяцевъ. Какъ реторика, такъ и поэзія объяснялись реториками Ломоносова и Летая.

„По окончаніи системы Бургіевой и пiитическихъ правилъ излагались ученикамъ мнѣнія о изящномъ и высокомъ изъ древнихъ въ семъ родѣ геніевъ: Квинтиліана и Лонгина, а изъ новѣйшихъ Финелопа и Ролленя, что составляло часть эстетики. Для практической части реторики и поэзіи избирались псалмы Давидовы, бесѣды I. Златоустаго, проповѣди митрополита Платона, сочиненія Ломоносова, Державина, Виргилія и Горація".

„Ученики соотвѣтственно классическимъ лекціямъ, показавъ свои способности въ сочиненіи періодовъ, фигуръ, хрій превратныхъ и

(*) Исторія Шрекка, при всей своей несостоятельности, преподавалась въ Семинаріи въ продолженіи очень долгаго времени; Владимірскіе семинаристы изучали ее въ 1855 г. безъ всякихъ дополненій Ролленя и Милота. Замѣчательно, что въ введеніи къ сей исторіи говорится о вредѣ изобрѣтенія книгопечатанія!...

порядочныхъ, должны были на каждую задачу предварительно представлять свои планы; *и каждое* сочиненіе ученика прочитывалось съ надлежащими замѣчаніями, ***на что полагалось шесть мѣсяцевъ***".

Такимъ образомъ видно, что главное вниманіе было обращено на ученическія сочиненія. Курсъ предметовъ былъ неособенно обширный и ученики могли пользоваться свободнымъ временемъ на упражненія въ сочиненіяхъ. Кромѣ того, начальство, такъ сказать, сквозь пальцы смотрѣло, если ученики болѣе способные пропускали лекціи второстепенныхъ предметовъ. Вотъ напр. „реестръ философовъ, кто сколько не слушалъ лекцій въ Апрѣлѣ 1800 года": Михайловскій—5; М. Флеринскій—4; Солярскій—4; и т. под., вообще въ этомъ мѣсяцѣ пропускавшихъ лекціи философовъ было 67 чел., а всегда исправныхъ только 14. Но сочиненія студентовъ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, при своей обширности, отличаются особенной серьезностію и отдѣланностію. Притомъ, прежде всего бросается въ глаза отчетливость, аккуратность и, можно сказать, художественность переписки: поля отлиневаны, не мыслимы ни поскобки ни помарки, бумага сшита и разрѣзана тщательнымъ образомъ; такъ и видно, что авторъ любитъ и дорожитъ своимъ дѣтищемъ!

Время для семинаристовъ распредѣлено было слѣдующимъ образомъ: 1) въ шесть часовъ вставать; 2) седьмый, по одѣяніи,—на молитву: 3) восьмый—на пріуготовленіе къ урокамъ; 4) девятый, десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый—въ классахъ; 5) первый и вторый — на отдыхъ и прогулку; 6) третій и четвертый — въ классахъ; 7) пятый, шестый, седьмый и восьмый — на домашнія упражненія, на отдыхъ, а лѣтомъ на прогулку; 8) девятый, десятый—на ужинъ, домашнія упражненія и на вечернюю молитву; 9) въ десять часовъ спать.

Для большаго развитія способностей, а главное для поощренія учениковъ Семинаріи, происходили еженедѣльно „субботнія собранія".

Въ десять часовъ утра ученики всѣхъ классовъ собирались въ аудиторію. Вскорѣ пріѣзжалъ ректоръ, и за нимъ, въ стройномъ порядкѣ, по старшинству, входили всѣ учителя; при входѣ ихъ ученики пѣли Salutamus Порядокъ субботняго собранія, который мы заимствуемъ буквально изъ архива Семинаріи, былъ слѣдующій: 1) сначала отъ богословскаго класса говорится въ залѣ собранія, съ кафедры, воскресная проповѣдь; 2) сочиненіе, которое было задано на недѣлю, съ кафедры; 3) отъ философскаго класса—подобное сочиненіе съ кафедры, перемѣняясь между собою, такъ что, ежели студентъ богословіи говорилъ по латыни, то, изъ философіи по россійски и на оборотъ; 4) отъ высшаго реторическаго класса два упражненія, бывшія на недѣлѣ; одно латинское, другое россійское, съ кафедры; 5) тоже и низшаго реторическаго; 6) изъ поэзіи русскіе и латинскіе стихи; 7) отъ высшихъ язычныхъ классовъ по сочиненію или переводу, какіе въ недѣлю были назначены и по достоинству будутъ читаны съ кафедры; а кто по собственному своему произволенію и тщательности что сочинилъ, то по разсмотрѣніи учителя, должно представлено быть для слушанія; 8) отъ синтаксимы—двумъ мальчикамъ латинскій разговоръ; отъ грамматики двумъ-же мальчикамъ изъ катехизиса вопросы; высшаго елементарнаго—двоимъ-же главу краткой священной исторіи по вопросамъ и отвѣтамъ; 9) для занятія студентовъ философіи и для повторенія студентамъ богословіи изъ положеній философскихъ—краткое изустное преніе на латинскомъ языкѣ.

Въ заключеніе объявлялись похвалы лучшимъ ученикамъ и строгій выговоръ худшимъ.

Съ 1800 года до 1804 года былъ ректоромъ Данилова монастыря архимандритъ Павелъ Предтеченскій, бывшій префектъ Московской академіи. Онъ, уже какъ видно изъ доношенія Семинарскаго правленія, относительно учителей Ельцынскаго и Виноградова, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ своего архинастыря, способ-

ствуя искорененію грубыхъ пріемовъ воспитателей. Несмотря на то, что ректоръ Павелъ былъ человѣкъ совершенно болѣзненный, онъ много заботился о благосостояніи Семинаріи; даже предъ смертію, съ трудомъ передвигая ноги и осязательно сознавая близкую кончину, онъ не переставалъ заботиться о пользѣ Семинаріи. Имѣя хорошую библіотеку и не имѣя въ числѣ своихъ наслѣдниковъ, преданныхъ наукѣ людей, онъ, въ послѣдніе дни своей жизни, просилъ епископа нѣкоторые книги самонужнѣйшія принять въ даръ Семинаріи, и нѣкоторыя купить за самую умѣренную цѣну.

Вотъ извлеченіе изъ предсмертнаго письма его къ епископу, находящагося въ архивѣ Семинаріи: „Дѣлая ежедневныя надъ собою замѣчанія, неошибаюсь кажется, что во внутренности моей глубоко уже впустила корень свой чахоточная болѣзнь и хотя не отчаеваюсь я въ Божіемъ всемогуществѣ, не больныхъ только востановляющемъ, но и мертвыхъ воскресающемъ, однако по натуральному вещей теченію, вывожу и то для себя заключеніе, что конецъ дней моихъ не далеко отстоитъ отъ меня.... И пришла мнѣ мысль, что нѣкоторые книги, въ моей библіотекѣ находящіяся, большую послѣ меня могутъ доставить пользу, ежели поступятъ въ публичное мѣсто, нежели когда перейдутъ въ руки моихъ законныхъ наслѣдниковъ“.... Остальное нами уже сказано.

Съ 1804 года до 1815 года былъ ректоромъ архимандритъ Анатолій Веселовскій изъ студентовъ Владимірской Семинаріи, получившій высшее образованіе въ Московскомъ Университетѣ. О долголѣтнемъ ректорствѣ Анатолія, Семинарскій архивъ совершенно молчитъ; но изъ разсказовъ объ немъ достопочтенныхъ старцевъ довольно ясно рисуется эта личность. Высокаго роста, полный и очень красивый, онъ былъ живаго и веселаго характера, умѣлъ себя держать какъ начальникъ; всѣ учителя находились въ строгой у него подчиненности. Онъ любилъ торжественную обстановку; ѣздилъ въ Семинарію всегда въ каретѣ, четверней. При входѣ его въ классъ ученики всегда пѣли salutamus, а при выходѣ gratias

agimus. Но несмотря на свою продолжительную службу, онъ не достигъ епископства и въ 1815 г. уволенъ былъ отъ должности ректора.

Префектомъ (инспекторомъ) при Анатоліи былъ архимандритъ Никонъ Боевскій, бывшій до монашества священникомъ въ Орловской епархіи. Когда онъ овдовѣлъ, Ксенофонтъ доставилъ ему должность префекта. Никонъ былъ совершенно неспособенъ къ должности префекта, а тѣмъ болѣе учителя Семинаріи. Его назначеніе только и могли объяснить тѣмъ, что онъ,—сотоварищъ Ксенофонта по Семинаріи,—помагалъ деньгами будущему епископу. Хотя Никонъ былъ префектомъ не болѣе двухъ лѣтъ и былъ человѣкъ добрый, но въ преданіи оставилъ незавидную о себѣ память: рыжій, низкаго роста, онъ былъ ума и образованія недальнаго; объ немъ ходили цѣлые сотни анекдотовъ въ Семинаріи; напримѣръ: онъ особенно строго и енергично вступался за пѣніе и на неисправныхъ учениковъ кричалъ: „вотъ, вотъ я всѣхъ усѣку за то, что вы не были въ предбудущую пѣвческую!“ или, разъ на урокѣ онъ задалъ такой вопросъ: какъ сказать по латыни: я сижу въ уголку? ученикъ, съ намѣреніемъ заминается и заявляетъ что незнаетъ какъ по латыни уголокъ. „Очень просто, подсказываетъ префектъ: ugunculus“!

Съ 1815 года до 1819 года былъ ректоромъ архимандритъ Іосифъ Величковскій, обучавшійся въ Московской Славяно-Латинской Академіи, впослѣдствіи епископъ Орловскій; а инспекторомъ тоже архимандритъ Іосифъ, до монашества Иванъ Алексѣевичъ Березинъ, человѣкъ очень замѣчательный, какъ инспекторъ и какъ профессоръ. Несмотря на грубое обращеніе съ учениками, онъ чрезвычайно былъ ими любимъ. Замѣчательно, что онъ, какъ инспекторъ, не столько заботился узнать не сдѣлалъ-ли ученикъ что нибудь дурное; но преимущественно раскрывать и поощрять добрыя стремленія ученика. Въ мѣсячныхъ отчетахъ о поведеніи учениковъ, онъ не ограничивался общими формальными фразами въ родѣ наприм. поведенія примѣрнаго и т. под.; нѣтъ, онъ старается

обрисовать характеръ ученика и заявить выдающійся фактъ его дѣятельности. Такъ наприм. въ его отчетѣ о поведеніи учениковъ за Февраль 1815 г. читаемъ: „ученикъ высшаго отдѣленія Иванъ Розовъ человѣколюбивъ, добръ и снисходителенъ. Квартирующій съ нимъ солдатъ укралъ у него лексиконъ и платокъ; при допросѣ въ томъ чистосердечно признался; принесъ лексиконъ и сказалъ гдѣ заложилъ платокъ. Розовъ, изъ уваженія къ его признанію, простилъ его, выкупилъ платокъ за свои деньги и ходилъ самъ просить начальника, чтобы его не наказывали". „Ѳ. Дубровскій добръ и услужливъ. 3-го Января поставленнаго съ нимъ въ одну квартиру ратника, не имѣвшаго ни куска хлѣба, для утоленія голода, по добродушію своему, накормилъ своимъ хлѣбомъ, несмотря на то, что и самъ имѣетъ его не съ избыткомъ". Вотъ отмѣтки инспектора о дурномъ ученикѣ: „Василій Конаровскій недобросовѣстенъ и вздоренъ. 31-го Января, выпивъ два стакана сбитню, сперва отрѣкался заплатить за нихъ по недостатку денегъ, а потомъ съ клятвою утверждалъ, что онъ и совсѣмъ непилъ сбитню; а послѣ, по сему-же случаю завелъ шумъ и ссору съ товарищами, его укорявшими за сіе"....

Вотъ почему ученики уважали и любили его до высшей степени; даже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Іосифа, они воспоминали его, посвящая памяти его различныя стихотворенія. Этотъ любимый всѣми профессоръ и инспекторъ умеръ въ 1817 году; объ его замѣчательномъ погребеніи сказано будетъ впослѣдствіи.

Въ 1819 году ректоръ Іосифъ вызванъ былъ на череду въ С.-Петербургъ, его мѣсто занялъ ректоръ Павелъ, окончившій курсъ въ 1814 году въ С.-Петербургской Духовной Академіи кандидатомъ и возведенный въ 1830 году въ санъ Костромскаго епископа. Онъ былъ особенно преданъ Семинаріи; помогалъ бѣднымъ ученикамъ въ ихъ содержаніи, ежемѣсячно жертвовалъ на больницу Семинарскую отъ 5 до 15 рублей, такъ что главнымъ образомъ на его деньги покупались лекарства ученикамъ. Ученики часто обращались къ нему за со-

вѣтами; и онъ, хорошо зная каждаго изъ нихъ характеръ, никогда не отказывался дать имъ добрый совѣтъ. „Замѣчательно, разсказывалъ намъ о немъ прот. Я. В. М., что мы его любили и очень боялись, не смотря на то, что онъ никогда не прибѣгалъ къ наказаніямъ, никогда ученики не слыхали отъ него бранныхъ и угрозительныхъ словъ: вотъ если ударитъ бывало пальцемъ по столу, ну, бѣда,—весь классъ смущался духомъ....“ Имѣя очень добрый и мягкій характеръ онъ снисходилъ до того, что защищалъ учениковъ предъ очень строгимъ инспекторомъ; ободрялъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда инспекторъ слишкомъ усиливалъ свои строгости: „Не печалься, говорилъ онъ обиженному инспекторомъ ученику; вотъ я поговорю съ нимъ; я вѣдь знаю, что ты мальчикъ хорошій!“

Въ его время былъ инспекторомъ Семинаріи Аляндинъ, изъ Владимірскихъ семинаристовъ, окончившій въ 1818 году курсъ въ Московской Духовной Академіи магистромъ (*). Онъ, благодаря благодушію ректора Павла и своей исправности по службѣ, очень самостоятельно дѣйствовалъ въ Семинаріи. Деспотичный и грубый, онъ притомъ держался макіавеліевской системы: сбить ученика на пустую, перетолковать его показанія въ свою пользу и т. п. онъ считалъ за позволительное; по этому ученики съ своей стороны никогда не признавались въ проступкахъ и всегда старались „провести его“. Притомъ, въ то время, какъ епископъ и ректоръ обращались съ учениками ласково и снисходительно, Аляндинъ часто употреблялъ въ обращеніи съ ними непечатныя выраженія, позволялъ себѣ бить по лицу и таскать за волосы даже старшихъ. Въ концѣ же своего инспекторства, онъ даже хотѣлъ учинять секуціи надъ философами и богословами; но встрѣтилъ чрезвычайный протестъ отъ Невскаго и Дербскаго(**).

(*) Впослѣдствіи былъ онъ епископъ Тобольскій.

(**) Дербскій, какъ мы слышали, впослѣдстіи былъ знаменитымъ докторомъ въ Одессѣ; а Невскій долгое время, по окончаніи курса, проживалъ у раскольниковъ.

Неудобно разсказывать въ подробности эту интересную исторію; хотя здѣсь и не было дурныхъ и вредныхъ послѣдствій для инспектора, и хотя протестъ ихъ имѣлъ только угрожающій характеръ. Но при всемъ томъ, Владимірская Семинарія, съ благодарностію должна помнить значительную для нея заслугу, оказанную Алявдинымъ: единственно, благодаря ему, открыта была въ 1823 году больница при Семинаріи, на деньги собираемыя частнымъ образомъ,—на деньги не казенныя. Первымъ докторомъ Семинаріи былъ Ланге, взявшій безмездно на себя эту обязанность.

Въ 1830 году Ректоръ Павелъ назначенъ былъ въ Кострому епископомъ, и на его мѣсто опредѣленъ Неофитъ Соснинъ. Неофитъ былъ очень дѣятельный человѣкъ; главное вниманіе онъ обратилъ на ученическія сочиненія. Каждую недѣлю учителя представляли ему сочиненія учениковъ, выдающіяся достоинствомъ, или недостаткомъ. Успѣвающій ученикъ могъ почти безнаказанно пропускать лекціи; да и вообще первыхъ учениковъ онъ, какъ профессоръ, спрашивалъ разъ или два въ годъ; первые ученики отвѣчали только на такъ называемыя „возраженія". Строгій къ посредственнымъ ученикамъ, Неофитъ прощалъ способнымъ даже грубыя шутки. Такъ наприм. ученикъ Потѣхинъ, впослѣдствіи кандидатъ Университета, извѣстенъ былъ въ Семинаріи, какъ талантливый поэтъ - комикъ. Онъ, совершенно не имѣя личной непріязни противъ ректора, написалъ на него довольно рѣзкую эпиграмму, которая сдѣлалась извѣстна ректору, и за которую не послѣдовало ни малѣйшаго наказанія; Неофитъ даже, говорятъ, прочиталъ ее и отъ души посмѣялся.

Здѣсь нѣкто ректоръ есть Соснинъ;

Напрасно сосны пострадали. и т. д.

Послѣ Неофита, долгое время былъ ректоромъ братъ его Поликарпъ, бывшій священникъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, не получившій академическаго образованія. Онъ былъ ректоромъ, такъ сказать номинальнымъ, и должность эту получилъ благодаря протекціи графини Орловой. На экзаменахъ онъ былъ иногда

даже смѣшенъ. Такъ напримѣръ, одинъ молодой профессоръ нашелъ болѣе раціональнымъ—прежде нежели преподавать логику, пройти психологію. Ректоръ объ этомъ или не зналъ, или забылъ. Послѣ экзамена, по психологіи, онъ сказалъ профессору: „У васъ ученики очень хорошо усвоили логику,—благодарю васъ“.

Преподаватели за первое десятилѣтіе настоящаго столѣтія были слѣдующіе:

Іером. Анатолій, Козьма Лебедевъ, Гавріилъ Былинскій, Иванъ Гурьевъ, іером. Платонъ, Иванъ Добротворскій, Павелъ Смирновъ, Иванъ Березинъ, Никита Безсоновъ, свящ. Василій Числовскій, свящ. Александръ Виноградовъ, свящ. Иванъ Савеловъ, Антоній Кудрявцевъ.

За второе десятилѣтіе: кандидатъ Петръ Подлипскій, кандидатъ Петръ Туберовскій, кандидатъ Алексѣй Ильинскій.

За третіе десятилѣтіе: маг. Козьма Успенскій, маг. Михаилъ Пѣвницкій, маг. Петръ Богословскій, кандидатъ свящ. Василій Цвѣтковъ, маг. Михаилъ Лебедевъ, маг. Иванъ Сиротинскій, маг. Иванъ Смирновъ, маг. Иванъ Остроумовъ, маг. іером. Савва, маг. іером. Агапитъ, маг. Василій Рождественскій, кандидатъ Егоръ Борисоглѣбскій, учитель Иванъ Предтеченскій, прот. Владиміръ Целебровскій, кандидатъ Левитскій.

За четвертое десятилѣтіе: инспекторъ маг. Израиль, инспекторъ маг. Митрофанъ (Добронадеждинъ), профессоръ Яковъ Васильевичъ Миловскій, Василій Ѳ. Романовскій.

Въ 1840 году составъ преподавателей былъ слѣдующій: профессоръ богословіи іером. Рафаилъ Шипулинскій, профессоръ богословіи іером. Ѳеимій Бѣликовъ, профессоръ философіи Ѳедоръ Михайловичъ Надеждинъ, профессоръ философіи Матвѣй Ивановичъ Соколовъ, профессоръ словесности Иванъ Ивановичъ Лилѣевъ, профессоръ словесности Иванъ Никифоровичъ Солярскій, профессоръ словесности Василій Ивановичъ Миловидовъ, профессоръ математики Ал. Васильевичъ Восторговъ, учитель богословіи іером. Діони-

9*

сій, учит. словесности Михаилъ Майевскій, учит. всеобщей исторіи и греческаго языка Василій Өедоровичъ Романовскій, учит. всеобщей исторіи и французскаго языка Михаилъ Якимовичъ Смирновъ, учит. церковной исторіи и греческаго языка Григорій Евѳ. Вознесенскій, учит. математики и греческаго языка Павелъ Абрамовичъ Прудентовъ, учит. математики и греческаго языка Іосифъ Трофимовичъ Сердцевъ, учит. греческаго и нѣмецкаго языка Афанасій Николаевичъ Яковлевскій, учит. всеобщей исторіи и французскаго языка Михаилъ Минычъ Никольскій, учит. церковной литургики и Еврейскаго языка Александръ Афанасьевичъ Кохомскій, учит. библійской исторіи Василій Емельяновичъ Богородицкій, учит. библійской исторіи и священнаго писанія Алексѣй Васильевичъ Миртовъ.

ГЛАВА XIII.

«Преобразованіе Семинаріи. Ревизіи. Способы содержанія. Списокъ семинаристовъ, поступившихъ въ высшія учебныя заведенія.

Первое преобразованіе Владимірской Семинаріи совершилось 1-го Ноября 1814 года съ особенною торжественностію. Всѣ учащіе и учащіеся собрались въ домовую Архіерейскую церковь, гдѣ совершена была литургія самимъ епископомъ, во время которой сказана была рѣчь учителемъ Семинаріи Савеловымъ. По окончаніи литургіи, совершенъ былъ крестный ходъ со святыми иконами, при звонѣ колоколовъ, изъ Архіерейскаго монастыря въ Семинарскій корпусъ. При входѣ епископа въ Семинарскую залу, всѣ ученики пропѣли пасхальный стихъ: Возведи окрестъ очи твои Сіоне и виждь.... По совершеніи молебна и по возглашеніи многолѣтія, учениками читаны были рѣчи и стихи, приличные торжеству.

Въ слѣдующемъ 1815 году Владимірская Семинарія была обревизована Филаретомъ, ректоромъ С.-Петербургской Академіи (*).

(*) Впослѣдствіи Митрополитъ Московскій.

Къ сожалѣнію въ архивѣ Владимірской Семинаріи не находится никакихъ матеріаловъ относительно этого предмета. Есть только одно предупрежденіе о пріѣздѣ на ревизію Филарета: „Правленіе Московской Духовной Академіи симъ предписываетъ: 1-е, Владимірской Семинаріи быть готовой въ началѣ Іюля мѣсяца, и 2-е, поелику ревизоръ осмотритъ такъ-же и уѣздныя училища, находящіяся при Семинаріи, кои ему встрѣтятся на пути проѣзда, то, для готовности къ обозрѣнію подвѣдомственныхъ Семинаріи училищъ, Семинарское Правленіе неоставитъ сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе“.

Не имѣя оффиціальныхъ данныхъ, мы обратились къ живому преданію. Еще, слава Богу, немало во Владимірской епархіи почтеннѣйшихъ старцевъ, которые были сами очевидцами ревизіи. А между тѣмъ не рѣдко бываетъ, что слово преданія живѣе характеризуетъ извѣстное произшествіе, чѣмъ многіе оффиціальные документы. Одно слово ревизоръ, и особенно въ то время, пугало учениковъ, а еще болѣе начальства и наставниковъ; да и немудрено: ревизоровъ прежде невидали, а о Филаретѣ уже и тогда составилось высокое понятіе: „Это человѣкъ—сила; онъ только взглянулъ на кого—все понялъ, все знаетъ,—это человѣкъ особенный, высокій“. Вотъ съ какими мыслями ожидали во Владимірской епархіи ревизора Филарета! Вечеромъ, на 6-е Іюля, пріѣхалъ во Владиміръ ревизоръ Филаретъ, и остановился въ архіерейскомъ домѣ. Нечего, конечно, и говорить, что объ его прибытіи съ быстротою молніи вѣсть прилѣтела въ Семинарію. Семинарія уже съ восхода солнца была въ хлопотахъ. Пронеслась молва, что ревизоръ пріѣдетъ въ Семинарію въ 10 час. утра; и чѣмъ ближе былъ этотъ срокъ, тѣмъ чаще повторялись вопросы: сколько часовъ,—тѣмъ безпокойнѣе чувствовали себя семинаристы. Экономъ Семинаріи, іеромонахъ Никодимъ, растерялся до такой степени, что полами своей рясы помогалъ служителямъ мести Семинарскій дворъ. „Что вы дѣлаете, о. экономъ, усмѣхаясь спрашивали его семинаристы?

„Полноте, полноте, отвѣчалъ онъ,—скорѣе надо мести.... Ревизоръ...(*)".

Ревизоръ явился прежде въ высшее отдѣленіе Семинаріи. Здѣсь онъ пробылъ три слишкомъ часа. Сперва слушалъ лекцію учителя Семинаріи и вмѣстѣ ректора Іосифа, а потомъ экзаменовалъ учениковъ. О. ректоръ, между прочимъ объяснялъ текстъ священнаго писанія: „еда о волѣхъ радитъ Богъ"; лекція ректора и пріемы преподаванія весьма понравились ревизору, такъ что онъ тутъ-же поздравилъ его профессоромъ. Вотъ до какой степени силенъ былъ Филаретъ уже и въ то время! Не сносясь съ коммиссіею духовныхъ училищъ, онъ прямо поздравляетъ о. ректора профессоромъ!—Ученикамъ предлагались и со стороны ректора, и особенно ревизора многообразныя богословскія возраженія, и каждый удачный отвѣтъ такъ радовалъ ревизора, что ученики, замѣтивъ это, пріободрились, „и на душѣ у всѣхъ насъ стало легко и пріятно". По окончаніи перваго испытанія, говору семинаристовъ не было конца: одного изъ учениковъ высшаго отдѣленія, болѣе другихъ отличавшагося рѣшеніями возраженій, тутъ-же прозвали: unus pro omnibus.

Ученики философскаго отдѣленія ожидали къ себѣ на испытаніе Филарета въ слѣдующій день. Они нестолько страшились его, сколько горѣли желаніемъ своими отвѣтами угодить такому умнѣйшему и добрѣйшему ревизору. Испытаніе въ философскомъ отдѣленіи было также продолжительно. Нѣкоторыя возраженія философскія были такъ глубоки и новы, что нетолько лучшіе и остроумнѣйшіе ученики немогли рѣшить, но даже самъ учитель филисофіи Березинъ затруднялся ихъ рѣшеніемъ. Березинъ былъ одинъ изъ лучшихъ и трудолюбивыхъ учителей Семинаріи; и онъ также, послѣ

(*) Экономъ Семинаріи заслужилъ большое одобреніе отъ ревизора. По рекомендаціи ревизора, преосвященный Ксенофонтъ въ слѣдующемъ-же году опредѣлилъ его ректоромъ Муромскаго училища, а вскорѣ посвятилъ въ архимандрита Боголюбовскаго монастыря; а наконецъ онъ былъ епископомъ Орловскимъ.

испытанія поздравленъ былъ Филаретомъ профессоромъ. Бойкій и остроумный отвѣтъ ученика тотчасъ-же удостоивался похвалы: „дѣльно, коротко и основательно,“ говорилъ при этомъ ревизоръ. Скоро ученики такъ ободрились, что одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ даже съострить. Когда, задавъ возраженіе ученику, ревизоръ не получалъ отъ него отвѣта, онъ всегда обращался за рѣшеніемъ къ другимъ ученикамъ и, указывая на одного, говорилъ: „ты что можешъ сказать“? Если ученикъ молчалъ, ревизоръ, указывая на слѣдующаго, говорилъ: „seqvens“ (слѣдующій), пока кто-либо не отвѣчалъ. И вотъ предложенъ былъ довольно трудный философскій вопросъ и ревизоръ уже нѣсколько разъ повторялъ: seqvens. Никто неотвѣчалъ. „Какъ-же вы не понимаете! Хоть-бы слово кто сказалъ“! Сдѣлавъ это замѣчаніе, ревизоръ опять продолжалъ добиваться отвѣта: seqvens... «Seqventem», сказалъ одинъ рослый философъ. Ревизоръ немогъ не улыбнуться и самъ разрѣшилъ вопросъ.

Въ отдѣленіи реторики испытаніе шло не очень удачно. Эта неудача послѣдовала отъ того, что учитель очень оробѣлъ и растерялся. Когда ревизоръ взошелъ въ классъ, въ сопровожденіи ректора, инспектора и прочихъ учителей Семинаріи, прошла уже не одна минута молчанія; учитель реторики стоялъ глядя то на ревизора, то на ректора и незналъ что дѣлать. Наконецъ ревизоръ обратился къ нему: „спросите учениковъ, дайте какой-нибудь вопросъ“. Rhetorica qvid? спросилъ оробѣвшій учитель. Ученикъ отвѣчалъ отрывисто и неосновательно. „Каковъ вопросъ, таковъ и отвѣтъ“ замѣтилъ ревизоръ. „Извините мою неопытность“, кланяясь проговорилъ учитель.

Пришедши въ высшее отдѣленіе училища, Филаретъ сталъ у каѳедры и спросилъ учителя латинскаго языка(*): „Какого автора переводите“? Корнелія Непота. Начали переводить первую гла-

(*) Учителемъ латинскаго языка и вмѣстѣ инспекторомъ былъ Егоръ Ѳ. Ан—ій.

ву изъ жизнеописанія Милтіада. Дошли до выраженія: cives non solum de eo bene sperare, sed etiam confidere poterant.... Ученикъ первыя слова перевелъ: „хорошо могли надѣяться". „Не такъ, не по русски", сказалъ ревизоръ и обратился къ преподавателю. Тотъ упорно глядѣлъ въ книгу, но ни слова не отвѣчалъ. Послѣ этого ревизоръ обратился къ учителямъ Семинаріи съ тѣмъже вопросомъ. Ни кто недалъ удовлетворительнаго отвѣта. „Все это не такъ: bene sperare значитъ имѣть хорошую надежду", сказалъ Филаретъ. Между тѣмъ, преподаватель латинскаго языка, какъ всѣмъ было замѣтно, окончательно растерялся. По этому смотритель училища, іеромонахъ Аркадій (впослѣдствіи Олонецкій архіепископъ), видя что дѣло идетъ плохо, взялъ катихизисъ Платона и началъ читать первый членъ символа вѣры, учениковъ-же заставилъ переводить на латинскій языкъ. Переводъ съ русскаго на латинскій языкъ шелъ очень удачно.

Въ прочихъ классахъ училища, ревизоръ не дѣлалъ испытаній, а только обозрѣлъ классы.

Кончилась ревизія, и всѣ убѣждены были, что Владимірской Семинаріей ревизоръ вообще остался доволенъ.

Въ 1833 году, ревизоромъ былъ архимандритъ Платонъ. Вслѣдствіе его ревизіи было опредѣлено: „вмѣнить наставникамъ философіи Лебедеву, словесности Сиротинскому, математики Левитскому усугубить труды ихъ въ образованіи юношества. „Достойными одобрѣнія оказались": по классу философіи Борисоглѣбскій и Миловскій, математики—Предтеченскій.

Въ 1839 г., ревизоромъ былъ архимандритъ Филаретъ. Вслѣдствіе этой ревизіи было поставлено Семинарскому правленію на видъ: 1) неудовлетворительные отвѣты и сравнительно большое число неудовлетворительныхъ сочиненій первыхъ отдѣленій богословіи и философіи, съ тѣмъ, чтобы оно внушило наставникамъ сихъ отдѣленій имѣть болѣе вниманія къ обязанностямъ учащихъ и учащихся; 2) ревизоромъ замѣчено, что ученики очень часто не ходятъ

въ классъ, нѣкоторые даже по 25 дней въ мѣсяцъ; 3) Семинарское правленіе не должно измѣнять своихъ опредѣленій, скрѣпленныхъ подписью членовъ и утвержденныхъ архіепископомъ; 4) должно болѣе заботиться о чистотѣ по дому и кухнѣ и о томъ, чтобы хлѣбъ для учениковъ лучше былъ приготовляемъ; 5) объявить благодарность его сіятельства(*) учителямъ Семинаріи: іеромонаху Рафаилу, іеромонаху Діонисію, Василію Миловидову, Ивану Солярскому, М. Маіевскому, Александру Восторгову и Афонасію Яковлевскому.

До перваго преобразованія Семинаріи, послѣдовавшаго въ 1814 г. Владимірская Семинарія, подобно большинству другихъ Семинарій, главное содержаніе получала изъ средствъ епархіальныхъ. Изъ дѣлъ Семинарскаго архива видно, что напримѣръ въ 1806 г. на Владимірскую Семинарію правительствомъ отпускалось 4000 руб. въ годъ. По этому жалованье начальствующимъ и наставникамъ было очень скудное; но оно постепенно увеличивалось и вмѣстѣ увеличивалось и число казеннокоштныхъ учениковъ.

Въ 1800 году третное жалованье было слѣдующее: ректору 66 руб. 66 коп., префекту 60 руб., учителямъ философіи по 60 руб., учителямъ реторики по 33 руб. 33 коп., учителямъ грамматическаго класса по 30 руб.

Въ 1803 году всѣхъ учениковъ во Владимірской Семинаріи было 1148, а казеннокоштныхъ только 24, и на каждаго изъ нихъ полагалось въ годъ 60 руб. Чрезъ три года, въ 1806 году, на казенномъ содержаніи было уже 65 учениковъ.

Въ 1811 году, изъ 1500 учениковъ казеннымъ пособіемъ пользовались 127.

Въ 1809 году служащимъ при Семинаріи послѣдовало хотя и очень незначительное увеличеніе жалованья. Ректору (за треть) 73 руб. 73 коп., префекту 61 руб. 66 коп., учителямъ философіи

(*) Въ подлинникѣ даже необозначено имени и фамиліи его сіятельства!!!

фіи по 80 руб. 77 коп., реторики по 53 руб. 33 коп., учителямъ поэзіи по 46 рублей 67 коп., низшій окладъ учительскій: 33 руб. 33 коп.(*)

Въ 1814 году Коммиссіею Духовныхъ Училищъ опредѣлено 8000 руб. на содержаніе учениковъ, полагая по 80 руб. на каждаго. Въ 1818 году, на содержаніе Владимірской Семинаріи (въ томъ числѣ на уѣздное училище 600 руб. и приходское училище 237 руб. 50 коп.), за первую половину года 10,875 руб.

Въ 1821 году послѣдовало еще значительное увеличеніе содержанія Семинаріи: 28,987 руб. 50 коп. въ годъ.

Вотъ „росписаніе“, учиненное на 1804 годъ для пятнадцати казеннокоштныхъ учениковъ.

Муки ржаной на печеніе хлѣба и прибавку къ солоду въ квасъ: 178 пуд. 5 фунт., на 106 руб. 87 коп.;—крупы 8 четверт. и 7 четвер. съ четвертью, на 57 руб.;—солоду на квасъ 74 пуда съ четвертью, на 11 руб. 40 коп.;—соли 10 пудовъ 27 фунт., на 4 руб. 27 коп.;—муки пшеничной на подправку щей и для печенія въ праздничные дни булокъ 14 пуд. 10 фунт., на 14 р. 25 коп.;—луку 15 четвериковъ, на 6 руб.;—капусты 45 вед., на 9 руб.;—масла коровьяго 4 пуда, на 25 руб. 50 коп.;—масла постнаго 7 1/2 пуд., на 30 руб.;—говядины 15 пуд., на 24 руб.;—рыбы 11 пуд., на 25 руб.;—за мытье бѣлья 20 р.—Итого на провизію 336 рублей. Бумаги бѣлой 1 1/2 стопы, на 6 руб. 30 коп.;—серой 1 1/2 стопы, на 4 рубля 20 коп.;—на сургучъ 2 руб. 80 коп.;—свѣчъ 2 пуда, на 11 руб.;—чернилъ и перьевъ, на 1 руб.;—дровъ, на 125 руб.;—на починки 140 рублей;—на посуду 25 руб.—Для 10 человѣкъ платья и обуви въ годъ: тулупы старые;—10 халатовъ изъ пестряди 34 руб.;—10 шапокъ, на 15 руб.;—10 шляпъ, на 20 руб.;—10 кушаковъ,

(*) Надо замѣтить, что распредѣленіе жалованья зависѣло отъ епископа; епископъ-же почти не увеличиваетъ жалованье ректору и префекту потому, что они были настоятелями монастырей.

на 10 руб.;—по двѣ бахилы каждому, на 16 руб.;—каждому по однимъ шерстянымъ чулкамъ, на 6 руб.;—по рукавицамъ съ варишками, на 6 руб.;—по три рубашки, по три портки, на 54 р.;—каждому по одному аршину новины для косынокъ, на 2 руб.;—на починку всѣмъ платья и обуви въ годъ 20 р.—Итого 184 р.

Мѣстныя епархіальныя средства содержанія учениковъ и отчасти учителей были слѣдующія:

Главное изъ нихъ—закрѣпленіе за учениками мѣстъ священно-церковно-служительскихъ. По усмотрѣнію епископа, вновь поступающій на мѣсто, (конечно не всякій) обязывался отдавать извѣстную,—бóльшею частію половинную долю,—на содержаніе одного изъ семинаристовъ; дьяческія мѣста доставляли содержаніе ученикамъ низшихъ классовъ, діаконскія и священническія—студентамъ Семинаріи, а иногда учителямъ училища. Конечно это было обременительно для духовенства, но однако изъ дѣлъ Семинарскаго архива видно, что большею частію мѣста закрѣплялись за бездѣтными. Сперва сами ученики, которымъ предоставлены были извѣстныя мѣста, заключали условія; но когда по этому случаю стали часто повторяться ссоры и тяжбы, то начальство опредѣлило приблизительную уже сумму: за священническое мѣсто платили въ годъ отъ 25 руб. до 35 руб.; за діаконское отъ 12 руб. до 30 руб.; за дьяческое отъ 10 до 15 руб. Священно-служительскія мѣста доставляли, въ началѣ настоящаго столѣтія, значительно бóльшія средства содержанія семинаристовъ, сравнительно съ казеннымъ пособіемъ. Въ 1803 году казеннокоштныхъ было 24 ученика, а обезпеченныхъ мѣстами 87 учениковъ.

Кромѣ этаго на содержаніе семинаристовъ, какъ было уже сказано, не мало жертвовалъ изъ собственныхъ суммъ епископъ Ксенофонтъ; не мало собиралось имъ по подпискѣ на общественныхъ обѣдахъ, на публичныхъ экзаменахъ, при обозрѣніи епархіи и т. д. Конечно это были суммы неопредѣленныя; но тѣмъ не менѣе довольно значительныя.

Въ 1811 году открытъ былъ еще новый способъ къ увеличенію содержанія Семинаріи: сборъ съ вѣнчиковъ и съ разрѣшительныхъ листовъ. Въ 1811 году во Владимірской епархіи собрано: 1193 руб. 82 коп.; въ 1812 году 3323 руб. 38 коп.; въ 1813 году 3156 руб. 26 коп.; въ 1814 году 2515 руб. 27 коп. Наконецъ каждый монастырь отпускалъ значительную долю своихъ доходовъ на Семинарію. Напримѣръ: Даниловъ монастырь, сравнительно очень бѣдный, каждогодно жертвовалъ 120 руб.; а всего на Семинарію съ монастырей, напримѣръ въ 1816 году, собрано было 3567 руб. Ежегодно на бѣдныхъ семинаристовъ добровольно жертвовало и бѣлое духовенство. Съ 15 селъ, среднимъ числомъ собиралось 20 руб.; священникъ среднимъ числомъ жертвовалъ 50 коп., діаконъ 30 коп., дьячекъ 15 коп.

Владимірскіе семинаристы, поступившіе въ высшія учебныя заведенія съ 1800 г. по 1840 годъ (*):

1800 года въ Лаврскую Семинарію: Яковъ Ельцынскій, Лекторскій. Въ Медицинскую Коллегію: Василій Щедрицкій, Василій Виноградовъ и Тимофей Соколовъ.

1801 года въ Лаврскую Семинарію: Сила Альбицкій и Николай Сперанскій.

1802 года въ отдѣленіе Московской Медицинской Академіи: Григорій Соколовъ.

1803 года въ Лаврскую Семинарію: Ник. Оранскій. Въ Медицинскую Академію: Андрей Виноградовъ, Матвѣй Воскресенскій. Во вновь открываемое для образованія учителей въ С.-Петербургѣ училище (Педагогическій Институтъ): Гаврило Потаклинскій, Григорій Никольскій, Афанасій Алякринскій, Иванъ Любимовъ, Иванъ

(*) Въ семъ реэстрѣ въ нѣкоторыхъ годахъ не обозначены поступившіе, не по одному только тому, что въ это время не было поступившихъ, а потому, что мы не могли найти въ Семинарскомъ архивѣ ихъ фамилій.

Егорьевскій, Алексѣй Семеновскій, Николай Оранскій, Петръ Бѣльскій и Григорій Орловъ.

1804 года...—

1805 года...—

1806 года въ Медицинскую Академію: Гавріилъ Спасскій, Тихонъ Добронравовъ, Павелъ Орловъ, Иванъ Дроздовъ, Александръ Пѣвницкій, Михаилъ Бѣляевъ, Павелъ Озерцковскій, Иванъ Робаровскій, Степанъ Александровскій и Василій Бѣлинъ. Въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ: Иванъ Борисоглѣбскій, Мокѣй Алѣевъ, Петръ Никитскій, Василій Нарбековъ, Ѳеимъ Гурьевъ, Дмитрій Ильинскій, Василій Добросердовъ, Михаилъ Медушевскій, Тимофѣй Романовскій, Левъ Талицкій, Евдокимъ Лилѣевъ, Егоръ Деомидовскій, Ѳедоръ Сбоевъ, Михаилъ Ѳедоровскій, Николай Константиновскій, Николай Транквилевскій, Семенъ Флоринскій, Иванъ Левитскій, Феофилактъ Малиновскій(*), Дмитрій Ненашевскій, Василій Сапоровскій, Василій Холуйскій, Иванъ Борисоглѣбскій, Григорій Соловьевъ, Иванъ Виноградовъ, Петръ Щегольковъ, Матвей Левинскій, Андрей Самаринскій, Иванъ Удальцовъ, Василій Орловъ, Якимъ Авдаковъ, Николай Соколовъ, Петръ Взоровъ и Андрей Пигменевъ.

1807 года въ Троицко-Лаврскую Семинарію: Егоръ Лебедевъ, Ѳедоръ Тихонравовъ, Петръ Туберовскій и Егоръ Аменицкій.

1808 года въ Медицинскую Академію: Иванъ Сервицкій, Иванъ Гусевъ, Михаилъ Сперанскій, Климъ Скворцовъ, Григорій Соколовъ, Иванъ Лебедевъ, Андрей Добродѣевъ, Кузьма Шеметовъ, Петръ Аристовъ, Иванъ Егорьевскій, Ѳедоръ Туберовскій. Въ Педагогическій Институтъ: Петръ Веселовскій и Петръ Туберовскій. Въ С.-Петербургскую Духовную Академію четверо; фамиліи ихъ въ архивѣ Сименарскаго правленія не обозначены.

1809 года въ Лаврскую Духовную Семинарію: Иванъ Савеловъ, Иванъ Тихоміровъ, Иванъ Алякринскій, Ѳ. Тихонравовъ. Въ Ме-

(*) Впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

дицинскую Академію девять: четыре студента и пять учиковъ; фамиліи ихъ неизвѣстны (1).

1810 въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Петръ Подлипскій (2), Петръ Туберовскій, Алексѣй Ильинскій и Иванъ Недешевъ (3).

1811 года въ Медицинскую Академію (по ветеринарной части): Василій Вороновъ, Гавріилъ Клязьмогорскій, Петръ Ключаревъ, Ѳома Судогодскій, Алексѣй Любимовъ, Аника Побѣдинъ и Яковъ Поздпѣевъ.

1812 года въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію: Андрей Чижевъ, Иванъ Цвѣтковъ, Степанъ Смирновъ, Авксентій Красовскій, Иванъ Елпидинскій и Тихонъ Подобѣдовъ.

1813 года въ С.-Петерсургскую Медицинскую Академію требовалось пять учениковъ; но фамиліи поступившихъ намъ неизвѣстны.

1814 года въ Московскую Духовную Академію: Александръ Тумскій (4), Павелъ Березинъ и Василій Алявдинъ (5).

1815 года...—

1816 года въ Московскую Духовную Академію: Семеновъ, Михаилъ Пѣвницкій, Алексѣй Алексинскій, Тихонъ Талантовъ и Василій Цвѣтковъ.

1817 года въ Педагогическій Институтъ: Иванъ Грацилевскій, Василій Елпатьевскій (6), Иванъ Залѣтинъ, Василій Покровскій

(1) Замѣчательно, что въ 1809 году изъ Духовныхъ Академій и Семинарій требовалось 120 человѣкъ, но коммиссія Духовныхъ Училищъ нашла возможнымъ уволить въ Медицинскую Академію только 50 человѣкъ, а остальныхъ 70 человѣкъ предположено было ею дополнить изъ риторическаго класса. Такимъ образомъ, изъ риторики, т. е. перваго класса Владимірской Семинаріи, въ Медицинскую Академію въ 1809 году поступило пять человѣкъ.

(2) Впослѣдствіи Архіепископъ Черниговскій.

(3) Протоіерей и законоучитель С.-Петербургскаго Смольнаго монастыря.

(4) Московской Духовной Академіи профессоръ.

(5) Впослѣдствіи епископъ Тобольскій.

(6) Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

и Иванъ Руберовскій. Въ С.-Петербургскую Духовную Академію: шесть человѣкъ; фамиліи ихъ неизвѣстны.

1818 года въ Московскую Духовную Академію; Иванъ Остроумовъ (1), Иванъ Тумскій, Алексѣй Нарбековъ, Алексѣй Вигилянскій и Иванъ Якиманскій.

1819 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Ксенофонтъ Делекторскій (2) и Евдокимъ Звѣревъ.

1820 года въ Московскую Духовную Академію: Иванъ Збоевъ, Дмитрій Горскій (3), Владиміръ Целебровскій, Алексѣй Сокольскій. Въ Медицинскую Московскую Академію: Егоръ Лавровъ, Иванъ Минервинъ, Ѳ. Холуйскій, Петръ Покровскій, Василій Недоростовъ и Иванъ Адамовъ.

1821 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Максимъ Лебедевъ, Зиновій Орловъ, Иванъ Сиротинскій, Ефимъ Добротворскій (4). Въ Московскую Медицинскую Академію: Константинъ Громовъ (5), Петръ Заболотскій, Ефимъ Розовъ, Иванъ Бѣлоцвѣтовъ, Александръ Любимовъ, Иванъ Добродѣевъ, Яковъ Преображенскій.

1822 года въ Московскую Духовную Академію: Андрей Бутѣневъ, Леонтій Тихонравовъ, Павелъ Беневоленскій (6), Иванъ Рождественскій (7). въ Московскую Медицинскую Академію: Иванъ Ѳоминскій, Николай Златоустовъ.

1823 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Василій Богословскій (8), Иванъ Соколовъ, Иванъ Доброхотовъ, Григорій

(1) Иванъ Петровичъ Остроумовъ, бывшій ректоръ Владимірскаго училища, пользовавшійся отъ всѣхъ глубокимъ уваженіемъ.

(2) Ксенофонтъ Ивановичъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи.

(3) Каѳедральный протоіерей Тамбовскаго собора.

(4) Евгеній епископъ Смоленскій.

(5) Константинъ Ивановичъ Громовъ знаменитый С.-Петербургскій докторъ, оставившій стипендію на лучшаго ученика Владимірской Семинаріи.

(6) Протоіерей Московскій.

(7) Протоіерей Московскій.

(8) Каѳедральный протоіерей Новогородскій.

Добротворскій. Въ Московскую Медицинскую Академію: Иванъ Благовѣщенскій, Иванъ Подлипскій.

1824 года въ Московскую Духовную Академію: Иванъ Дебрскій, Василій Романовскій, Яковъ Альбицкій, Павелъ Туберовскій. Въ Московскую Медицинскую Академію: Павелъ Казанскій, Гавріилъ Сергіевскій, Арсеній Парвицкій, Θедоръ Товаровъ, Семенъ Кохомскій, Иванъ Свѣтаевъ.

1825 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Александръ Удальцовъ, Павелъ Солярскій (*), Василій Тихонравовъ, Петръ Солярскій. Въ Московскій Медицинскій Институтъ: Василій Бѣльскій, Дмитрій Кандидовъ, Иванъ Успенскій, Θ. Соколовъ, Николай Лебедевъ, Михаилъ Солярскій, Тимофей Добровольскій и Калліопинъ (**).

1826 года въ Московскую Духовную Академію: Яковъ Владыкинъ, Егоръ Борисоглѣбскій, Михаилъ Преображенскій, Михаилъ Смирновъ, Яковъ Миловскій(***).

1827 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Михаилъ Богословскій(****), Иванъ Остроумовъ, Андрей Беневоленскій. Въ Московскую Медицинскую Академію: Василій Прозинъ, Николай Доброхотовъ, Матвѣй Богдановъ, Василій Главинскій, Николай Богословскій, Яковъ Громовъ, Козьма Богословскій, Гавріилъ Орловъ, Павелъ Чижевъ, Алексѣй Удальцовъ, Василій Свѣтиковъ, Василій Сперанскій, Иванъ Лыковскій, Петръ Залѣтаевъ, Θ. Миловидовъ. Въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію: Иванъ Соловьевъ, Θ. Цвѣтковъ, Василій Воскресенскій, Иванъ Покровскій, Никифоръ Добродуминъ, Никоноръ Миноглядовъ, Андрей

(*) Павелъ Θ. Солярскій профессоръ богословіи при С.-Петербургскомъ Университетѣ.

(**) Замѣчательный докторъ, состоявшій при главномъ штабѣ Паскевича.

(***) Яковъ Васильевичъ Миловскій, протоіерей Николозлатовратскій, бывшій профессоръ философіи при Владимірской Семинаріи, членъ Консисторіи.

(****) Михаилъ Измаиловичъ, докторъ богословіи, протоіерей Московскаго Архангельскаго собора.

Воскресенскій, Никита Забѣлинъ, Андрей Доброхотовъ, Василій Великосельскій, Иванъ Автократовъ, Петръ Казанскій.

1828 года въ Московскую Духовную Академію: Іосифъ Смирновъ, Петръ Виѳлеемскій, Василій Документовъ, Андрей Аѳиновъ, Григорій Вознесенскій.

1829 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Иванъ Виноградовъ, Алексѣй Розановъ, Павелъ Никитскій, Петръ Покровскій. Въ Педагогическій Институтъ: Іосифъ Миловзоровъ, Иванъ Сперанскій, Александръ Одинаровъ, Николай Минервинъ, Василій Солярскій.

1830 года въ Московскую Духовную Академію: Павелъ Остроумовъ, Василій Георгіевскій, Николай Альбицкій, Гавріилъ Погостовскій, Павелъ Цвѣтковъ, Александръ Соловьевъ. Въ Московскую Медицинскую Академію: Александръ Геликоновъ, Алексѣй Сокольскій, Василій Богословскій, Дмитрій Левкоевъ.

1831 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Михаилъ Никольскій, Александръ Благовѣщенскій, Иванъ Добронадеждинъ, Ксенофонтъ Никольскій (*), Василій Сапоровскій. Въ Кіевскую Духовную Академію: Платонъ Троицкій, Ѳ. Пантелеевскій, Егоръ Казанскій. Въ Московскую Медицинскую Академію: Степанъ Ильинскій, Андрей Константиновскій, Константинъ Доброхотовъ, Михаилъ Гумилевскій, Иванъ Орфановъ.

1832 года въ Московскую Духовную Академію: Андрей Капацинскій, Александръ Доцилевскій, Михаилъ Соловьевъ, Алексѣй Соловьевъ(**). Въ Педагогическій Институтъ: Гавріилъ Виноградовъ, Михаилъ Свирѣлинъ. Въ Московскую Медицинскую Академію: Епимахъ Садиковъ, Алексѣй Руберовскій, Николай Лебедевъ, Павелъ Никольскій, Иванъ Успенскій, Григорій Аѳрмонскій, Василій Бѣлоцвѣтовъ, Сергѣй Добротворскій.

(*) Ксенофонтъ Яковлевичъ Никольскій, придворный протоіерей, законоучитель Пажескаго Корпуса.

(**) Теперь архіепископъ Волынскій—Агаѳангелъ.

1833 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Иванъ Рождественскій (*), Өедоръ Надеждинъ (**), Василій Фортунатовъ (***), В. Громовъ (****). Въ Медико-Хирургическую Академію: Михаилъ Метловъ, Андрей Ремизовъ, Василій Астудинъ, Иванъ Холуйскій, Герасимъ Соловьевъ, Сергѣй Капацынскій, Никифоръ Фигуровскій, Иванъ Молчановъ, Михаилъ Доброхотовъ, Дмитрій Доброхотовъ, Александръ Беневоленскій.

1834 года въ Педагогическій Институтъ: Алексѣй Смирновъ, Алексѣй Боголюбовъ, Петръ Успенскій, Ѳ. Наумовъ, Иванъ Фаресовъ, Абрамъ Вознесенскій, Николай Лекторскій, Николай Лебедевъ 2-й, Павелъ Никольскій, Алексѣй Сокольскій, Сергѣй Романовскій, Иванъ Борисоглѣбскій. Въ Московскій Медицинскій Институтъ: Михаилъ Холуйскій, Яковъ Трудолюбинъ. Въ Московскій Университетъ: Гавріилъ Виноградовъ. Въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію: Иванъ Доброхотовъ, Викторъ Пѣвницкій.

1835 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Александръ Кохомскій, Иванъ Бѣляевъ 1-й, Иванъ Ключаревъ, Василій Богородицкій(*****). Въ Кіевскую Духовную Академію: Ксенофонтъ Ундольскій, Матвѣй Соколовъ, Алексѣй Миртовъ, Иванъ Бѣляевъ(******). Въ Московскій Медицинскій Институтъ требовалось 6 человѣкъ, но кто поступилъ—неизвѣстно.

1836 года въ Московскую Духовную Академію: Иванъ Извольскій, Андрей Бѣляевъ, Иванъ Аменицкій, Вуколъ Ундольскій, Ѳ. Сперанскій. Въ Московскую Медицинскую Академію: было требо-

---

(*) Иванъ Васильевичъ Рождественскій, придворный протоіерей и членъ Св. Сvнода.

(**) Ѳедоръ Михайловичъ Надеждинъ, каѳедральный протоіерей города Владиміра, благочинный и членъ Консисторіи.

(***) Василій Ивановичъ Фортунатовъ, протоіерей Благовѣщенской церкви въ С.-Петербургѣ.

(****) Василій Ивановичъ Громовъ, секретарь Нижегородской Духовной Консисторіи.

(*****) Василій Емельяновичъ, бывшій законоучитель Владим. Гимназіи.

(******) Аполлосъ епископъ Вятскій.

ваніе, но никто не изъявилъ согласія, потому что семинаристы не пожелали держать экзаменъ при Гимназіи.

1837 года въ С.-Петербургскую Духовную Академію: Илья Тезавринъ, Петръ Приклонскій, Николай Алексинскій, Александръ Соколовъ (*). Въ Кіевскую Духовную Академію: Платонъ Агриковъ, Николай Приклонскій, Григорій Соколовъ, Николай Уводскій.

1838 года въ Московскую Духовную Академію: Михаилъ Миловскій (**). Въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію: Иванъ Громовъ, Евграфъ Туторскій, Козьма Доброхотовъ.

1839 года въ Кіевскую Духовную Академію: Владиміръ Владиславлевъ, Павелъ Сокольскій. Въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію: Михаилъ Давыдовъ, Андрей Андреевскій.

1840 года въ Московскую Медицинскую Академію: Александръ Алякринскій. Въ Московскую Духовную Академію: Василій Русиновъ, Сергѣй Красовскій, Ф. Скабовскій, Василій Гурьевъ. Въ С.-Петербургскую Медицинскую Академію: Андрей Протодіаконовъ.

Внутреннее состояніе Семинаріи за первое двадцатипятилѣтіе настоящаго столѣтія.

ГЛАВА XIV.

«Отношенія учениковъ между собою и учителей къ ученикамъ. Примѣры ученической преданности и нелюбви. Семинарскій Вѣстникъ».

Общей характеристической чертой семинаристовъ, первой четверти настоящаго столѣтія, было сознаніе ими семинарскаго братства, такъ сказать,—сознаніе ими своей семинарской сословности. Радость и горе отдѣльной личности были общи всѣмъ товари-

(*) Александръ Николаевичъ протоіерей въ С.-Петербургѣ.
(**) Михаилъ Васильевичъ Миловскій протоіерей въ г. Шуѣ.

щамъ; ученическій эгоизмъ былъ ненормальнымъ явленіемъ. Такъ въ 1813 году убитъ былъ разбойниками студентъ богословіи, любимый товарищами, нѣкто Алексѣй Яковлевичъ А—въ. Пришла весна 1814 года и въ „Семинарскомъ Вѣстникѣ“ (*) не одинъ разъ поэты товарищи воспоминаютъ его....

Опять друзья весна! взоръ міра оживился
И птичекъ хоръ воспѣлъ.
Но юный нашъ пѣвецъ еще не возвратился,
Знать вѣчну пѣть весну отъ насъ онъ улетѣлъ!

*
* *

Онъ пѣлъ и восхищалъ насъ жителей земныхъ,—
Теперь на небо взятъ въ хоръ ангеловъ святыхъ.

Выраженіе любви къ товарищу вызывалось не однимъ поэтическимъ стремленіемъ; оно было, повторяю, общей характеристической чертой. Вотъ наступаетъ „генеральный“ роспускъ въ отцовскіе домы на святую Пасху. Истые семинаристы не на столько увлекаются радостію отдохновенія и свиданія съ родными, чтобы совершенно забыть о предстоящемъ раставаніи съ товарищами. Вотъ что говоритъ редакторъ „Семинарскаго Вѣстника“, предъ прощаньемъ своимъ товарищамъ: „Тогда какъ будемъ опять поздравлять другъ друга съ счастливымъ пріѣздомъ, — можетъ быть и тогда не измѣнятъ мнѣ мои друзья, — не измѣнятъ моимъ намѣреніямъ и своимъ (т. е. изданію Семинарскаго Вѣстника). „Прощайте любезные друзья! Насъ будутъ раздѣлять на три недѣли великія пространства; насъ ждутъ великія опасности: разлитіе рѣкъ, овраги, лѣса и т. д. Боже, сохрани и отврати отъ ближнихъ сердцу моему, въ отдаленности другъ отъ друга, бѣды и болѣзни“!

Удачно написанное сочиненіе составляло гордость цѣлаго курса и переписывалось въ сборники для передачи будущимъ поколѣніямъ семинаристовъ. И нерѣдко семинаристъ, спустя нѣсколько годовъ, по окончаніи курса, и уже будучи священникомъ и семьяниномъ

(*) Журналъ издававшійся семинаристами.

услаждался воспоминаніями о семинарской жизни, почерпая здѣсь иногда вдохновеніе для своихъ поэтическихъ произведеній. И до настоящаго времени не мало сохранилось такихъ стихотвореній, гдѣ воспоминая свое семинарское житье, поэтъ воспѣваетъ своихъ собратовъ: то труженика—писаку, то музыканта—пѣвца, то забулдыгу—весельчака.

Вотъ отрывокъ изъ довольно сложной эпопеи 1810 года: „Плачь одного изъ старообрядцевъ (*) N богословскаго курса", —эпопеи, замѣчательной между прочимъ, по глубокому сарказму на преобразованіе, бывшее въ 1814 году.

Да, и мы старообрядцы!
А бывало были братцы
Мы совсѣмъ не таковы:
Были молоды, рѣзвы,
Были веселы шутливы,
Были въ насъ сердца игривы...
Но все это пролетѣло,
Сердце въ насъ охолодѣло.—
Что-жъ теперь я вамъ начну?—
Дай въ прошедшее взгляну!
Что я вижу? О, судьбина!
Нѣтъ ихъ; но сія дружина
Вѣчно будетъ въ сердцѣ жить,—
Милыхъ сердцу льзя-ль забыть?
Вотъ Агапычъ. Онъ бывало
Былъ сословію начало;
И сословіе друзей
Чтилъ и сердцемъ и душей.
Вотъ Гаврилычъ утѣшенье!
За большое прегрѣшенье

(*) Старообрядецъ—кончившій курсъ до перваго преобразованія Семинаріи 1814 года; видно, что этотъ старообрядецъ авторъ пожилой человѣкъ.

Должно всякому то счесть,
Кто тебя не могъ почесть:
Тутъ нельзя ужъ носъ повѣсить
Гдѣ ты вздумалъ куролѣсить....
Все то дѣлалъ ты отъ скуки;
Если-жъ взяться за науки,—
Всѣмъ ты въ нихъ примѣромъ былъ,
Кто тебя за нихъ не чтилъ?
Туискій!—наше наслажденье!
Нѣтъ тебя, но утѣшенье
Ты оставилъ по себѣ!......
Спасокукотскій! бывало
И съ тобою мы не мало
Находили здѣсь утѣхъ
И хвала тебѣ отъ всѣхъ!
Вотъ и Драчевскій Мишутя!
Ты хоть роль игралъ и шута,
Но прости моимъ словамъ
Я таковъ бывалъ и самъ..... И т. д.

Выручить изъ бѣды своего товарища считалось общей священной обязанностію: услыхали-ли напримѣръ семинаристы, что на извѣстной квартирѣ живутъ собраты ихъ на однихъ хозяйскихъ „купоросныхъ щахъ“,—тотъ-часъ идетъ подписка въ классѣ. Въ Семинарскомъ Вѣстникѣ за 1814 годъ, въ отдѣлѣ „провозглашеніе“ читаемъ: „нашъ сотоварищъ N N, лишенный всѣхъ пособій со стороны родственниковъ къ поддержанію и продовольствію себя во многомъ терпитъ недостатокъ. Правда, богатства и имущества наши ограничены; но есть возможность удовлетворить нуждамъ сего несчастливца. Благоволите убо кійждо отъ своихъ стяжаній, по возможности жертвующій, подписаться здѣсь; означая то, чѣмъ жертвуетъ“.... Въ другой книжкѣ „Семинарскаго Вѣстника“ чи-

таемъ: „необходимо собрать Стародуму сумму на бумагу, перья и чернила, ибо онъ прекрасный сочинитель“....

Замѣчательно, что въ отмѣткахъ инспекторскихъ о поведенiи учениковъ, очень часто встрѣчается такая рекомендацiя: „очень хорошаго поведенiя и *любимъ товарищами*“.

Иногда семинаристы выручали товарищей, рискуя своей репутацiей и вовсе не изъ сочувствiя къ нимъ: „сего 5-го Мая 1814 года, доноситъ инспекторъ Iосифъ, ученики словесности: Иванъ Кроцыновъ, В. Скворцовъ, В. Орловъ и Павелъ Левкоевъ, въ 12 часовъ вечера, ссорились близъ градской Знаменской церкви съ двумя какими-то женщинами, и на крикъ женщинъ многiе обыватели собрались смотрѣть; но они, видя народъ, къ нимъ подходящiй, чтобы не встрѣтиться съ дозоромъ, спрятались на колокольню Знаменской церкви, гдѣ и были заперты замкомъ; но товарищи ихъ, по удаленiи народа, пришедши, замокъ сбили и запертыхъ выпустили“.

Въ отношенiяхъ учителей къ ученикамъ было много своеобразнаго. Надо замѣтить, что семинаристы рѣзко раздѣлялись на учениковъ и студентовъ; послѣднiе были ученики философiи и богословiи. Съ студентами, до перваго преобразованiя Семинарiи, хотя и обращались учителя на ты, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не забывали ихъ студентскаго достоинства. Напримѣръ студенты, при составленiи сочиненiй, особенно предназначенныхъ для публичнаго чтенiя, испрашивая совѣта преподавателей, „не рѣдко диспутировали съ ними“. Довольно фамилiарныя отношенiя дозволялись во время рекреацiй и лѣтнихъ прогулокъ. Добрый учитель не ограничивалъ своихъ занятiй съ учениками только классомъ, — школой; у многихъ учителей былъ прекрасный обычай, въ лѣтнiе праздники, собирать нѣкоторыхъ учениковъ и отправляться съ ними въ Марьину рощу, за Клязьму и т. д. Во время этихъ прогулокъ ученики излагали ему свои недоумѣнiя, учитель дѣлился съ ними новостя-

ми науки и даже политики, читалъ интересную книгу и т. п. (*). Какъ-бы въ невольно фамиліарное отношеніе учениковъ къ учителямъ поставляло „сеніорство". Сеніорами назывались тѣ ученики, главная обязанность которыхъ была слѣдить за благосостояніемъ Семинаріи. Ихъ нельзя сравнивать съ недавно бывшими старшими; сеніоры были скорѣе помощники инспектора. Они имѣли своихъ помощниковъ—суб-сеніоровъ и получали жалованье. Сеніеры имѣли даже право,—и при томъ иногда оффиціально, на бумагѣ,—заявлять свои мнѣнія, относительно поведенія учителей! Такъ напримѣръ учитель репортуетъ о своей болѣзни,—сеніеру Семинарское правленіе поручаетъ навести справку: правду ли говоритъ учитель.

Въ 1804 году сеніеръ—студентъ богословіи Алексѣй Семеновскій, въ „покорнѣйшемъ докладѣ" Семинарскому правленію пишетъ: „посланъ я былъ отъ Семинарскаго правленія къ учителю реторики Андріянову, который по свидѣтельству моему оказался больнымъ не отъ чего другаго, какъ отъ пьянства, затѣмъ и въ классъ не приходилъ, о чемъ репортуя" и т. д.

За тѣмъ, и по первомъ преобразованіи Семинаріи, нѣчто среднее между ученикомъ и учителемъ состовляло лекторство. Лекторами назывались тѣ студенты ученики, которые назначались въ помощники къ учителямъ по преподаванію иностранныхъ языковъ. Лекторъ получая жалованье, былъ въ одно и тоже время ученикомъ и учителемъ(**).

Такъ какъ Семинаристы временъ Ксенофонта были натуры сравнительно особенно сильныя, то и чувство любви и нелюбви ихъ, относительно начальниковъ и учителей, выражалось часто очень рѣзко. Вотъ два противоположные факта, очень характеристичные.

(*) Этотъ обычай оставался хотя въ слабой степени, на долгое время; такъ напримѣръ лучшіе ученики Якова Васильевича Миловскаго и до сихъ поръ съ благодарностію вспоминаютъ его за подобныя прогулки.

(**) Впрочемъ впослѣдствіи ректорами были большею частію окончившіе курсъ Семинаріи, напримѣръ Григорій Петровичъ Крыловъ.

Въ 1815 году заболѣлъ желтухою, любимый и сослуживцами и учениками, профессоръ философіи и вмѣстѣ инспекторъ Семинаріи архимандритъ Іосифъ Березинъ. Въ это время былъ знамѣнитый врачъ въ Суздалѣ Моренко, про котораго въ то время разсказывали чуть не чудеса. Іосифъ отправился къ нему на излеченіе; но и Моренко не помогъ: въ 1817 году въ Маѣ мѣсяцѣ Іосифъ умеръ. Смерть его произвела сильнѣйшее впечатлѣніе въ Семинаріи. Ученики его настоящіе и бывшіе,—т. е. студенты философіи и богословіи со слезами умоляли ректора отпустить ихъ въ Суздаль, чтобы отдать послѣдній долгъ любимому ими профессору. Но начальство естественно не могло и думать объ удовлетвореніи такой просьбы. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, возможно отпустить учениковъ за 35 верстъ въ учебное время; нелѣпость очевидная — и они получили рѣшительный отказъ. Но на слѣдующій день въ понедѣльникъ всѣ до одного ученика отправились пѣшкомъ въ Суздаль. Всю дорогу они проэктировали, кому что говорить при погребеніи. Пришедши въ Суздаль, уже въ сумерки, и очень усталые, „они были склоннѣе къ отдыхновенію и не могли съ настоящей обдуманностію сочинять; но сердце ихъ бодрствовало и въ шесть часовъ утра т. е., во вторникъ 28 Мая, откомандированный отъ правленія Семинаріи профессоръ оглушенъ былъ, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ, неотступными просьбами — то тому, то другому позволить что нибудь прочитать при погребеніи. Поправлять ему было уже нѣкогда; онъ лучшимъ почелъ оставить сердечныя изліянія, какъ они есть". Ко дню погребенія пріѣхали и нѣкоторые преподаватели Семинаріи: Иванъ Савеловъ и другіе. Актъ (описаніе) погребенія Іосифа заключается въ пяти листахъ очень мелко писанныхъ; церемонія эта была очень сложная: стихотвореній было сказано не менѣе 12-ти и кромѣ этого 8 рѣчей, сказанныхъ какъ учениками, такъ и преподавателями.

Возьмемъ краткія, болѣе характеристическія изъ нихъ выдержки, сказанныя, повторяемъ, почти экспромтомъ.

При вратахъ собора ученикъ Иванъ Ельцынскій встрѣтилъ покойнаго стихами:

Не къ намъ-ли, гость драгой, спѣшишъ давать уроки?
Гряди, напой сердца, ихъ жажда злѣ томитъ!
Излѣй на вертоградъ живой воды потоки,—
Онъ сохнетъ безъ тебя,—теряетъ лѣтній видъ! и т. д.

Затѣмъ говорилъ рѣчь учитель Семинаріи о. І. Савеловъ. Рѣчь его, какъ сотоварища и какъ замѣчательнаго въ свое время оратора особенно характеристична. „И такъ за этимъ-то ты и оставилъ насъ? Ахъ, если-бы мы знали это,—мы-бы не пустили тебя: мы-бы стали умолять, заклинать нашею къ тебѣ и твоею къ намъ любовію—и ты-бы не оставилъ насъ. Или любящее твое сердце предчувствовало сей смертный часъ и ты не хотѣлъ поразить насъ вдругъ вѣчною съ тобою разлукою..... Но куда ты скрылся отъ слезъ нашихъ и отъ смертной нашей горести? Уже ли есть на землѣ мѣсто, гдѣ-бы не плакали о тѣхъ, кого любятъ? И ахъ, какое же утѣшеніе могутъ подать намъ небо, у насъ его отнимающее и земля, готовая скрыть отъ насъ и самый прахъ его. О, да усладитъ для насъ горесть потери его то, что онъ самъ полагалъ единственною своею отрадою.... Благость вѣчная! позволь и намъ утѣшиться высокимъ небеснымъ утѣшеніемъ, что любимецъ нашъ достоинъ наградъ твоихъ. И если что-либо человѣческое препятствуетъ ему приблизиться къ тебѣ, то сими вздохами, сими слезами молимъ ему входа въ блаженнѣйшую вѣчность. А ты, безцѣнный другъ нашъ, гряди, поддерживаемый въ послѣдній разъ дѣтьми твоими (гробъ его несли ученики), сопровождаемый ихъ и нашими благословеніями, гряди пріять благословеніе нашей матери церкви!

По внесеніи гроба въ церковь, Александръ Знаменскій читалъ стихи:

Востань драгой отецъ! Сыны твои пришли;
Мы съ радостью твой гласъ услышать притекли!

Но, други, гласа нѣтъ; уста его безмолвны,
Скончались наши дни, блаженства счастья полны(*)

Нѣкоторые ученики до такой степени отдавались своей кручинѣ, что, зачитавъ стихотвореніе, не могли отъ слезъ продолжать. „По окончаніи отпѣванія, тѣло покойнаго понесли въ Юрьевъ и ученики отъ собора до самой заставы бросали цвѣты и зелень на дорогу, такъ что гробъ шелъ, ими несомый, по свѣжимъ цвѣтамъ".

По возвращеніи во Владиміръ, семинаристы естественно предполагали, что съ ними будетъ серьезная расправа. Но тотчасъ, по уходѣ ихъ въ Суздаль, Семинарское начальство, избѣгая непріятныхъ толковъ, распространило слухъ, что семинаристы уволены имъ въ Суздаль, по неотступной ихъ просьбѣ; а потому возвратившіеся семинаристы дѣйствительно получили отъ начальства благодарность „за особенную преданность и любовь къ профессору".

Такъ сильна и полна была любовь учениковъ къ учителю! Но ихъ чувства не менѣе сильно высказывались въ другомъ, противоположномъ направленіи.

1817 года Семинарское правленіе получило отъ профессора философіи Козьмы Успенскаго слѣдующій рапортъ: „не безызвѣстно Семинарскому правленію обстоятельства, не только не однократно нарушавшія мое собственное и всего моего семейства спокойствіе; но еще угрожавшія крайнею опасностію жизни моея. Не безызвѣстно Семинарскому правленію такъ-же и то, что я единственно изъ повиновенія моему начальству и по чувству христіанской любви уже готовъ былъ оставить ихъ безъ вниманія и даже оставилъ въ той увѣренности, что мое терпѣніе и моя невинность сильны будутъ возвратить мнѣ прежнее спокойствіе! Но какъ я недавно узналъ, что и доселѣ въ нѣкоторыхъ изъ неблагонамѣренныхъ учениковъ моихъ кроется духъ незаслуженнаго мною мщенія, угро-

(*) Кромѣ множества рѣчей и стихотвореній на русскомъ языкѣ, произнесены были два стихотворенія: одно на латинскомъ другое на греческомъ.

жающаго мнѣ опасностію жизни; для сего рѣшился я прибечь подъ покровительство Семинарскаго правленія"...

По слѣдствію оказалось, что въ квартирѣ несчастнаго профессора были выбиты стекла и брошенъ камень, обвернутый въ стихотвореніе, которое въ дерзкихъ выраженіяхъ намекаетъ на самую причину озлобленія учениковъ противъ этого учителя.

Позволяемъ себѣ сдѣлать лишь краткую изъ него выдержку:

Но спросишь ты: за что съ тобой
Нашъ братъ такъ дерзко поступаетъ?
За то, что цѣлый городъ знаетъ
Подъ именемъ насъ *батраковъ*,—
Подумай, сей привѣтъ—каковъ?
А все причиной ты(*)....

Изъ бумагъ архива нельзя вполнѣ опредѣлить отношеніе профессора Успенскаго къ ученикамъ и выяснить нерасположеніе къ нему послѣднихъ. За разъясненіемъ дѣла, мы обратились съ вопросомъ къ одному вполнѣ заслуживающему довѣрія почтеннѣйшему старцу, Я. В. М. Не помните-ли вы чего, по дѣлу профессора Успенскаго? „Какъ не помнить, отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—очень это памятно!.. Въ тотъ вечеръ, какъ произошла эта непріятная исторія, о которой я не зналъ, призываетъ меня инспекторъ, какъ старшаго. На мой вопросъ: что прикажете? Онъ схватилъ меня за волосы и приговаривая: за чѣмъ распустилъ *всю* Семинарію, сильно оттаскалъ. Какъ-же мнѣ не помнить"!

Семинаристы первыхъ годовъ настоящаго столѣтія, стали довольно уже ясно сознавать свои права, какъ воспитанниковъ средняго учебнаго заведенія и притомъ людей взрослыхъ; они очень дорожили о себѣ мнѣніемъ города, а потому очень оскорблялись порученіями унижающими ихъ достоиство(**).

(*) Это дѣло и подлинные стихи хранятся въ архивѣ Семинаріи.

(**) Такъ было конечно и повсемѣстно. Напримѣръ, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, былъ архіепископомъ въ Рязани Ѳеофилактъ Русановъ, любимый и уважаемый семинаристами до высшей степени. Но когда

Между тѣмъ профессоръ Успенскій, вялый и плохой преподаватель, пользуясь своимъ преимуществомъ „главнаго профессора“ (философіи), заставлялъ учениковъ своего отдѣленія приходить поочередно къ нему на квартиру и исполнять работы чрезвычайно непристойныя философамъ: такъ они принуждены были помогать кухаркѣ выносить лохань, мыть посуду, чистить ножи и вилки, ходить съ ведрами на Клязьму и т. п. и т. д.

Это униженіе конечно падало на всѣхъ семинаристовъ, такъ что имъ положительно прохода не было отъ восклицаній горожанъ: „батраки, батраки!“ Испекторомъ былъ Алявдинъ; жаловаться ему семинаристы не сочли удобнымъ, и прибѣгли къ такому недостойному средству, какъ выбитіе стеколъ. Но едва-ли извинителенъ и образъ дѣйствій профессора философіи. Когда уже нѣсколько разъ случались съ нимъ такого рода непріятности, и когда онъ уже ясно понялъ, за что ему мстятъ семинаристы, то и тогда онъ, пришедши въ классъ, повелъ такого рода рѣчь: „Господа, вѣдь я васъ не неволю, кто хочетъ, тотъ и ходитъ ко мнѣ на череду. Вотъ листъ бумаги,—подписывайтесь желающіе!“ Исключая ученика Боевскаго, всѣ подписались; но неуваженіе къ нему еще болѣе усилилось и выразилось наконецъ вышеизложеннымъ образомъ.

Характеристическою такъ-же чертою семинаристовъ, описываемаго нами времени можетъ, по всей справедливости, служить влеченіе и даже, такъ сказать, жажда къ свободному труду,—стремленіе произвести что-либо въ области сочиненій *сверхъ-обязательное*.

онъ распорядился, чтобы семинаристы сами перенесли отъ столяра шкафы въ Семинарскую библіотеку, они отказались, считая это за униженіе, и только тогда рѣшились исполнить волю архіепископа, когда онъ внушилъ имъ, что они это дѣлаютъ для себя-же и что поэтому для нихъ нѣтъ ничего недостойнаго. Смот. Вѣстникъ Европы 1873 года книга 11-я «Ѳеофилактъ Русановъ».

Семинаристы, преимущественно высшихъ классовъ, писали еженедѣльныя, субботнія, мѣсячныя сочиненія; готовили сочиненія на дни Семинарскихъ праздниковъ, на дни диспутовъ, на публичные экзамены. Мало того, они какъ-бы сами напрашивались на излишній трудъ пера: вотъ имянины начальника,—и новая конкуренція на лучшія сочиненія, вотъ похороны „именитаго лица", —и говорится семинаристами нѣсколько рѣчей; приносятъ 21-го мая икону Божіей Матери—и семинаристы встрѣчаютъ ее привѣтствіями на всѣхъ знакомыхъ имъ языкахъ, не исключая и еврейскаго. Вѣнцомъ-же свободнаго труда семинаристовъ вполнѣ можетъ служить издаваемый ими „Семинарскій Вѣстникъ".

Этотъ журналъ, выходившій ежемѣсячно, далеко нельзя назвать легкомысленнымъ предпріятіемъ школьниковъ; это не плодъ пустой фантазіи, который, самъ собой, скоро пропадаетъ. Семинарскій Вѣстникъ, какъ видно изъ имѣющихся у насъ его книжекъ, издавался не менѣе 7-ми лѣтъ. Этотъ трудъ интересовалъ и объединялъ не только Семинаристовъ, но и окончившихъ курсъ и поступившихъ на священническія мѣста; ибо нѣкоторые изъ нихъ посылали сюда свои произведенія.

Семинарскій Вѣстникъ выходилъ ежемѣсячно отъ двухъ до трехъ листовъ, написанныхъ самымъ убористымъ и вмѣстѣ красивымъ почеркомъ. Только бѣдность семинаристовъ могла такъ ограничить сіе изданіе: значительное пожертвованіе бумаги приводило въ восторгъ неизвѣстнаго редактора Семинарскаго Вѣстника. Такъ въ октябрьской книжкѣ Семинарскаго Вѣстника читаемъ: „Сеньеръ жертвуетъ ежемѣсячно полдестью бумаги на сіе изданіе, доколѣ оно продолжится.... Вотъ подвигъ Минина"!

Епиграфомъ этаго журнала были взяты слова: «Non rumoris, sed deliciarum cavsa».

Конечно это изданіе, продолжавшееся въ одномъ направленіи, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, не могло существовать безъ вѣдома и соизволенія Семинарскаго начальства, хотя при чтеніи нѣ-

которыхъ строкъ,—не говоримъ статей,—иной современный педагогъ не допустилъ-бы этаго предположенія. Такъ напримѣръ въ одной изъ книжекъ 1814 года объявляется: „вчерашняго дня было публиковано чрезъ цензора въ филисофскомъ классѣ отъ г. учителя, чтобы ни одинъ студентъ философіи не говорилъ по русски.... Вдругъ поднялся неугомонный латинскій крикъ".

Содержаніе журнала — самое разнообразное. Кромѣ серьезныхъ сочиненій: по богословіи, философіи, словесности и исторіи, здѣсь встрѣчаются: басни, шарады, повѣсти, политическія и семинарскія извѣстія и т. д.

Статьи серьезнаго содержанія: „Русскій Парнасъ". Это краткія и вмѣстѣ характеристическія біографіи: Ломоносова, Сумарокова, Кантемира, Петрова и Княжнина. О Княжнинѣ напр. Семинарскій Вѣстникъ говоритъ: „Княжнинъ совмѣщаетъ въ себѣ дарованія трагика и комика: онъ съ равнымъ искуствомъ управляетъ и кинжаломъ Мелпомены и смѣющеюся маской Таліи. Онъ въ трагедіяхъ исторгаетъ слезы, а въ комедіяхъ благородный смѣхъ(*).

„Вояжъ на Плавучее озеро"(**),—очень интересный и картинный разсказъ: здѣсь замѣтно вліяніе на слогъ Карамзина. Описывая бурю, арторъ говоритъ: „Укрыться было некуда; сквозь высокія сосны падали дождевыя перлы на насъ обильно. Громъ, молнія и дождикъ усиливалися: видѣлъ битву природы—и не желаю видѣть сраженія искуственнаго".

Не мало въ Семинарскомъ Вѣстникѣ произведеній, замѣчательныхъ и по свѣжести мысли и по отчетливости отдѣлки. „Моя прогулка"—стихотвореніе не отсталое и для настоящаго времени. Вотъ выдержки изъ этого стихотворенія:

(*) Въ этой статьѣ видна самодѣятельность, — попытка семинаристовъ составить очеркъ исторіи литературы.

(**) Плавучее озеро въ десяти верстахъ отъ Владиміра; на немъ плавают «короба», въ которыхъ, по народному преданію, посажены убійцы Андрея Боголюбскаго, изъ которыхъ въ полночь слышится ихъ крикъ.

Поэтъ, удивляясь гармоніи природы и дисгармоніи жизни человѣческой говоритъ:

Въ лѣтню пору передъ вечеромъ,
При закатѣ солнца краснаго,
Съ сердцемъ полнымъ удовольствія,
И съ растроганными чувствами
Любовался я природою.
Тамъ, одинъ, на берегу рѣки(*),
Той, которая въ стремленіи
Величавыхъ, быстрыхъ волнъ своихъ
Орошаетъ древній стольный градъ,
Я терялся въ размышленіяхъ...
Восхищаясь красотой луговъ
И пріятностями вечера,
Говорилъ я самому себѣ:
Какъ натура некоснительно
Исполняетъ свои дѣйствія:
Въ ней все чинно, все размѣрено,
Все искустно принаровлено
Къ общей цѣли міра цѣлаго.
Но вотъ мы живемъ какъ захочется;
Мы враги—враги друзьямъ своимъ!
Нѣтъ—злодѣи мы самимъ себѣ!
Зло, коварство, зависть, ненависть—
Это слабости намъ общія.
Да и льзя-ли говорить о семъ?
Нѣтъ, довольно только чувствовать!
Тамо люди безъ религіи,—
Здѣсь стыдъ изгнанъ, совѣсть—поміру,—
Какъ и міръ стоитъ,—диковинка!..

(*) Клязьмы.

Неменѣе интереснаго встрѣчается и въ отдѣлѣ легкой литературы.

Стихотвореніе: „Отвѣтъ другу, совѣтующему изучать какой-либо музыкальный инструментъ“:

Ни на что не промѣняю
Въ свѣтѣ музы дорогой!
Пусть хоть худо я играю,—
Нѣтъ забавы мнѣ другой.
Флейта, скрипка и гитара—
Аполлоновы дары;
Но въ сравненіи Пиндара—
Музыканты—комары.
Духъ слабѣетъ, струны рвутся
И у Гайденовъ самихъ,—
Камни пляшутъ,—львы смѣются
Близь Орфеевъ лишь однихъ.

ЭПИГРАММЫ:

1.

Иди ко нравію лѣнтяй!
Трудиться поучись, премудраго по слову;
Но злымъ дѣламъ не подражай!
За Лыбедь не ходи учиться къ М—ву...

2.

На лирѣ какъ Орфей игралъ,
Такъ камни оживотворялъ;
Когда-жъ Пегасовскій на лирѣ заиграетъ,
Такъ и самыхъ людей онъ въ камни притворяетъ.

3.

Французы—истое подобіе кремня:
Чѣмъ больше ихъ сѣкутъ,
Тѣмъ больше въ нихъ огня.

4.

Ахъ, все преходитъ въ мірѣономъ
Необходимости закономъ;
И тожъ съ Наполеономъ:
Онъ изъ царя сталъ—пустозвономъ.

Въ отдѣлѣ смѣсь, на ряду съ серьезными извѣстіями о вновь вышедшихъ книгахъ, или напримѣръ о торжественномъ актѣ, бывшемъ въ Гимназіи, по случаю покоренія Лютеціи (Парижа) встрѣчаются извѣстія и такого рода: „Давно изнемогала наша Семинарія!... Давно, давно ожидали мы!... И наконецъ явился... Ликуй-же!—Нашъ Ганимедъ съ нами.—

Иванъ Борисычъ сбитенщикъ,—
Модро—витійственный голикъ!...

ГЛАВА XV.

«Семинарскія празднества: день Іустина Философа; имянины архіерея; рекреаціи».

Празднества прежней Владимірской Семинаріи, которыхъ было весьма значительное количество, не были временемъ празднымъ; это отличительная черта ихъ характера. Были праздники общіе всѣй Семинаріи, напримѣръ имянины архіерея и рекреаціи; были и частные, принадлежащіе преимущественно извѣстному классу Семинаріи: словѣсности, философіи и богословіи. Эти три класса, составлявшіе полный курсъ Семинаріи, соотвѣтствовали, по проходимымъ въ нихъ предметамъ, своимъ названіямъ: каждый классъ имѣлъ своего патрона, въ лицѣ извѣстнаго святаго. Ученики словѣсности праздновали день Іоанна Златоустаго, философіи—Іустина Философа, богословіи—Іоанна Богослова.

И вотъ, все, что въ извѣстный курсъ лучшіе ученики могли выработать въ области науки, предлагаемо было ими, въ честь ихъ

святаго патрона, на разсмотрѣніе и даже въ наслажденіе представителямъ Владимірскаго общества. По этому праздники Семинарскіе были въ своемъ родѣ какъ-бы выставками умственныхъ и эстетическихъ продуктовъ мѣстнаго молодаго поколѣнія.

Не мало трудовъ стоили эти празники лучшимъ ученикамъ Семинаріи; но за то въ какое восхищеніе приходили они, если получали одобрѣніе отъ преосвященнаго и отъ „именитыхъ гостей" своихъ! Многіе изъ гражданъ и чиновниковъ, за нѣсколько еще дней, обращались къ архіерею съ просьбою о дозволеніи присутствовать въ залѣ Семинаріи. И дѣйствительно, не мало здѣсь, на этихъ праздникахъ, было интереснаго для публики. Много поощрительнаго и воодушевляющаго заключали они въ себѣ и для воспитанниковъ Семинаріи: „успѣхи въ наукахъ, говоритъ въ одной изъ привѣтственныхъ рѣчей семинаристъ - ораторъ, неоспоримо зависятъ отъ дарованій, подкрѣпляемыхъ неутомимымъ прилежаніемъ каждаго; но они большею частію бываютъ видимы, когда возбуждаются, когда одушевляются благосклоннымъ поощреніемъ и одобреніемъ".

Вотъ какого взгляда были сами ученики на эти праздники!

Еще за нѣсколько недѣль, ученики приготовлялись къ своимъ праздникамъ, писали различныя сочиненія. Темы для сочиненій выбирались или самими учениками, или предлагались наставниками. Желающихъ писать всегда было значительное число; ибо читать свое сочиненіе публично ученики считали за честь и счастіе. Программы празниковъ были обширныя; иной разъ программа имѣла до 18 рубриковъ: кто писалъ привѣтственную рѣчь, кто басню, оду, кто разговоръ, или разсужденіе и т. д.

Прежде нежели сочиненія поступали на разсмотрѣніе учителей, между учениками много было толковъ и споровъ относительно преимущества того или другаго сочиненія, писаннаго на одну тему; ибо всегда конкурировало одно отдѣленіе извѣстнаго класса съ другимъ. Такимъ образомъ, хотя писали сочиненія только лучшіе уче-

ники, но въ разборѣ, въ преніяхъ о лучшихъ сочиненіяхъ о большихъ или меньшихъ достоинствахъ того или другаго изъ нихъ, принимало участіе большинство. Такимъ образомъ получалось много и очень много полезнаго; являлась сила, объединяющая и воодушевляющая воспитанниковъ Семинаріи. Подобно тому радостному и самодовольному чувству, какое испытывалъ въ древней Греціи цѣлый городъ, если одинъ изъ его согражданъ получалъ на Олимпійскихъ играхъ лавровый вѣнокъ,—подобно тому и каждый семинаристъ прежней Семинаріи, извѣстнаго класса, приходилъ въ полное восхищеніе, если его сотоварищъ по классу имѣлъ счастіе отличиться на Семинарскомъ праздникѣ. Чѣмъ иначе объясните вы то, что рѣчи, стихи и прочее сказанное, какъ лучшее произведеніе извѣстнаго курса, передавалось, на долгія времена, въ дальнѣйшія поколѣнія? Чѣмъ иначе объясните вы эту страсть бѣднаго семинариста переписывать, самымъ тщательнымъ образомъ, на десятки листовъ, при крайнѣй дороговизнѣ бумаги, то, что читалось лучшаго на Семинарскихъ праздникахъ? Да, много было своеобразной жизни, много было оживляющаго юношескую энергію въ прежней Семинаріи...

Начнемъ описаніе Семинарскихъ праздниковъ со дня празднества Іустина Философа, память котораго совершается 1-го Іюня. Матеріалы для этого описанія относятся къ 1810 году, когда архіереемъ былъ преосвященный Ксенофонтъ.

За нѣсколько дней до праздника, въ свободное отъ занятій время, ученики были заняты украшеніемъ Семинарской залы. Для приведенія ея до возможной изящности, семинаристы употребляютъ все свое умѣнье, всѣ возможныя средства. Окна убираютъ цвѣтами, колонны хоръ и самые хоры—листьями дуба и клена; дорога, отъ Семинарскихъ воротъ до зданія Семинаріи, усыпается цвѣтами и въ довершеніе всего—истые художники-семинаристы, хотя-бы и изъ другихъ классовъ, устрояютъ изъ лепестковъ цвѣтовъ, изъ разныхъ теней пѣска роскошный коверъ, съ изображеніемъ подходя-

щей къ извѣстному случаю картины. Эти цвѣточные ковры дѣлались иногда такъ художественно, что трудно было сразу узнать, что это не настоящій коверъ.

Въ десять часовъ утра Семинарская зала уже полна посѣтителей и посѣтительницъ. По стѣнамъ залы стоятъ семинаристы, на хорахъ—пѣвчіе. Въ смежной класной комнатѣ — счастливые ученики, удостоенные быть дѣйствующими лицами на праздникѣ. Въ 11-мъ часу слышенъ звонъ колоковъ—ѣдетъ преосвященный. Послѣ обычной встрѣчи, при входѣ его въ залу, всѣ воспитанники поютъ: „Царю Небесный". И тотъ-часъ у каѳедры выступаетъ ораторъ изъ воспитанниковъ Семинаріи съ привѣтственной отъ лица воспитанниковъ рѣчью, которую приводимъ въ сокращеніи:

Преосвященнѣйшій Владыко,
и вы почтеннѣйшіе посѣтители!

При первомъ образованіи умственныхъ способностей нашихъ, наши учители и наставники, еще не открывая намъ дальнѣйшихъ истинъ, заблаговременно старались укоренить въ душѣ нашей страхъ Господень, какъ единственное основаніе и начало истинныя премудрости,—не той мечтательной премудрости, которую Духъ Божій угрожаетъ погубить и отвергнуть, которая возбуждаетъ и усиливаетъ только жажду суетнаго любопытства, нимало не ослабляя нравственныхъ недуговъ; но той предмудрости, которая указуетъ и услаждаетъ намъ путь къ познанію Творца вселенныя, которая умягчаетъ и пріуготовляетъ сердца наши къ воспріятію даровъ благодати и истины. Памятуя незабвенный урокъ христіанскаго благочестія, преподанный св. Іустиномъ философомъ, память котораго въ настоящій день празднуемъ, всѣ мы неуклонно исходили на поле философіи, чтобъ видѣть тамъ зрѣлые класы сей премудрости,—всѣ мы равно любовались ими, всѣхъ насъ равно восхищали они своею полнотою, своимъ обиліемъ: но собиралъ ихъ, каждый изъ насъ по собственному желанію, по особенному образу

мыслей и качеству своихъ способностей. Достопочтеннѣйшіе посѣтители! Вы нынѣ приходите опредѣлить справедливую цѣну трудамъ нашимъ,—и мы недовѣряя сами себѣ, чего стоятъ пріобрѣтенія наши, срѣтаемъ васъ въ рѣшительной увѣренности, что вы возвѣстите намъ, чистыя-ли зерна уважительныхъ познаній собирали мы, или одно остіе, одинъ ничтожный прахъ, окружающій ихъ. Грядите! Очи всѣхъ обращены къ вамъ, возвѣстите: сердца наши жаждутъ услышать ваше мнѣніе о достоинствѣ нашихъ подвиговъ на полѣ благочестія и мудрости.

Рѣчь въ похвалу празднуемаго угодника говорилъ Николай Щегловъ. Изъяснивъ, что такое истинная слава, онъ представляетъ образецъ ея въ лицѣ Іустина философа. „Слава человѣческая, говоритъ онъ, умножается по мѣрѣ добродѣтели. Побѣдоносныя лавры остаются безъ вниманія, если герой подвизаясь въ жизни, не имѣетъ въ виду цѣли, для которой промыслъ произвелъ его. Не количество дѣяній сплетаетъ подвижнику вѣнецъ славы, не знамѣнитыя событія дѣлаютъ его великимъ. Человѣкъ, при всѣхъ усиліяхъ разума, не нашелъ другой стези, ведущей къ славѣ, кромѣ собственнаго сердца, по законамъ истины и добродѣтели образованнаго. Сими средствами руководствуясь, христоименитые поборники вошли въ таинственныя врата вѣчности и имя ихъ, прославленное на земли, гораздо болѣе прославляется на небеси. Св. мученикъ и философъ Іустинъ, виновникъ торжества нашего, дѣлами и жизнію увѣрилъ насъ, что истинная слава не можетъ быть пріобрѣтена иначе, какъ уваженіемъ законовъ справедливости и добродѣтели.

Мы нынѣ собрались оживотворить его въ нашей памяти. Воспоминаніе о немъ, съ нашей стороны, есть справедливая дань его добродѣтели; изслѣдованіе дѣлъ его есть способъ приближаться къ онымъ. Св. Іустинъ былъ полезенъ не однимъ современникамъ; и мы имѣемъ великое участіе въ благодѣтельныхъ плодахъ его мудрости и добродѣтели. И такъ, съ позволенія вашего, знаменитые

посѣтители, осмѣливаемся начать духовное торжество наше, изъ котораго можно будетъ видѣть почтительную признательность нашу къ славѣ и добродѣтели и то, что мы подъ сѣнію архипастыря и ревностныхъ нашихъ покровителей, не тщетно воспитываемся въ храмѣ мудрости и добродѣтели".

Затѣмъ ученикомъ Николаемъ Спасокукоцкимъ, прочтена, сочиненная имъ ода, о предчувствіяхъ, гдѣ онъ, какъ поэтъ, разъясняетъ увѣренность въ предчувствіи счастія и обращается къ святому Іустину, чтобы онъ чаще ниспосылалъ радостныя предчувствія вѣчнаго блаженства:

Живемъ, заботимся, гадаемъ,
Кому какъ въ свѣтѣ должно жить,
Мы часто то предощущаемъ,
Что впредь насъ должно посѣтить.

* *
*

Минута — человѣкъ спокоенъ,—
Другая — слезы льетъ рѣкой;
Хотя планъ жизни также строенъ,
Хоть съ тѣмъ-же сердцемъ и душей.

* *
*

И такъ не диво, что тоскуютъ,
Не видѣвъ бѣдъ передъ собой,—
Не диво, что и ликоствуютъ,
Въ храмъ счастья не вступивъ ногой.

* *
*

О, мужъ любимый небесами!
Позволь намъ счастье предвкусить,
Какое вѣрой и дѣлами
Ты могъ предъ Вышнимъ заслужить!

* *
*

Чтобъ насъ бѣды здѣсь нетерзали,
Чтобъ радости духъ возвышали
Къ Творцу, къ тебѣ и къ тѣмъ мужамъ,
Которы жизнію примѣрной
Съ любовію къ добру чрезмѣрной
Ведутъ насъ къ счастью—къ небесамъ!

* *
*

Переводъ съ французскаго, разсужденіе на тему: „Въ какой части нашего тѣла преимущественно находится душа, читалъ Василій Діомидовскій. Оригинальное-же философское разсужденіе „О врожденныхъ понятіяхъ", которое приводимъ также въ сокращеніи, предложилъ Василій Рождественскій (*). „Всякое-ли понятіе о всѣхъ вещахъ, безъ исключенія, необходимо пріобрѣтается съ помощію чувственныхъ органовъ, или есть въ душѣ нашей нѣкоторыя мысли, кои приноситъ она съ собою еще въ то время когда десница Творческая зиждетъ ее и соединяетъ съ тѣломъ? На разрѣшеніе вопроса сего, съ позволенія вашего достопочтенные мужи, осмѣливаюсь посвятить нѣсколько минутъ въ честь и память, прославляемаго нами св. мученика и философа Іустина.

Внимательнымъ окомъ разборчивости обозрѣвая вселенную, мы примѣчаемъ, что въ безконечной цѣпи толико разнообразныхъ существъ, человѣкъ представляетъ звено, соединяющее міръ духовный, съ міромъ тѣлеснымъ. Мы духовны по душѣ,—и сія духовность души нашей полагаетъ первое начало необходимости—родиться, жить и умереть съ способностію понимать: потому что воля и разумъ, отъ которыхъ понятія никогда не отдѣляются, суть толико-же существенны духамъ, какъ притяженіе и непроницаемость—тѣламъ. Посему прежде надобно отвергнуть духовность души, чтобы согласиться на то, что нѣтъ въ насъ врожденныхъ понятій.

(*) Отецъ придворнаго протоіерея, члена Св. Сѵнода, Іоанна Васильевича Рождественскаго.

Мы замѣчаемъ, что понятія, согласно всеобщему закону, время отъ времени въ насъ возрастаютъ, что кругъ познаній нашихъ расширяетъ предѣлы свои вмѣстѣ съ умноженіемъ дней бытія нашего: сіе подаетъ намъ случай заключить, что есть и должно быть сѣмя, отъ котораго бы они могли возникнуть и возвыситься. Въ системѣ міра всякое существо, имѣющее бытіе, имѣетъ и начало свое. Законы природы одинаковы и непремѣнны. То, что возвышается, должно быть прежде низкимъ.

Наши органы и благодѣтельныя постороннія обстоятельства не настолько всемогущи, чтобы тамъ, гдѣ сильная десница творческая ничего не положила, могли произвѣсть что-либо, и притомъ столь прекрасное и удивительное, каковъ разумъ мудраго въ своихъ высокихъ понятіяхъ. Но мнѣ возразятъ: почему-же мы никакихъ дѣйствій разумной души не примѣчаемъ въ младенцахъ? Отвѣтъ на сіе легокъ и удовлетворителенъ. Раскрытіе и дѣйствія способностей души нашей измѣряются возмужалостію тѣлесной организаціи. Младенецъ не потому не показываетъ дѣйствій разумной души, что она не можетъ дѣйствовать; но потому что тѣло повиноваться ей не въ силахъ.

Ежели-бы всѣ понятія души нашей происходили отъ чувствъ только, то надобно-бы имъ въ своей возвышенности соотвѣтствовать мѣрѣ остроты и тонкости ихъ, и мы бы должны имѣть понятія только о вещахъ, на чувственные органы дѣйствующихъ. Но душа наша, простирая быстрый полетъ свой за предѣлы видимыхъ вещей, понимаетъ и тѣ вещества, кои чувствамъ подлежать не могутъ. Слѣдовательно, хотя-бы чековѣкъ родился безъ чувственныхъ органовъ, и тогда-бы въ немъ блистали искры божественнаго свѣта,—и тогда-бы душа его могла проникать въ свойства существъ себѣ подобныхъ; ибо въ такомъ условіи находился-бы въ немъ разумъ, бытіе коего единственно состоитъ въ размышленіи.

Разсматривая дѣйствія умовъ, мы замѣчаемъ, что не всѣ они имѣютъ способность понимать вещи съ одинаковымъ проницаніемъ.

Одни, измѣряя природу, запутываются и въ малостяхъ такъ, что, не сдѣлавши ни одного шага впередъ, далѣе идти не могутъ; другихъ,—при всей густотѣ мрака невежества,—уже согрѣваютъ благодѣтельные лучи истины. Богъ, дивный во своихъ твореніяхъ, не создавшій двухъ песчинокъ во всемъ одна другой подобныхъ, не создалъ также и двухъ умовъ совершенно равныхъ: иному даровалъ меньшую остроту разума, за то наградилъ лучшими чувствами, иному чувства даровалъ слабыя, между тѣмъ какъ разумомъ дополнилъ сей недостатокъ. Но не тотъ больше понимаетъ, кто пользуется чувствами исправными и острыми, а тотъ, у кого разумъ дѣйствуетъ по правиламъ совершеннѣйшимъ.—Симъ доказывается, что способность понятія въ насъ врожденная, а не одними опытами пріобрѣтенная; чувства суть только орудія души нашей и что-то необходимое, но орудіе само по себѣ не опредѣляетъ ни бытія, ни познанія художника, хотя и ускоряетъ ходъ дѣлъ его.

„Любовь и желаніе предохранить собственную жизнь отъ угрожающихъ опасностей такъ естественны для всѣхъ одушевленныхъ тварей, что нельзя назвать ихъ понятіями, опытомъ пріобрѣтенными. Иное значитъ—видѣть по правиламъ искуства или науки, и другое—дѣйствовать по натуральному стремленію сердца. Кто сказалъ молодому кролику, что ему должно употреблять всю скорость ногъ своихъ для того, чтобы скрыться отъ глазъ хищнаго звѣря? И вообще симпатическія и антипатическія дѣйствія, столь часто примѣчаемыя въ царствѣ животныхъ, какъ можно изъяснить, отвергнувши врожденныя понятія?“ и т. д.

Послѣ разъясненія такого серьезнаго вопроса, посѣтители услаждались пѣніемъ концерта. За тѣмъ на средину залы вышли пять воспитанниковъ: это дѣйствующія лица въ „разговорѣ“, тема котораго, въ настоящемъ случаѣ была о „началѣ душъ“.

Дѣйствующія лица: 1. Послѣдователь Пифагора, 2. Платона, 3. Тертулліана, 4. Христіанскій философъ и 5. Любопытный.

Любоп. Почтеннѣйшій мудрецъ! скажи безъ дальнихъ думъ;

Что есть душа и гдѣ ея начало?
Что бытіе разумной даровало?

Платонъ Душа есть умъ.... Въ ефирныхъ облакахъ,
Въ превыспреннихъ кругахъ,
Гдѣ все прелестно,
Тамъ существо нетлѣнно, безтѣлесно живетъ
И души людямъ раздаетъ.

Любоп. Не можешь-ли сказать какъ это все бываетъ?

Платонъ Богъ отъ себя частицы отдѣляетъ.

Пифаг. Нѣтъ, эта мысль не хороша.

Любоп. Откуда бытіе беретъ свое душа?

Платонъ Премудрый Богъ всему начало,
Все имъ живетъ, все отъ него востало.

Тертул. Такъ души суть частицы Бога?
По этому его убавилося много!

Пифаг. Онъ долженъ быть теперь несовершенъ.

Хр. фил. По твоему онъ тѣрпитъ много перемѣнъ!
Онъ прежде былъ всесильный;
Теперь изсякъ источникъ сей обильный.
Нѣтъ, такъ и мыслить есть безбожно:
Душа — часть божества быть этому не можно.

Этотъ продолжительный разговоръ кончился обращенной къ преосвященному просьбой разрѣшить недоумѣнье;

„Вопросъ нашъ разрѣшитъ почтеннѣйшій отецъ“.

Въ концѣ празднества, какъ будто для того, чтобы всѣ участвующіе надолго вынесли пріятное впечатлѣніе, „слушалось эхо“, которое по семинарскимъ запискамъ, первыхъ годовъ ностоящаго столѣтія, опредѣляется такъ: „эхо, въ смыслѣ физическомъ взятое, нѣчто иное есть, какъ отраженіе голоса отъ каменной стѣны, отъ лѣса или отъ воды“. Эхо, въ смыслѣ стихотворномъ взятое, есть такой родъ сочиненія, гдѣ пріискиваются такія слова, которыя-бы состояли изъ отрывковъ другихъ большихъ словъ и дѣлали-бы съ

оными риему. Напримѣръ, отъ слова „порокъ“ отрывокъ и эхо выйдетъ „рокъ“.

Изъ этого опредѣленія слова эхо еще нельзя, конечно, понять весь комизмъ его...

На хоры Семинарской залы, за нѣсколько минутъ предъ дѣйствіемъ „эхо“, скрывался „знаменитѣйшій басъ“, который и замѣнялъ собою эхо. На средину залы выходилъ ученикъ, лучше другихъ сочинившій эхо и говорилъ свою рѣчь, на которую отвѣтствовало болѣе или менѣе громкое „поэтическое эхо“:

Чѣмъ позабавиться въ долинѣ сей со смѣхомъ?— Эхомъ.
Но кто есть эхо ты? Скажи душа моя!— Я.
Ты хочешъ повторять, что я тебѣ кричу,
Хотя заплачу я, хотя захохочу?— Хочу.
Но дашь-ли эхо ты отвѣтъ моимъ словамъ,
Какъ изъ исторіи вопросъ тебѣ задамъ?— Дамъ.
Одинъ-ли былъ Адамъ надъ тварьми господинъ?— Одинъ.
Кого создалъ Творецъ помощницей Адаму?— Даму.
Такъ двое было ихъ сотворено тогда?— Да!
Кто былъ оружіе и первая вина,
Что святость праотца въ раю поражена?— Жена.
Кто прежде плодъ вкусилъ отъ запрещенна древа?— Ева.
Одинъ-ли палъ Адамъ, какъ въ рай вселилась злоба?— Оба.
Чего-жъ лишилась та
Несчастная чета,
Когда содѣлана Творцу сія досада?— Сада.
На долго-ли рая лишенъ былъ человѣкъ?— Вѣкъ.
Такъ съ тѣхъ-то поръ и мы родились во грѣхахъ?— Ахъ!
Не дьяволъ-ли прельстилъ жену прейти законъ?— Онъ.
Такъ дьяволы суть намъ злодѣи изкони!— Они.
Доколѣ будутъ злы они безчеловѣчно!— Вѣчно.
Я думаю Творецъ всевѣдущій то видитъ,
Что человѣческій родъ дьяволъ ненавидитъ?— Видитъ.

Не радъ-ли дьяволъ былъ, когда изъ райскихъ вратъ
Изгнанъ былъ человѣкъ и всѣхъ лишенъ наградъ?— Радъ.
Отъ Бога получилъ законъ вѣдь Моисей?— Сей.
Кому-жъ приказано законъ его хранить
И послушливу быть,
Въ немъ сказаннымъ словамъ?— Вамъ.
Кто-жъ преступать законъ дерзаетъ таковый?— Вы.
Не знавши согрѣшимъ, такъ это ничего?— Чего?
Грѣхъ изъ невѣдѣнья безъ казни преминетъ?— Нѣтъ!
Какую-жь намъ грѣхи погибель принесутъ?— Судъ.
И такъ спастися намъ надежды больше нѣсть?— Есть.
Черезъ кого-же Богъ ведетъ насъ къ небесамъ— Самъ.
Такъ слѣдственно вѣкъ жить должны мы правовѣрно?— Вѣрно.
Благодарю тебя я эхо за отвѣты!
Но станешь-ли давать и впредь ты мнѣ отвѣты;
Я каждый день ходить къ тебѣ не престану!— Стану!
Такъ будь мой эхо другъ!
А я твоихъ.... услугъ до смерти не забуду?...— Буду.

Праздникъ заключался благодарственною рѣчью къ архипастырю и пѣніемъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“.

Владимірская Семинарія праздновала имянины архіерея еще съ самыхъ первыхъ годовъ своего существованія; лучшія сочиненія учениковъ, иногда и учителей, преимущественно поэтическія, приличныя этому торжеству, приносились отъ Семинаріи въ даръ архипастырю.

Вотъ предъ нами собраніе старинныхъ рукописей, гдѣ, между прочимъ помѣщены стихотворенія, поднесенныя семинаристами въ 1754 году епископу Платону, основателю Семинаріи, въ день его ангела. Стихотворенія эти сами по себѣ, конечно не замѣчательныя; но они драгоцѣнны для исторіи Владимірской Семинаріи; ибо это, такъ сказать, первый лепетъ новорожденной Семинаріи. При

томъ и то уже одно достойно замѣчанія и даже удивленія, что эти стихи новобранцевъ сохранились семинаристами въ продолженіи 125 лѣтъ. За ихъ многочисленностію, мы возьмемъ только нѣкоторыя.

ЭПИГРАММЫ:

1.

Природа смертну жизнь, Платонъ, тебѣ дала;
Но вѣчную тебѣ даютъ твои дѣла.

2.

Считать коль жизни дней твоей дѣлами,—
Не можетъ Маѳусалъ сравниться съ ней лѣтами.

3.

Въ насъ пятерица чувствъ, есть только лишь свое
Шестое чувство въ насъ души, Платонъ,—твое.

4.

Творецъ вселенныя опредѣлилъ отъ вѣку,
Что видѣть ангела не можно человѣку;
Но нынѣ тотъ законъ онъ какъ-бы премѣнилъ:
Каковъ есть ангелъ нашъ—въ тебѣ Платонъ явилъ!

5.

Египетскихъ чудесъ, хотя ужъ нынѣ нѣтъ;
Однако безъ чудесъ остался-ли сей свѣтъ?
Нѣтъ, лучшія и тѣхъ мы чудеса имѣемъ,
И объ Египетскихъ ни мало не жалѣемъ;
За чудо въ свѣтѣ мы считаемъ мужъ тебя,
Ты обращаешь всѣхъ вниманье на себя.

6.

Различны времена и вѣки видитъ свѣтъ.
Какой-же вѣкъ у насъ? Златой,—Платонъ живетъ.

o клас-
гвѣ: ри-
ворь или
имѣется
хъ епис-
ая тет-
загла-
покро-
сынов-
кая Се-
пастыря
ѣ, мад-
ь 1810
изобра-

предъ
орнія,
зъ од-
м., въ
разго-
никомъ
н годъ
юнитъ!
й есть
насъ".
днесен-

ныхъ Ксенофонту въ день его ангела.

Дозвол. Цензурою, Серг. Посадъ, 27 Февр. 1875 г.

томъ
эти
нiи
нѣко

Какой-же вѣкъ у насъ? Златой,—Платонъ живетъ.

7.

Пріятенъ-ли тебѣ сей даръ, того не знаемъ;
Пріятно только намъ—тебѣ что посвѣщаемъ;
Тебя мы славя мужъ, себя лишь прославляемъ
И что въ даръ ни несемъ,—себя лишь награждаемъ.

Епископу Ксенофонту, въ день его ангела, отъ каждаго класса Семинаріи и училища подносились сочиненія во множествѣ: риторъ подноситъ идиллію, или епиграмму, философъ— разговоръ или мадригалъ, богословъ — оду и т. п. Въ моей библіотекѣ имѣется не менѣе 50 различныхъ сочиненій, изъ числа поднесенныхъ епископу Ксенофонту въ день его ангела; кромѣ того большая тетрадь украшенная виньетками и картинкой съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Великому Господину.... попечительнѣйшему наукъ покровителю и отцу, въ радостнѣйшій день тезоименитства, съ сыновнимъ благоговѣніемъ и торжествомъ посвящаетъ Владимірская Семинарія". Семинаристы старались прославить своего архипастыря во всѣхъ видахъ поэтическихъ произведеній: въ сонетѣ, одѣ, мадригалѣ, эклогѣ, акростихѣ и даже перестихѣ. Мало того, въ 1810 году поднесено было „солнце", составленное изъ стиховъ, изображеніе котораго здѣсь и прилагается.

Нѣкоторыя изъ сочиненій читались семинаристами лично предъ имянинникомъ, въ особенности разговоры и краткія стихотворенія, а большая часть прочитываемы были епископомъ послѣ. Въ одномъ изъ разговоровъ участвовалъ ученикъ училища Я. М., въ настоящее время протоіерей Я. В. М. „Мой товарищъ по разговору, разсказывалъ намъ Я. В. началъ рѣчь предъ имянинникомъ архіереемъ такъ: „Вотъ и еще ко старости твоей прибавился годъ лишній"! А я, махнувъ ему рукой сказалъ: „ахъ, полно нюнить! Извѣстная ты плакса..— Намъ радостенъ сей день, день сей есть торжества!" и т. д. „Архіерей улыбнулся и благодарилъ насъ".

Разсмотримъ въ отрывкахъ нѣсколько стихотвореній, поднесенныхъ Ксенофонту въ день его ангела.

Дозвол. Цензурою, Серг. Посадъ, 27 Февр 1875 г.

ИЗЪ ОДЫ:

Ты жребій нашъ во благо строишь
И въ томъ не утомимъ трудѣ;
Ты любишь насъ, какъ чадъ покоишь,
Блюдешь ты правду на судѣ.
Къ тебѣ, томимые отъ нужды,
Текутъ подъ кровъ для нихъ не чуждый.
Самъ Богъ, смотряющій вселенну,
Тебѣ, премудрый нашъ отецъ,
Да дастъ вѣкъ долгій, жизнь блаженну
Знатнѣйшихъ почестей вѣнецъ.

Студ. философіи *В. Сапоровскій*,

МАДРИГАЛЪ:

Напрасно говорятъ, что премѣнился свѣтъ,
Что въ немъ нѣтъ истины,—порокъ одинъ живетъ.
И будто человѣки
Послѣдни доживаютъ вѣки....
Отецъ, ты истину всегда хранишъ,
Вслѣдъ добродѣтели и мудрости паришь;
Доколѣ зракъ твой незатмится,—
Свѣтъ сей у насъ непремѣнится..

Слѣдующіе стихи, отличающіяся дѣтской простотой и вмѣстѣ легкостью, произнесены были лично предъ Ксенофонтомъ ученикомъ училища.

Пастырь священный,
День вожделенный
Славлю я твой!
Нежныя чувства
Чужды искуства
Въ вѣкъ золотой!

Радость нелѣстна
Дѣтямъ извѣстна
Льется рѣкой!

ИЗЪ ИДИЛЛІИ:

Прими любовію горящи
Къ тебѣ юнѣйшія сердца,
Подобно молніи парящи
Почтить тебя въ сей день отца!
Да Богъ всещедрою рукою
Въ сей день изволитъ ниспослать,—
Награды въ знакъ передъ тобою,—
Свою святую благодать!

„Въ доброе былое время дорожили здоровьемъ учиниковъ и дозволяли труженикамъ науки въ весеннее время пользоваться пріятнымъ воздухомъ(*).

Въ теченіи Мая мѣсяца, бывало отъ восьми до двѣнадцати рекреацій. Въ первое и послѣднее число Мая, несмотря ни на какую погоду, семинаристы пользовались свободой—гуляли.

Въ тотъ день, когда ученики надѣялись получить рекреацію, съ самаго ранняго утра, мальчики низшихъ классовъ (училищные) отправлялись къ Рождественскому монастырю на валъ и садились большими группами, маня къ себѣ фурашками прочихъ учениковъ. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ, которые по смѣлѣе, пробирались въ самый монастырь, гдѣ жило начальство, узнать будетъ-ли рекреація. Получивши хотя малую надежду, семинаристы, уже цѣлыми сотнями, пробирались въ монастырь. Между тѣмъ въ Семинарскомъ корпусѣ происходилъ шумъ и крикъ и всѣ посматривали нейдетъ-ли сеніоръ.

(*) Предупреждаю читателей, что преимущественно въ этой статьѣ, я передаю слово въ слово записанные, по моей просьбѣ, разсказы почтеннѣйшихъ старцевъ, а преимущественно И. П. Чу—го.

Завидя его, всѣ почти ученики съ шумомъ и крикомъ цѣлымъ полкомъ человѣкъ въ 1,000 отправлялись въ архіерейскій монастырь. Тамъ, по распоряженію сеніора, становились они противъ оконъ архіерейскаго дома,—впереди самые младшіе, а потомъ старшіе. Наконецъ выходили студенты богословіи и философіи и становились въ послѣднихъ рядахъ. Затѣмъ отправлялись къ архіерею ходатайствовать о рекреаціи или префектъ, или кто-либо изъ старшихъ учителей. Какъ скоро соображали ученики, что ходатайствующее лицо должно быть предъ архіереемъ, тогда дружно начинали пѣть: Salutamus, а затѣмъ немедленно illustrissime recreationem humillime rogamus. Иногда это восклицаніе ученики повторяли до семи разъ и болѣе, возвышая тонъ все выше и выше. „Владыко (Ксенофонтъ), утѣшаясь нашею юностію, съ намѣреніемъ иногда медлилъ разрѣшить нашу просьбу,—не вдругъ благословлялъ ополчаться на исходъ при рѣкахъ или лѣсахъ подышать свѣжимъ воздухомъ, дабы послѣ сего живѣе приняться за ученье“. Но вотъ вождѣленная минута! Владыко идетъ; открывается въ его комнатѣ окно и онъ благословляетъ учениковъ на рекреацію. Ученики кланяются, бѣгутъ и кричатъ: gratias agimus! (*)

Затѣмъ ректоръ даетъ распоряженіе гдѣ гулять и когда собираться на гулянье.

Въ два часа пополудни, по звонку, всѣ ученики собирались на Богородицкій монастырь (гдѣ помѣщалась и помѣщается Семинарія) и чрезъ нѣсколько времени отправлялись или въ Марьину рощу, или въ Дубники, или на Старицу. По приходѣ въ назначенное мѣсто, ученики не расходились далеко, ожидая прибытія начальства. Какъ скоро приближалась карета ректора, раздавалось

(*) Рекреаціи также съ нетерпѣніемъ ждали и мелкіе промышленники и промышленницы: цѣлый обозъ тянулся съ палатками для продажи пряниковъ и проч. сластей. Женщины тащили съ собой сковороды и дрова для печенія пышекъ, булочники со всего города сбѣгались на мѣсто гулянья и т. п.

приказаніе: „въ ряды, въ ряды“! И всѣ становились стройно по классамъ, а во главѣ каждаго класса становился наставникъ. Какъ скоро ректоръ проѣзжалъ мимо ближайшаго къ нему класса, въ немъ раздавалось громкое salutamus, что повторялось во всѣхъ классахъ(*). Иногда ректору приэтомъ говорились рѣчи и стихи на разныхъ языкахъ. Потомъ ученики разсыпались по разнымъ мѣстамъ луговъ и рощи, а начальники и наставники занимали всегда мѣсто у рѣки недалеко отъ мельницы(**). Выборъ увеселеній былъ самый разнообразный. Дымятся костры, гдѣ приготовляютъ пышки: вотъ крезъ-ученикъ нанизалъ на прутъ цѣлыя десятки пышекъ и угощаетъ пріятелей; вотъ сбитень и всѣ блага Семинарскаго міра. Въ одномъ углу рощи раздается Семинарскій оркестръ,— оркестръ полный, состоящій изъ скрипокъ, флейтъ, віолончели и даже трубъ. Въ другомъ мѣстѣ природа привѣтствуется любимой Семинарской пѣснью: „Видъ природы оживился снова“. Тамъ играютъ въ лапту, въ которой участвуютъ и нѣкоторые изъ наставниковъ, а вотъ и маршалки, а вотъ и цѣлый строй бабокъ и т. д.

Особенно оживленны были рекреаціи въ 1813—14 годахъ, когда всякій русскій сознавалъ свое достоинство, которое не могло яркимъ образомъ не отразиться и на Владимірскихъ семинаристахъ.

Вотъ на высокій пригорокъ(***) входитъ студентъ философіи Митрофанъ Алякринскій (впослѣдствіи инспекторъ врачебной управы); его окружаютъ всѣ участвующіе въ рекреаціи и онъ громко читаетъ собственное стихотвореніе, въ отвѣтъ на каждый куплетъ котораго раздается, какъ-бы эхо — громогласное ура двухъ тысячъ голосовъ.

(*) Въ рекреаціи участвовали и ученики училища, стало-быть всѣхъ было до 2,000 человѣкъ.

(**) Здѣсь разумѣется рекреація въ Марьиной рощѣ, гдѣ всего чаще онѣ и бывали.

(***) Въ Марьиной рощѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.